

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
им. ГАФУРА ГУЛЯМА
ТАШКЕНТ — 1967

АНТОЛОГИЯ
УЗБЕКСКОЙ
ПОЭЗИИ

В ТРЕХ
ТОМАХ

Третьи
СТОЛЕТИИ

ТОМ

III

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Главный редактор
САРВАР АЗИМОВ

Редакционная коллегия:
СЕМЕН ЛИПКИН, МИРТЕМИР,
РАМЗ БАБАДЖАН, ХАЛИДА СУЛЕЙМАНОВА.
БОРИС ПАРМУЗИН (редактор тома).

Художник
М. Я. ЩИРОВСКИЙ

Х А М ЗА

(1889—1929)

Тламенный певец Октябрьской революции, основатель узбекской советской литературы и искусства Хамза Хаким-заде Ниязи вошел в историю нашего общества как поэт и композитор, драматург и режиссер, прозаик и публицист, как крупный общественный деятель.

Хамза родился в Коканде в семье лекаря. В 1901—1905 гг. он учится в старометодной школе, затем отец отдает его в медресе. Далекие от жизни, проникнутые религиозно-схоластическим духом, занятия не удовлетворяли Хамзу, и он оставляет медресе.

Изучение произведений Навои и поэтов-демократов Гульхани, Махмура, Муками, Фурката и Завки, глубокий интерес к народному творчеству, знакомство с лучшими образцами русской классической литературы, а также с издававшимися в период революции 1905 г. газетами, журналами и листовками и, наконец, испытание на себе невзгод и лишений стали для Хамзы настоящим университетом жизни.

Поэт, мечтавший о преобразовании жизни, в 1911—1915 гг.

сначала в Коканде, а затем в Маргилане открывает для детей трудящихся школы нового типа и преподает в них. Для этих школ он создает учебники «Легкая литература» и «Книга для чтения».

Хамза много путешествует по Афганистану, Индии, Аравии и другим странам, а также по городам Туркестана.

В 1915—1917 гг. один за другим выходят семь сборников стихотворений Хамзы, такие, как «Белая роза», «Красная роза», «Алая роза», «Ирис» и другие. В стихах поэт беспощадно бичует мусульманское духовенство, царских чиновников, местных баев, наживавшихся на эксплуатации народа. В 1917 г. Хамза начинает издавать в гор. Коканде журнал «Совет», но с первого же номера этот журнал был запрещен администрацией Временного правительства.

Поэт с огромной радостью приветствует победу Великой Октябрьской революции.

История узбекской советской поэзии начинается с появления таких революционных стихов Хамзы, как «Да здравствуют Советы», «Проснись!», «Мы рабочие», «Не отдавай свободы» и многих других.

Хамза создает первые произведения узбекской советской драматургии. Написанная им в 1918 г. драма «Бай и батрак» до сих пор не сходит со сцены театров.

Первые страницы театрального искусства Узбекистана открыты также Хамзой. Созданная им в 1918 г. в Фергане «Передвижная драматическая труппа» выступает на фронтах гражданской войны, ведет большую агитационно-пропагандистскую работу, борется против врагов советской культуры.

Деятельность Хамзы этим не ограничивается. Писатель и боец, словом и оружием отстаивающий в годы гражданской войны Советскую власть, постоянно действует в самой гуще революционных событий тех лет. В 1921—1924 гг. в Хорезме и Каракалпакии, в 1924—1926 гг. в Коканде и Фергане, в 1928—1929 гг. в Шахи-

мардане он непосредственно участвует в культурной революции, в создании коллективных дехканских хозяйств.

Родина и народ высоко оценили проникнутое любовью к человеку творчество Хамзы, его кипучую деятельность во имя блага трудящихся. Ему первому в истории узбекской советской культуры присвоили в 1926 г. почетное звание Народного поэта.

Хамза Хаким-заде Ниязи был зверски убит врагами Советской власти 18 марта 1929 г. в Шахимардане (ныне Хамзабад).

МЫ РАБОЧИЕ

(Песня)

Мы все — рабочие — живем
Своей работой и трудом.
Мы тоже люди, — почему ж
Нам быть у баев под ярмом?

От грузной ноши тяжело нам,
И кровь струится по плечам.
Они хотят, чтоб мы, как скот,
Подвластны были их бичам.

Богато баи все живут,
Богатство баям дал наш труд,
Но в благодарность нам за то
Они нас мучают и бьют.

Но мы хотим идти вперед,
Сотрем с лица кровавый пот.

Поднимем головы свои
Из праха, из-под ног господ.

Настало время, батраки!
С плеч сбросим бремя, бедняки!
Победа впереди встает,
Лучи сияют нам в пути!

День этот — праздник для труда,
Да сгинет байство навсегда!
Бездомными нам не бродить
И не батрачить никогда.

Оружье нужно для борьбы,
На бой вооружимся мы.
Прогоним баев-кровопийц,
Защитников насилья, тьмы!

1917

ПРОСНИСЬ

(Песня)

Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!
Вечно здравствуй, власть Советов — наших светлых
дней оплот!

Разорвав свои оковы, сбросим стародавний гнет.
Истинного просвещения широко раскрыта дверь,
Пусть культурно и свободно сын рабочего живет.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя
взошла!

Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Сгиньте, бай-кровопийцы, сгинь, мулла, и сгинь,
ишан,

Кисею в версту длиною накрутивший на тюрбан.
Наше время наступило, наш рассвет пришел, друзья.
Процветай и крепни, дружба всех рабочих и крестьян.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Пусть ученье в наших школах обостряет ум ребят,
Сгинут пусть гнилые нравы, суеверья, шариат.
Пусть из нашей молодежи вырастут учителя,
И в народе просвещение пусть они распространят.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Эти дни освобожденья повториться могут ли?
Кто другой нам так поможет, как Советы помогли?
Если мы от светлой цели отвратим свои глаза,
То в грядущем имя наше сохраниться может ли?
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

Нет, сегодня день не смеха, не забав веселых день.
Личное сейчас — помеха. Общих дел сегодня день.
Стан перевязав покрепче, встань, трудящийся народ!
Знанья радостного вехи мы заложим в этот день.
Вставай, проснись, наш Туркестан, заря твоя взошла!
Живи и здравствуй, Туркестан, хвала, хвала, хвала!

1918

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ

(Песня)

Не унывай, сбылась мечта,
Советы пробудили нас.
Кровь не напрасно пролита:
Свободным стал рабочий класс.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд.

Вставай, забитый человек,
Теперь нельзя лениться нам.
Долой старье, долой навек
Чалмы, чадры и прочий хлам.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!

Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд.

Оставь сады, где тлен и прах.
Пускай зимуют там сычи,
А в наших молодых садах
Весна зажгла свои лучи.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд.

И свет зажжен, и сброшен гнет,
Все то, что ждал, ты получил.
А кто не с нами, пусть идет,
Пусть держится за прах могил.

Да здравствует Советов власть,
Советы нас вперед ведут!
Мечта сбылась, мечта сбылась,
Пусть в мире торжествует труд!

1918

ЭЙ, ЭЙ, СТРЕЛЯЕМ!

(Песня)

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорубайся, кирка!
Подымайтесь, ряды рабочих,
Чтобы вам не проспать века!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Пробивайся в гранит, кирка!
Почему богачи покупают
По дешевке труд бедняка?

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит прорубайся, кирка!
Пусть рабочим будет дорога
К просвещению широка!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Пробивайся в гранит, кирка!

Тех, кто против нас выступает,
Расстреляем наверняка!

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит пробивайся, кирка!
И для нас наступает время
Убедиться, как жизнь сладка.

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Сквозь гранит пробивайся, кирка!
Чтобы враг был навек опрокинут,
За оружие, рабочих рука!

1918

ПРОСНИСЬ, РАБОЧИЙ!

(Песня)

Столетиями ты в дреме пребывал,
Топтали в грязь тебя враги — и стар и мал.
За хлеба пригорелого ломоть
Ты в молодости силу продавал.
Проснись, рабочий! Ясный день встает,
Тебя к труду великому зовет!

От слез твоих кровавых ни следа
В сердцах жестоких — что им за беда?
Ты заработанным насытиться не мог,
Обновы не носил ты никогда.
Проснись, рабочий! Ясный день встает,
Тебя к ученью светлому зовет!

Тиранов сброд закабалял тебя,
Он в цепи рабства заковал тебя,
Но к новой жизни светлый путь открыт
Раскрепостил восстанья вал тебя.

Проснись, рабочий! Ясный день встает,
Тебя к труду великому зовет!

Тиранов нет — сбылись твои мечты,
Живи свободно на земле и ты.
Не будут палок на спине твоей ломать,
Ты не познаешь больше нищеты!
Проснись, рабочий! Ясный день встает,
Тебя к ученью светлому зовет!

1918

НЕ ОТДАВАЙ СВОБОДЫ

(Песня)

Воин в шапке меховой,
Лев страны родной,
Вражье сердце раскромсай
Мощною рукой!

Старый дедовский завет
Пусть услышит рать:
— Лев умрет, но никогда
Не вернется вспять!

Смелый воин, шире шаг,
Сбрось извечный гнет,
От расплаты подлый враг
Больше не уйдет!

Век за веком над тобой
Измывался бай,—

Нынче счета с ним сведешь,
Баю не прощай!

Нам предатели грозят,—
Мы их разобьем!
Уничтожим деспотизм,
Контру изведем!

Не увянет никогда
Сад свободного труда!
Ты свободу защищай,
Дни твои пришли.

Превратим в цветущий сад
Весь простор земли!
Выше взвей багряный стяг,
Радости исток!

Пусть увидят алый свет
Запад и Восток!
Дорог людям всех племен
Красный цвет твоих знамен!

1919

ЖИВИТЕ-ЗДРАВСТВУЙТЕ, РАБОЧИЙ И ДЕХКАНИН!

(Песня)

Живите-здравствуйте, рабочий и дехканин!
Гоните кровопийц, пусть ваше солнце встанет!
Мы сбросили ярмо, кровавый гнет смели мы!
Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

Народу славные победы суждены,—
Теперь учиться мы старательно должны,
Шагаем мы вперед — сильны, неумолимы!
Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

Учитесь грамоте, ловите знанья свет!
Раскрыт пред нами мир, в котором рабства нет,—
Для радостных сердец все цели достижимы!
Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

Отважных воинов, рабочих и крестьян,
Родная Партия слила в единый стан,—
Былого призраки уйдут невозвратно!
Отныне мы хотим иною жизнью жить:
Мы счастье воплотим — и так тому и быть!

1919

СЕТОВАНИЯ ИШАНА

Стародавних дней отрада где теперь?
Мрак мечети, дым обряда где теперь?
Те дружки, что были рядом, где теперь?
Мной обманутые чада где теперь?

По лугам мои бродили табуны.
Стерegli их днем и ночью чабаны.
Были им мои делишки не видны.
Этих добрых дней услада где теперь?

Где земля моя, сады и цветники?
Только вспомню — рвется сердце на куски!
Вина где теперь, что были так сладки?
Женщины с покорным взглядом где теперь?

Шли с мольбой ко мне, с молитвой шли они.
Целовали мой подол в былые дни.

Те красотки, что лишь бровью шевельни —
Приходили на дом, где теперь?

Был пророком я и раем торговал.
У глупцов последний грошик выдирал.
Сам теперь для всех глупцом презренным стал.
За товар святой награда где теперь?

Всех невзгод моих причина — большевой.
Он поверг меня во прах — никто другой!
Даже черт теперь не знается со мной.
Все черно, все стало адом мне теперь!

1926

УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Сними чиммат, открой лицо, для всех прекрасной
Оковы на куски разбей, им неподвластной будь!

Невежеству кинжал наук вонзи глубоко в грудь,
Науке, мудрости мирской, всегда причастной будь!

Поблекшему во тьме лицу дай радостью цвести,
Украшь ученых мудрых пир и розой красной будь!

Невежества и рабства яд тебе дают муллы,
Ты ханжество их обличай и речью страстной будь!

Заставь их лица почернеть от злобы и стыда,
Для всех, кто женщину не чтит, стрелой опасной
будь!

Из тьмы чиммата, как из туч луна, блесни лицом,
Из темной жизни выходи, зарею ясной будь!

Лучи учености возьми, а не сурьму для глаз,
Войди в дворцы наук, искусств, для всех прекрасной
будь!

1927

ПЕСНЯ СВОБОДНЫХ ЖЕНЩИН

Подруги женщины, идите к нам скорей,
Когда все вместе мы, то песня веселей.

В пылающий костер бросайте паранджу,
И станет мир вокруг нарядней и светлей.

Мы прославляем власть, что вызволила нас,
Давайте будем петь и танцевать смелей.

Как будто бы у нас есть крылья за спиной,
Пример нам подает поющий соловей.

Веселый музыкант, тамбур настрой скорей,
Мы к радости пришли, мы на пиру у ней.

Мы — яркие цветы, растущие в саду,
Не пряча красоты, мы расцветем пышной.

Советская страна дала свободу нам,
Шагаем к цели мы сияющей своей.

Молчали сотни лет, как бессловесный скот,
А ныне обрели мы звание людей.

Желанный день настал: тюремщиков своих
Всех выбросили мы из наших светлых дней.

Попробуй только муж к свободе путь закрыть,—
Немедленно уйдем, ведь нет былых цепей.

Ревнивцам всем назло — еще немало их —
Красуемся — пора им быть уже умней.

А если оскорбит нас взглядом кто-нибудь,
Мы отомстим тому, мы нынче всех сильней.

Свобода — вешний сад, и мы — его цветы,
Скорей идите к нам, вставайте в круг тесней,

Чтоб миру подарить цветенье всех искусств,
Мы к знаниям идем — и нет пути верней.

Мы овладеть хотим всей мудростью наук,
И счастьем быть тогда во много раз полней.

Раскрой свои глаза, ты ныне человек,
В сиянии зари — свет радости твоей!

1927

ПОЗДРАВЛЯЮ!

Настала весна, отшумели метели,
Исчезли вороны, соловьи прилетели.
Смеясь
 и резвясь,
 мчит ручей напролом.
Молнии блещут,
 грохочет гром.
Улыбки радуют.
 От чуткого сна
Природа освобождена.
 Завесы долой!
 Льется свет над землей.
Чалмы и халаты
 мулл туповатых,
 черти угодники,
 наглые сводники,
И ады, и раи,
 и дервишей пенье,

вопли юродивых, озлобленье,
 коварство, обман,
 клятвы, дурман
 навечно с приходом весны
 как будто вихрем унесены.

Монархи, троны,
 тираны, короны,

поборы, налоги,
 кнут, цепи, остроги,
 разврат, суесловье,
 потоки крови,

И золота звон,
 каторги стон,
 покорность раба,
 лихая судьба,

Соблазны и враки,
 раздоры и драки —
 все зашаталось,
 все закачалось,
 унесено,
 сокрушено!

И пляски, и бденья,
 слезы раденья,
 черные мысли —
 тьмы порожденье —
 выдумок вздор,
 дрянь и сор —
 осыпалось все,
 все встряхнуто,
 как ягоды тута.

ПРЕДАТЕЛЯМ «ХУДЖУМА»

Служащие есть такие: жен решив освободить
(То есть, говоря по чести, вовсе воли их лишить),
Пикнет лишь жена, грозит ей:— Не хочу с тобою
жить!
А расскажешь — так из дому выгоню за эту прыть!—
Знать, хотят они для женщин быт старинный
возродить.
И не снилось, что придется женщине свободу дать,
Что придется — страшно молвить!— паранджу
в сундук убрать.
Что ж придумать, чтобы места теплого не потерять?
Лицемеры разрешили в праздник лиц не покрывать,
На одном лишь из десятка вечеров открытой быть.
Эй, чинуши! Вы ж не люди, а набитые портфели!
Разве женскую свободу защитили б вы на деле?
Вы — вороны, как же львами называться вы посмели?
Даже ваши партбилеты убежать от вас хотели,
Чтоб в КК об исключенье вас из Партии просить!

1928

НА СМЕРТЬ ТУРСУНОЙ

Чистота была в каждом уголке,
Платье вымыто, сохло на шнурке,
А предатель-муж мне готовил нож,
Смерть моя была у него в руке.

Лепестками дней жизнь моя цвела,
Я порою спать от счастья не могла,
А убийца-муж, как ночной злодей,
Мне нанес удар в грудь из-за угла.

Бой неравный был. В четырех стенах
Никого друзей. Только смертный страх.
Только муж-палач. Только в сердце нож.
Только цвет надежд, превращенный в прах.

Пользу принести жаждала стране,
А взамен того стыд и горе мне —
Не могла свою волю защитить,
Жертвой стала я в мужней западне.

Нет, не надо слез! Траур ни к чему.
Распознать врага у себя в дому,
Продолжать борьбу, сестры, надо вам,
Гибель Турсуной учит вас тому.

Сверстницы мои! Вам вперед идти
С зоркостью в глазах, с мужеством в груди,
Чтоб никакой Хаджикул не мог
Встать у молодой жизни на пути.

1928

ХАМИД АЛИМДЖАН

(1909—1944)

Хамид Алимджан родился в семье бедняка дехканина в Джизаке. После революции вплоть до 1931 г. он учится в школе, затем в училище и в Узбекской Педагогической академии (г. Самарканд).

Получив высшее образование, Хамид Алимджан работает в редакциях газет «Зарафшан», «Ёш ленинчи» и журналов «Курилиш», «Советская литература Узбекистана», в научно-исследовательском институте культурного строительства, в Институте языка и литературы имени Пушкина и т. д.

С 1934 г. и до конца своей жизни Хамид Алимджан — председатель Союза писателей Узбекистана.

Пламенный поэт-патриот, талантливый драматург, крупный ученый и критик, публицист и оратор, большой организатор узбекской литературы, Хамид Алимджан за двадцать лет плодотворной работы создал неувядаемые образцы литературы социалистического реализма. Он автор поэтических сборников «Весна», «Огненные волосы», «Пойга», «Смерть врагу», «Ночь у реки», «Край», «Счастье», «Мать и сын», «Возьми оружие в руки», «Ве-

ра», поэм «Айгуль и Бахтияр», «Зайнаб и Аман», «Семург», стихотворных драм «Муканна», «Преступники» и многих других. Своими научными работами Хамид Алимджан внес достойный вклад в узбекское литературоведение и критику. Как переводчик он познакомил узбекских читателей с произведениями классиков великого русского народа и других братских народов, с произведениями советских писателей.

За большие заслуги в развитии узбекской культуры и литературы Хамид Алимджан в 1943 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекистана.

3 июля 1944 г. трагическая смерть прервала жизнь этого замечательного поэта и ученого.

К УЗБЕКИСТАН

Когда брожу по стране родной,
Странное чувство владеет мной:
Землю ее цветущих садов —
Что ни миг — целовать я готов.
Рассказам людей внимать люблю —
Мысли и песни в душе коплю.
С песней вдоль рек родных прохожу,
С песнями я по долинам брожу.
Но краше всех легенд старины
Нынешний облик моей страны.
Вот он вновь предо мной возник,
Край мой родной, мой пышный цветник.
Солнцем и синевою осиян,
Звонко названный — Узбекистан!
О родина-мать, как ты хороша!
Тобой через край полна душа.
Словно невеста счастливая ты —
У ног твоих пестреют цветы.

Это долина, радуя взор,
Свой живой расстилает ковер,
Как мириады алых пиал,
Тюльпаны в горах — красней, чем лал.
Чело твое венчает убор
Снежных серебряно-белых гор,
И полноводны, и широки,
Тебя омывают две реки.
Их живой водой побежден,
С глаз людских убегает сон.
Радостный тут закипает труд,
Без песни не работают тут.
Щедро за труд человеку воздав,
Хлопок растет, высок и курчав,
Яблони, цвет осыпав с ветвей,
Никнут под сладкой ношей свей,
Гнется колос под грузом зерна...
Богата моя родная страна!
В поле — работа. Войдешь в города —
И здесь не смолкает песня труда,
Люди на фабриках ткут, прядут,
Радостен в стране моей труд.
Нет, страной скорпионов и змей
Мой край теперь называть не смей!
Эта экзотика нам смешна:
Она не такая, наша страна!
Свободен и счастлив наш народ —
Тутовый червь нам шелк дает,
Пчелы рады нам мед дать,
Птицы не любят от нас улетать,
Солнце здесь светит целый день,
Чтобы довольства и счастья полна,
Была прекрасна наша страна.

Верен по-прежнему розе своей,
Теперь не стонет над ней соловей,
Новой ее красотой восхищен,
Счастлив в моей стране и он.
Поэты газели поют, но стих
Теперь не отравлен слезами их.
Матери над колыбелью поют —
Судьбу своих детей не клянут.
Счастливая на все времена —
Вот такая моя страна!
Каких героев мой край воспитал!
Взгляни на Большой Ферганский канал!
Кем же тебе эта мощь дана,
Любимая, родная страна?
Кто тебе вырасти так помог,
В чем твоей громкой славы залог?
Это Партия, это Москва —
Вечно святые для нас слова.

1939

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА

Степи зеленые-зеленые,
Ах, до чего же они зеленые,
Солицем весны вдохновенные,
Чистой росой окропленные,
Степи зеленые!
Проснувшись на заре молодой,
Умылись родниковой водой,
И в мраморных чертогах природы
Они вдыхают свежесть свободы,
В широкую волю свою влюбленные,
Зеленые-зеленые.

Такие у них просторы,
Такой горизонт, который
Был этим полям неведом
В пору седой старины.
К победам, только к победам
Степи устремлены,

Нашей песней воспетые,
Ранним хлопком одетые,
Поля, поля окрыленные,
Зеленые-зеленые.

Там, где на листьях хлопчатника
Прелесть росистая нежится,
Солнце по праву соратника
Рядом с долиною движется,
С долиной, что молодо, весело
Коробочки хлопка развесила,
Собственным счастьем своим удивленная,
Зеленая-зеленая.

Что это? Что это?
Это расстелен
Пестрый ковер у нагорных расселин,
Это, сменив былые века,
Дышит время широкогрудое,
Это стихи сочиняет река,
Это беседует ветер с запрудой,
Это заря сквозь рассветный туман,
Как замечтавшаяся красавица,
Смотрит и ждет, что судьбы караван
Скоро на поиск, на подвиг отправится,
Это чудесный зов: за работу!
Это певец, который берет
Пятилетки первую ноту,
Чтобы мы шли веселее вперед,
Это, некогда испейленная,
Возрождена
Наша весна,
Это звенящая новизна,

Жаром наших сердец опаленная,
Это она, это она,
Плодоносная Фергана,
Зеленая-зеленая!
Ты вышла на солнечный свет
Из глубины веков.
Привет тебе, привет,
Долина большевиков!
Привет тебе, привет,
Хлопка снежный сугроб!
Привет тебе, хлопкороб,
Коричневый от загара!
Привет тебе, герой из Кайнара,
И тебе, Хайдар, чья родина — Паласан:
Трактора-корабля капитан,
Ты движешься, утверждая
Цветенье родного края,
Чтоб не ворвался буран,
Чтоб и пылинка не села,
Чтоб и песчинка не смела
На эту землю упасть обновленную,
Зеленую-зеленую.

А небо — синее-синее,
Лишь облаков белеют стада,
А на долине — стальные линии,
И бегут по ним поезда.
Кончилось тьмы вековой владычество,
Плечи свои распрямили поля,
Юным трепетом электричества
Животрепещет земля.
Ты, Фергана моя, раньше
С нищенской бродила сумой.

А теперь у тебя — мощь великанши,
И трудно вспомнить тебе самой
О времени том постылом,
Что никогда не вернется вновь.
Вижу: по твоим электрическим жилам
Электротоком струится кровь.
Древняя, ты жить начала сначала,
Силу вдохнул в тебя большевик.
Ты в совершенстве теперь узнала
Трактора и комбайна язык.
Ты богатеев сбросила бремя,
Чтобы не стало сиротских слез,—
И уползло тяжелое время,
Словно голодный и грязный пес.
Двигутся, движутся, как составы,
Новые годы труда и славы,
Изобилием наделенные,
И волнуются сочные травы —
Зеленые-зеленые.

О, как здесь привольно дышится,
Как зелени море колышется,
Какая нам песня слышится!
Материнской ласки полна,
Ты своих детей, Фергана,
Нянчила, обмывала,
Нежила, целовала,
Расчесывала им волосы,
Баюкала их вполголоса,
Носила на спине,
Хранила и во сне
От ветра, от ненастья —
И вырастила счастье!

Вижу плоды мастерства
И трудолюбья ферганского.
Вижу, как хорошеет Кува,
Вижу приметы богатства крестьянского,—
Выросло много таких кишлаков
В светлой долине большевиков.
Это в каждое входит селенье
Радость — победительница тоски,
Это зелень пошла в наступленье
На суховеи, пески,
В этом цветенье — голос набата,
Голос рабочих сердец,
Отзвуки бурь, штурмовавших когда-то
Зимний дворец,
В этом цветенье — новая эра,
К дальним звездам полет,
В этом цветенье — стойкая вера
В будущее, что непременно придет!
Мы, победившие в долгом споре,
Видим лицо судьбы просветленное,
А кругом долина — как море
Зеленое-зеленое!

Будем на страже стоять с бесстрашьем,
Оберегая свои берега,
Чтобы не плавала в море нашем
Лодка врага.
Мы заставим работать машины:
Ради нашего края цветущего,
Мы поднимаемся на вершины,
Ибо нам нужен воздух грядущего!
Явью стать наконец должна
Та мечта, что в сказках мечталась,

Чтоб, как ребенок в воде, Фергана
В электрическом свете купалась.
О полнота бытия!
О начало разбега!
О хлопкороб, на свое дитя
Надевший рубашку белее снега!
Береги долину, которой украшен
Старый Восток,
Береги чистоту этих пашен,
Чтобы ни на один листок
Даже пылинка не села,
Даже песчинка не смела
На эту землю упасть, всецело
В будущее устремлённую,
Зеленую-зеленую!

1932

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК

Под окном моим за ночь вдруг
Белый, белый расцвел урюк.
Каждый цветок, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Теплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украсить успел.

Что ни год — приходит в цветах,
Обольстит и уходит весна.
Что с бесстыдницей делать? Ах,
Ведь опять обманет она!

Но, обиды свои глуша,
На весенний глядя расцвет,
Я твержу: «Весна хороша,
Будет счастье мне или нет?»

Нежно глядя щеки мои,
Ветер шепчет: «Счастье с тобой!»
И чирикают все воробьи:
«Пой, счастливец, радуйся, пой!»

Выйду в сад, по дорожкам пройду,—
Лунной ночью, солнечным днем,—
Все мне радо в белом саду,
Все мне тайно поет об одном:

«Мир цветов пред тобой возник,
Ты домой унеси его весь,
Но обилен счастья цветник,—
Не снесешь — оставайся здесь.

И за всех, ушедших давно,
Кто в слезах без цветов зачах,
Право счастья тебе дано
В белых, белых урючных садах...»
Под окном моим за ночь вдруг
Белый, белый расцвел урюк.

1937

НА БЕРЕГАХ ЧИРЧИКА

Цветники долин я жадно созерцал
И, потоком дум объятый, онемел.
Над седой водой сиял Чаткал,
Из-за гребней гор в глаза мои глядел.

Изумлен стоял перед Чирчиком я,—
Тайну бытия в волнах я увидал.
Мне отсель видны Аму и Сыр-Дарья,
Их теченья шумный неуемный вал.

Мудрецы вокруг меня и храбрецы,
Первенцы страны и смельчаки,
Ведуны вод, грядущего творцы,
Лучшей из наук о счастье знатоки.

Жизнь пескам пустынь они несут в руках,—
Струи новых рек, что потекли в песках.

И земля тучнеет волею труда,
И весна, весна бушует в ледниках.

Хлопок пышно зреет. А в тени садов
Медом тяжелеет урожай плодов.
А вдали — пустыни огненная синь,
Желтая гряда пылающих песков.

Старого Востока степь окрест легла,
Говорит: «О, дай мне воду Ферганы!
Я столетья жажду. Мощь моя ушла.
Дай испить чирчикской сладостной волны!

Где арыки те, что вырыл Навои?
Высохли, вода по руслам не идет.
О Чирчик! Когда б, как берега твои,
Мне бы зеленеть у говорливых вод!»

Диво ль, что в степях рожденный человек,
Увидав плотины и кипенье вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиления на землю прольет.

Я — поэт Востока. Помню огневой
День, когда те слезы бедняков-дежкан
Стали песней! Песня же повела на бой,
Беды сотен лет смела, как ураган.

Миллионов песнь о Ленине была.
Эта песнь всегда вперед вела.
Эта песнь в боях победу нам дала,
Солнце бытия бессмертное зажгла.

Диво ль, что всю жизнь страдавший человек,
Увидав Чирчик, кипенье светлых вод,
Из суровых глаз, не знавших слез вовек,
Слезы умиленья на землю прольет.

Ибо ей — воде — могущество дано
Исцелять недуги, степи оживлять.
В сердце у певца желание одно:
Весь Восток, весь мир свободным увидеть!

Ночью над Чирчиком тысячи огней,
Предо мною мир — прекрасней, чем весна.
Песнь о нем в душе рождается моей,
Как над гранью гор апрельская луна.

1938

ЛЮБОВЬ

Пришла смущенная — с букетом роз:
«На память сохрани», — сказала ты.
В моих глазах застыл тоски вопрос,
Мне руки обожгли твои цветы.

«Сегодня молодость — слуга войне,
Судьбу любви решит судьба войны.
Проверить на святом ее огне
Все чувства наши мы теперь должны.

А если не вернусь... Мой милый друг...—
И влагой грусти взор твой налился.
— Ты не забудешь обо мне...» И вдруг
С твоих ресниц закапала роса.

Я удержать не смел тебя, не мог,
И сердце в западне забилося вмиг:

Мне в нежности твоей звучал упрек,
Я совести своей услышал крик.

Да, нам теперь пути другого нет,
Бескровной нам нельзя шагать тропой.
Как солнце месяцу выходит вслед —
Я на войну ушел вслед за тобой.

Нас разлучила грозная война,
Но в сумке я твои цветы держу,
И Родины, и милой имя,
Скача в атаку, с нежностью твержу.

Как бешеных зверей, врагов губя,
Жестоко мстя за Родину свою,
С клинком в руках стремлюсь к тебе, любя,
Струна любви не молкнет и в бою.

Чем горячее бой, чем он грозней,
Чем яростней врагов крошу клинком,
Тем поцелуй мой мысленный нежней,
К тебе летящий легким ветерком.

А может быть, скитальцами в веках
Стать нашим поцелуям суждено?
Но любящим сердцам, презревшим страх,
И в гибели бессмертие дано.

И, землю обagrив, такая кровь
Страну родную оплодотворит,
Она возвысит дружбу и любовь,
Пути побед грядущих озарит.

Нет, не исчезнут наши имена!
На празднестве победы — будет час! —
С живыми наравне почитит страна,
Овеянных легендами, и нас!

Вновь Украины расцветет краса,
Позолотит она края свои,
В зеленые российские леса
Слетятся петь нам славу соловьи.

И колосом пшеничным стану я,
И заисрюсь горячей кровью вин,
И заиграет в розе кровь твоя,
Речную гальку превратит в рубин...

Нет, храбрых в жизни смерть не заберет,
Любовью смелых озарится мир.
Любимые друзья, родной народ
Победу ждет! Мы явимся на пир!

1942

ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Сегодня день рожденья твоего.
Сегодня дом, как луг весенний, ярок,
Цветы кругом... И я лишь ничего
Возлюбленной не принесу в подарок.

Тебе сегодня девятнадцать лет,
С тобой — весны счастливые соцветья,
А я в бою встречаю свой рассвет,
Справляю праздник совершеннолетия.

В окопе дымно... Только в щель видны
Две-три звезды над тучкой голубою.
И небом Родины глаза мои полны,
И вся душа моя полна тобою.

О, выйди в сад! Взгляни на небо ты,
Послушай небо хоть на миг единый,

И, может быть, из дальней высоты
Тебя напев коснется соловьиный.

Из темноты вернешься в светлый дом
И снова сядешь у стола с друзьями,
А соловей кружится за окном
И в стекла бьет печальными крылами.

Пусть будут нынче веселы друзья,
Красноречивы будут поздравленья,
Но пусть никто не слышит соловья,
Не замечает твоего волненья.

Пусть пьют друзья сегодня допьяна,
Пусть будет много и вина, и хлеба,
И только ты, красавица, одна,
Подняв бокал, взгляни опять на небо.

Тебе сегодня девятнадцать лет,
И нет поры для молодости краше,
Но дашь ли ты торжественный обет,
Любовь моя, не становиться старше?

Не говори ни слова мне в ответ
И не шути над выдумкою друга,
Не уходи за девятнадцать лет,
Не покидай весны, моя подруга!

О, не спеши, красавица, постой!
О, удержи в груди своей дыханье,
Чтоб расцвести девичьей красотой
Тогда, в минуту нашего свиданья.

Пусть будет только девятнадцать ей,
Любви твоей, и больше — ни мгновенья.
Невесты ждать должны богатырей,
Когда идут великие сраженья.

А мы, обычай верности храня,
Идем к победе в копоти и дыме,
И если я погибну средь огня,
Шепну твое коротенькое имя.

Ну, вот и все... На небе вспыхнул свет,
И стали залпы раздаваться часто...
Тебе сегодня девятнадцать лет,
Мое далекое, большое счастье.

1943

РОССИЯ

О Россия! Россия! Могучая Родина,
Беспредельно огромная, как небосвод.
Даже солнце, пока полпути им не пройдено,
Тебя сразу лучом своим не обоймет!

Поезда в многодневном пути задыхаются,
Пробежав от закатной черты на восход.
Птицы с неба не раз отдохнуть опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет.

Не обнять богатырской твоей поясницы
Рекам, славным длиной и обилием вод,
И с великим народом твоим не сравнится
Ни один во вселенной живущий народ.

Сокрушит твоя сила все злые напасти,
Землю солнце любви твоей светом зальет.

Ты воздвигла твердыню свободы и счастья,
Где семья наших братьев-народов живет.

Честь великая — дней своих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какую громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!..
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

И когда в эти лютые зимние стужи
Птицы падают замертво в снег на лету,
Твои дети, могучие храбрые мужи,
Гонят вражьи полки, как заря темноту.

Под лучами любви твоей солнце светлеет,
Под лучами любви твоей тают снега.
Но пред гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

И увидел я вражьи твердыни разбитые
И услышал твой гром, грохотавший в бою,
Видел я, как орлы твои плыли над битвою,
И наполнился верой в победу твою!

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров,
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость от
И пролить свою кровь за тебя я готов. кости,

1943

САМАРКАНД 21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Тот день не позабудется вовек,
В воображенье оживает он.
Как стая аистов, кружился снег,
Весь мир был белым снегом занесен.
Кружился в небе снег и на земле.
Понурые — в снегу косматом все —
Стояли минареты в мутной мгле.
В снегу мечети были, медресе,
В густом снегу все ветви и сучки;
В снегу, запахиваясь на бегу,
На площадь торопились старики.
И дети пробирались сквозь пургу
Между садов из дальних кишлаков.
И женщины бежали — все в снегу,
Отбрасывая паранджи покров...
В волнении великом вся страна,
Огромная печаль у всех одна,—
Печаль утраты горше всех утрат.

Кто ж в том всеобщем горе виноват?
Какая весть сердца живых прожгла,
Как огненная грозная стрела?
Все улицы вокруг площади полны,
Все головы печально склонены.
На сердце горе, скорбь в глазах у всех...

И в изумлении старик один
Спросил в толпе у сына своего:
«Кто был тот человек, скажи мне, сын,
Что провожает весь народ его?
И ведь не в Самарканде умер он,
И даже не жил в наших он краях!
Так почему ж печаль во всех глазах,
И тьма людей пришла со всех сторон?»
«Сегодня умер Ленин! — сын сказал. —
Таких, как он, мир прежде не видал!
Таких смертей еще не ведал мир!
Таких скорбей еще не ведал мир!
Стара вселенная, и много в ней
Рождалось мудрецов, богатырей,
Но Ленин всех великих превзошел.
Всю книгу жизни мира он прочел;
В ночи кромешной, в заточенье он
Голодных миллионов слышал стон.
Свой гнев он на тиранов устремил
И тиранию в пепел превратил.
В твердыне мрака рухнули врата,
Исчезла вечной ночи темнота!
Сквозь ураган провел он караван
Опустошенных, разоренных стран
И вывел земли на великий путь,
Где светит солнце, вольно дышит грудь!

Он хлеб голодным, кров бездомным дал,
Он беднякам навечно землю дал.
Велик он был!
Будь жив сейчас могучий Прометей,
Огонь с небес добывший для людей,
Увидев Ленина, он на вершинах гор
Порвал бы цепи, крылья б распростер!
И вот кого смерть унесла!
И вот чья смерть скорбь эту навлекла!
Все мало будет — сколько ни скорбим,
Не хватит в мире слез рыдать над ним!»

Печаль в глазах народа моего,
Печаль и скорбь сейчас в сердцах его.
Как море, дышит площади жерло,
Как море, толпы дышат тяжело.
И души-волны мчатся без конца,
И бьются, как морской прибой, сердца...
А снег валил. Косматый, талый снег.
Как хлопок белый, небывалый снег.
И облаков, тот снег несущих, мгла
Тяжелой тенью по земле легла;
И тени той, казалось, не отвести.
И в сумерках все гуще падал снег...

В воображенье оживает весь
Тот день, ~~несабываемый~~ навек.

1938

ЗЕЙНАБ И АМАН

(Отрывок из поэмы)

I

Полны веселья и отрады
Зейнаб бесхитростные дни.
Идет она среди прохлады
По саду тихому в тени,
И ветви сонные склоняет
Навстречу ей цветущий сад,
И детской радостью блистает
Ее замороженный взгляд.
Цветет привольно над землею
Зейнаб лукавая краса,
А сердце чисто, как весною
Раскрывшиеся небеса.
И птицы, в небе пролетая,
Ей подражают в быстроте,
И маки, к солнцу вырастая,
Ей подражают в красоте.
Идет Зейнаб, ногой касаясь
Зеленых трав, жемчужных рос,

И перед первой из красавиц
Вся степь, как яркий паяндоз,
Раскинулась. И караваны
Лиловых гор — навстречу ей,
И осыпаются тюльпаны
На пальцы тоненькие ей.
И Зарафшан, с горы срываясь,
Забыв на миг свой бурный гром,
Блестит пред первой из красавиц
Волны певучим серебром.
Поводит девушка очами,
И словно в них отражена,
Навеки чуждая печали,
Навеки юная весна.

II

Ты знаешь ли, какое солнце
В стране, где выросла Зейнаб?
Его прекраснее — хотя б
Весь мир объездил — не найдется!
На этот край взглянуть захочешь —
И в плен навеки попадешь,
Водюю губы чуть намочишь —
И жадным ртом к ручью прильнешь.
На эту землю ступишь только —
И где бы ни пришлось блуждать,
Ее пылинки на подметках
Тебя обратно будут звать.
Покажется, что все желанья
Твои исполнились с тех пор,
Как ты увидел гор сверканье,

Степей тюльпановый простор.
Здесь полон песен и поверий,
Шумит поток в тиши ночной.
И плачут сказочные пери
Над несмолкающей волной.
Здесь в малахитовых долинах —
Сапфировая гладь озер,
Здесь кущи маленьких и синих
Фиалок у подножья гор.
И водопады, пролетая
Со скал на темные скалы,
Свисают здесь, волной блистая,
Среди прозрачной полумглы.
И каждый луч, упавший ночью
На землю сонную с луны,
Здесь равен солнцу. И воочью
В нем все цвета отражены.
И новорожденные почки
Урюка розовых цветов,
И возникающие строчки
Еще не созданных стихов,
И счастье девушек, что всюду
Сопровождает их в садах,
Подобно розовому чуду,
Горит румянцем на щеках.
Здесь девушкам любви уроки
Дает бессонный соловей.
Здесь я придумал эти строки,
Здесь родина Зейнаб моей.

III

Где сердце, что любовь узнало
И к ней бы не стремилось вновь?
Вставала над землей любовь,
И небо звездами сверкало,
И конь под звездами скакал,
Неся наездника к любимой.
Любовь... Среди пустынных скал
Певец блуждает нелюдимый.
И сколько перед ним во мгле
Теней тоскующих проходит:
Меджнун на пасмурной земле
Свою подругу не находит,
И где-то от него вдали,
Ночные косы расплетая,
Рыдает нежная Лейли,
Подушке скорбь свою вверяя;
И в тишине среди громад
Дробит скалу кирка Фархада;
Отчизну потерял Фархад,
И сердце подвигу не радо;
Хранит волшебную красу
Ширин, плененная Фархадом.
Но век подносит ей касу,
Наполненную горьким ядом.
Печальна летопись любви,
Печальны милые виденья,
Но все-таки живут в крови
Ее прекрасные волненья.
И все-таки она — весна!
Как сердце смуглое тюльпана,
В венце веков живет она,

Неповторима и желанна.
Она — стесненный первый вздох,
Лиловая фиалки завязь,
И шорох легких башмачков,
И лунного восхода зависть,
Когда девическая грудь,
Чистейшей белизной блистая,
Откроется. Спеши вдохнуть,
Моя отрада молодая!
Спеши, мой радостный герой,
Ты в этот миг из света создан.
Ты станешь бронзовой горой,
Подругу поднимая к звездам.

IV

Еще печали и волненья
Неведомы Зейнаб моей,
Но словно дивное растение,
Любовь цветет в душе у ней.
Все волосы Зейнаб в косички
Несметные заплетены,
Они как струйки-невелички
Тяжелой ласковой волны.
И над губой ее атласной,
Как капля бархата, черна,
Сокровищ всех земли прекрасней
Темнеет родинка одна.
А грудь бела, как снег на склонах
Незыблемых Тянь-Шаньских гор,
Но взглядов юношей влюбленных
Не видит огне-черный взор.

Лишь брови вскинуты, как крылья,
Как ласточка издалика...
Она смеется без усилья,
Она печалится слегка,
И звезды хороводы водят
По небосклону перед ней,
И зори алые приводят
Сверкание зеленых дней.
Ей кажется: любовь — привольный
Весенний луг, без перемен —
Срывай цветы охапкой полной
И росы встряхивай с колен,
Иди, держась за край халата,
Иди за милым, словно тень,
Иди с восхода до заката,
За ночью — ночь, за днями — день!
Любовь! Зейнаб ее не знала,
Ждала ее... Так под лучом
Степная горлинка играла
Несмелым молодым крылом.

V

Но вот урюк розовоцветный
В саду у девушки расцвел,
И взгляд очей ее приветный
Себе избранника нашел.
Бутонов в цветнике так много
И влагой дышат перед ней.
Джигитов в кишлаке так много,
Отвагой пышут перед ней.
Так почему — сама не знает

И удивляется Зейнаб —
Аман мечты ее пленяет,
Один Аман любим Зейнаб?
Другие юноши не хуже —
Сильна рука и глаз остер,
Блистают дедовским оружием,
Коней выводят на простор.
Один раскинет руки-крылья
И в небо соколом вспорхнет,
Другой кинжалом без усилья
У тигра ребра рассечет;
А третий на коне поскачет,
Подковой по степи блеснет,
И бег коня его горячий
Обгонит молнии полет.
Ну, а четвертый над горами
Кетмень размашистый взметнет,
И зашумит поток волнами,
В седую степь вода придет!
Как меч отточенный, могучи
Узбеков храбрые сыны,
Подвластны им земля и тучи,
В труде они закалены.
Так почему — сама не знает
И удивляется Зейнаб —
Аман мечты ее пленяет,
Аман один любим Зейнаб?

1938

АЙБЕК

Айбек (Муса Ташмухамедов) родился в 1905 г. в Ташкенте, в семье ткача-ремесленника. В 1918—1930 гг. он учится в начальной школе «Намуна», в педагогическом техникуме имени Навои, в Институте народного хозяйства в Ленинграде и на факультете общественных наук Среднеазиатского государственного университета. Он работает научным сотрудником в научно-исследовательском институте культурного строительства (1929—1933), в Институте языка и литературы (1934—1937), преподавателем-доцентом в Планово-экономическом институте (1930—1935), редактором и переводчиком в Учебно-педагогическом издательстве (1938—1941), руководит сектором общественных наук Академии наук Узбекистана (1944—1953). В 1945—1949 гг. — председатель Союза писателей Узбекистана.

Творческую деятельность Айбек начал в 1922 г. как поэт. За 40 лет изданы поэтические сборники «Чувства», «Струны сердца», «Факел», «Песня солнца», поэмы «Дильбар — дочь эпохи», «Месь», «Кузнец Джура», «Бахтыгуль и Сагындык», «Навои», «Героиня», «Девушки», «Хамза», «Зафар и Захро», «Правдолю-

бы», «Мой дедушка», романы и повести «Священная кровь», «Навои», «Ветер золотой долины», «Солнце не померкнет», «В поисках света», «Детство». В 1957—59 гг. изданы избранные произведения писателя в четырех томах на узбекском языке и позже в пяти томах на русском.

Критические статьи и научные исследования, написанные Айбеком об узбекской классической и современной литературе, являются весомым вкладом в науку,

Айбек перевел на узбекский язык многие выдающиеся образцы русской и мировой литературы, в том числе «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова и другие.

Своими талантливыми произведениями, отображающими жизнь народа, Айбек способствовал утверждению в узбекской литературе принципов социалистического реализма. По достоинству высоко оценен его роман «Навои». Произведения писателя переведены на русский, украинский, казахский, таджикский, а также на французский, немецкий, чешский, китайский, уйгурский и на многие другие языки мира.

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы писатель-коммунист Айбек награжден тремя орденами Ленина, орденами и медалями. Айбек — академик Академии наук Узбекской ССР, депутат Верховного Совета Союза ССР, народный писатель Узбекской ССР.

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Не иссякнет ключ тот вдохновенный,
В нем истоки жизнь сама берет.
Наше солнце — дух его нетленный —
Движет он историю вперед.

И хотя глаза его сомкнуты,
Мысль его у нас в сердцах горит.
Он провидит вечность до минуты
И с грядущим смело говорит.

На груди навеки недвижимы
Руки, сбросившие гнет веков...
Торжество мечты непобедимой
Сделал явью вождь большевиков.

В Мавзолее мраморные своды.
Он лежит в объятьях тишины,

Вождь всего советского народа,
В самом сердце у своей страны.

Жизни все мудрейшие законы
Были ясны для него всегда.
Молот наш, серпом пересеченный,
Дал он нам эмблемою труда.

Он гремел, как первый гром весенний,—
Молодела старая земля.
В каждый дом вошел великий Ленин
Через дверь московского Кремля.

Пламя боя — первый рокот бури
Прокатился по Неве-реке.
Встали волны на седом Амуре,
Повинуясь поднятой руке.

Заглянул он под чадру Востока
И сорвал ненужное тряпье.
Так весна живительным потоком
Зимнее тревожит забытье.

Злые боги нищей доли нашей
Перед ним рассеялись в пыли.
Торопясь, припали люди к чаше,
Полной свежей мудростью земли.

Он пришел, и с этого момента
Пробудились в хижинах рабы —
На просторах разных континентов
Укреплялись силы для борьбы.

Захлебнувшимся рабочей кровью
Имя «Ленин» страшно, как чума.
Мастерам обмана и злословья
Имя «Ленин» — это смерть сама.

Ленин жив. Его душа открыта
Для грядущей жизни всех веков.
Нам он — мира новая орбита,
Гениальный вождь большевиков.

Светлый разум Партия впитала,
Стал ее он разумом живым.
Имя «Ленин» знаменем нам стало,
Знаменем высоким, боевым.

1948

ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦА

В жару дымятся заросли джиды,
Как будто серебром сады закапали...
За садом — сад, обходишь все сады,
Потом идешь полями, с поля — на поле.

На гордой голове — венок волос,
А сапоги — солдатские, кирзовые,
Мужчиной стать тебе в тот год пришлось,
Самой войной ты мобилизована!

Еще дрожит прощальная слеза,
Дымки за эшелонем не растаяли...
А уж соседи голосуют «за!».
Ты возражала — на своем поставили!

И вот уже ни отдыха, ни сна,
Всегда на людях, дорожа минутой,

Ты летом в пекле, в поле дотемна,
Зимой — каналы роешь в стужу лютую.

Ты раньше и не ездила верхом,
Но всюду надо поспевать! И с ходу
Пришпорив лошадь, скачешь напрямиком
Через весеннюю шальную воду.

В предгорьях — хлеб. На пастбищах — стада...
В долинах — хлопок. Верно, никогда ты
Не отдохнешь, пока твоя страда:
Одеть, обусть и накормить солдата.

Исправить трактор, подковать коня —
Нет той заботы, чтоб тебя минула,
И ко всему вдобавок нету дня,
Чтоб в чей-то дом беда не заглянула.

В душе — своя тревога под замком,
Но с нею лишь заботливее вдвое.
Ты для сирот заводишь детский дом,
Всю ночь бесстрашно говоришь с вдовою.

Всегда точна, словам своим верна,
Гневна бываешь, озорна бываешь,
С презреньем обрываешь болтуна,
И первой в поле песню запеваешь.

И вот, казалось бы, вовсю запеть!
По радио грохочет день Победы!
Так что же ты рыдаешь? Все стерпеть,
Все вынести — все трудности, все беды,—

И вдруг последней в целом кишлаке,
Пройдя весь путь, весь непомерно длинный,
Сжать в это утро в ледяной руке
То черное письмо из-под Берлина!

К тебе он не вернется никогда...
Рыдания молча в горле застревают...
Подходит осень, та пора, когда
Бессонный труд, как выручка, бывает.

Плывут на ЗИЛах хлопка облака.
А он лежит в земле, там — под Берлином...
По-прежнему тверда твоя рука,
Все та же строгость в облике орлином.

Живешь трудом, заботами, борьбой,
И лишь порою, в нестерпимом горе,
Коня седлаешь. Молча скачешь в горы.
Одна. Никто не едет за тобой...

1946

НАМАТАК

Чудно качается куст наматака,
Там, наверху, в ветровой колыбели,—
Солнцу — корзина цветов белоснежных.
Гордо над краем утесистой щели
Чудно качается куст наматака...

Мне не насытиться пляской той нежной,
Черные камни и те посветлели.
А на лице его пляшет улыбка,
А на щеках поцелуи зардели,—
Солнцу — корзина цветов белоснежных.

Плачет у ног его снег серебром,
Чудно качается куст наматака.
Ветер швыряет мне жемчуг ручья,
Чудно кивает мне в скалах из мрака
Звездных цветов белизна под ручьем.

В воздухе гор, в тьме утесов кромешных,
Спутав побег, цветами сияя,
Пляшет создание скал одичавших,
Куст наматака, как пьяный, вздымая,—
Солнцу — корзина цветов белоснежных.

1936

ПРОЩАНИЕ

Прощай, прощай, Чимган родной,
Где я с весельем говорил;
Тебе я сердце подарил,
Дни шли как сказочной страной!

Дни шли, и жизнь была легка,—
Цветы и в сердце и вокруг,
И памяти зеленый луг
Не знает мертвого листка.

Трава по грудь стояла здесь,
Когда я прибыл в край зарниц,
А праздник бабочек и птиц,—
Он мог ли гостю надоесть?

Я пил кумыс, оставив стих,
Лежал на теплых отмелях,

И птицы, душу веселя,
Мне пели гимн сердец своих.

Как жидкий жемчуг — предо мной
Волна, как песня парусов,
Был полон воздух голосов,
Звеневших радостью земной.

Лез на Чимгана крутизну,
Был страх и радость — тот поход.
Пил мед цветов, ступал на лед,
Уйдя душою в новизну.

Как звон бокала о бокал,
Звенели мне минуты те,
Когда на дикой высоте
Я выси взглядом обегал.

В полях шли тени, в тишь маня,
Вдали на скалах, под рукой,
Казалось, исчезал покой,
Сгорев в лучах палящих дня.

Гулял я, одинок в ночи,
И тайный голос ветерков
Тут приходил ко мне с лугов,
С вершин, из зарослей арчи.

В боярышнике, как из сна,
Вставала мне подругой вдруг
И шла, воспламенив весь луг,
Как опьяненная, луна.

Я в том негреющем огне
Дышал полночной красотой,
В шелках прохладных ночи той
Живые краски пели мне.

Свет золотой то шел, струясь,
Ущельной черной тьмы до дна,
То света теплая волна
Текла, средь дальних гор дымясь.

Червонный, в свете багреца,
Здесь плыл деревьев караван,
Ткут соловьи тут свой «диван»,
«Диван», в котором нет конца.

Ручей и роща, и огни,
Семь юрт там войлочных больших,
Семь тусклых ламп горят в тиши,—
О, как пленительны они!

Коль буря ночью заревет,
Поток свернет, сшибая с ног.
Подушки — чуть не за порог,
И одеяла — чуть не в лёт...

Я молний ярому броску
Дивился, радостью сожжен,
И слушал рощи тяжкий стон,
Впивая сладкую тоску,

Всю ночь в работу погружен.
Лишь неба желтые цветы!

Смеясь, сгорали,— с высоты
Нес ветерок мне тихий сон.

И ночь. И Пушкин. И юрта...
Всю ночь с любовью я вкушал
Все, чем жила его душа,—
Как жизнь проста и непроста.

Он мне, по милости своей,
И сердца свет и свет ума—
Как бы поэзия сама—
Дарил, как песню новых дней.

Прощай, Чимган,— и гор гряда,
И сад— поэзии ключи.
Вот здесь-то Пушкина и чтить!
Чимган, ты в сердце навсегда!

1936

* * *

Милой глаза, что влекут так безудержно, вспомни!
Неба вечерний цветник, словно жемчужин краса,
На равнинах, в горах все нежнее покой, все укромней,
Среди глаз всего мира вспомни милой глаза.
Вновь разлука с тобой, горем сердце мое сжимая,
Вновь поет соловей свою песню без перемен,
Вновь и ветер проходит, цветами тихо качая,
Мне на память приходит такая ж, как ты, такая
Красивая девушка, сердце берущая в плен.
Под журчанье воды один по берегу бродишь;
Память обняв в тебе, камнем сидишь меж камней.
Люди ушли, в сердце с этой минуты ты входишь,
Как сладостный сон в черноту дикой ночи моей.
Милой глаза, что влекут так безудержно, вспомни!
Ночи в слезах и веселость той девушки вспомни!

1946

ТВОЯ РАДОСТЬ

Вечер душный, усталый на отдых залег.
Гаснут на небе огненных маков луга.
Ужин варится, рдеет в золе уголек,
Мать-старуха на корточках у очага.

А над ней, на жердях, тяжелы и плотны,
Темно-красного яхонта гроздь висят.
И чего-то ища, горячи и жадны,
Ветерки виноградной листвой шелестят.

Пятерых молодцов, одного за другим,
У нее отняла, оторвала война.
И тоскует она по своим дорогим,
Видеть их — нестерпимым желаньем полна.

Голоса их в ушах не смолкают у ней,
Их дыханье горячее бьет ей в лицо.

Все ей чудится: будто шаги сыновей,
Будто звякнуло старой калитки кольцо...

Вот развязывает она кончик платка,
От меньшого письмо полустертое в нем,
Эти буквы писала родная рука,—
Слезы вновь подступают ей к горлу комком...

Призрак сына, кивнув, удаляется прочь.
Пригорел ее ужин, и выстыл очаг.
Краски вечера черным замазала ночь.
Хмурясь, в мрак она смотрит до боли в очах.

У ограды колышутся пять тополей,
Пять друзей, шелестящих, веселых, живых.
И целует им ветви и блещет теплей
Золотая звезда между листьями их.

Мать вздыхает. Она одинока опять.
Тихо шепчутся пять тополей и звезда:
Слез не лей, будь тверда в испытаниях, мать!
Счастье в дом твой вернется, придет навсегда!

Снова даль бирюзовая, песней звеня,
Отзовется — окликнешь, махнешь ли рукой,—
Непомерною радостью сердце тесня,
Засмеется земля, если ступишь ногой.

По садам, по дворам будут рыскать ветра,
Как гонцы, застучат у дверей матерей.
Не закончив уроки, из школ детвора
Понесется гурьбой по домам поскорей.

* * *

Стих ветер,
звук шагов негромок,
в саду становится светлей.
Луны нечаянный обломок
плывет, качаясь, меж ветвей.
Как платья, пали тени с веток.
Все кругло, в мире — ни угла.
И ткань медлительного света,
как шелк, предметы облекла.
Мир шире стал раз в десять,
во сто!
Земля как воск.
Вода как мед.
И звезд рассеянное войско
арьки переходит вброд.
И времени исчезли чары,
и так мне просто и светло,
как будто будет все сначала,
что было
или быть могло.

* * *

Сколько раз повторить твое имя,
чтобы где-то в сумятице дня
мне твой след показали бы,
или
ты сама услышала меня?

Есть ли плата такая, или плаха —
все отдать или на смерть пойти
за одно невозможное благо:
чтобы наши скрестились пути...

За углом
иль на дальней звезде лишь
взор твой разом пронзит суету?
Или больше вовек не посеешь
ты цветов
в моем жарком саду?

Снова в знойном саду моей думы,
как плоды, созревают слова.
Ждут, чтоб ветер нечаянный дунул,
ждут — и могут дожждаться едва.

Нет, никак я к тебе не привыкну,
наших слившихся душ торжество!
О любовь, ты, как соки — травинку,
наполняешь мое естество.

Ты как утро, что солнце впустило,
вытесняя постылую темь.
Ты как туча, что среди пустыни
подарила прохладную тень.

Ты как ночь, что росую приникла
к бедным веткам в горячем саду.
Ты как яркая звездная книга,
и по ней я читаю судьбу.

* * *

Когда с души спадает тяжкий гнет,
то вся преобразается природа,
глядит весной
любое время года
и мило все, на что твой взор падет.

■

ОСЕНЬ

Иду рассветным половодьем красок,
Деревья, словно факелы, зарделись,—
Явленье зрелой осени прекрасно.

Крыло зари на персике червонном,
Урючина в пунцовом ожерелье,—
Как самоцветы, вспыхивают кроны.

Глядится небо синими глазами
В распахнутые зеркала арыков —
Живительную трепетность бальзама.

Высокий стан могучего платана
Венчает золотистая корона,—
Еще столетья жизни великану!

И ничего, что птицы улетают,
Что дни короче стали и прохладней,
Что на ветвях живая зелень тает,—

Не увяданье поднимает крылья.
Украшенные радужным соцветьем,
Сады налиты соком изобилья:

Искрятся хмелем гроздья винограда,
Зазывно манит яблочный рубин,—
Пей, человек, земли осенней радость!

...Бреду закатным переливом красок.
Под звездами деревья остывают,—
Как тишина вечерняя прекрасна!

ДЕВУШКИ

(Отрывки из поэмы)

Посвящается
XXX годовщине ВЛКСМ

I

Декабрьский снег клубится над землей,
Поля как смерчи белые кругом.
Дорог безмолвие. Метели вой.
И сизый дым, и снег над кишлаком.
А в кишлаке тревожен каждый дом:
Старух томят предчувствиями сны,
У молодых сединки над виском
От «черных писем», от вестей войны.
Все здесь живущие — живут войной,
Одной заботою, борьбой одной.

И под одной из кровель кишлака
Сидели, дружный образуя круг,
У теплого сандала, камелька,
Пять девушек, веселых пять подруг.
Вчера с канала прибыли они.
Средь нелюдимых ветровых степей
Вели они канал, за днями дни

Копали степь железом кетменей.
С обветренною кожей лиц и рук,
Со славою вернулись пять подруг.

Как яблоки под солнечным лучом,
Сияют щеки розовые их,
Огонь играет ярким перстеньком,
Узорным шелком платьев дорогих.
Тепло июньское дарит сандал,
На крышу мягко упадает снег.
На скатерти пять расписных пиал,
Горячий чай — утеха из утех,
Лепешки свежие, изюм, джида —
Весь дастархан дехканского труда.

Час отдыха! Раздумья тихий час!
Игрой теней заполнены углы..
Шуршит в руках у девушек атлас,
Мгновенный блеск — на кончике иглы.
Они платки бойцам в подарок шьют,
Они сплетают в праздничный узор
Цветы и листья, что весной растут
В родных садах, среди полей и гор.
Тем, что в боях идут сквозь дым и кровь,
Отчизна шлет свой скромный дар — любовь.

И неустанно двигая иглой,
И не сводя с узоров глаз своих,
Беседуют подруги меж собой
О подвигах недавних трудовых.
И вот гора пустынная встает,
Землянок гнезда на крутой горе,
Степной буран, и пыльный небосвод.

И красный флаг на розовой заре,
И гулкий шум народного труда,
И степь, в которую придет вода.
...Как ранним утром ухает карнай,
И кетмени — что молнии! — блестят,
Как, поджигая темной ночи край,
В костре багровом угольки горят...
О бульканье кумгана на костре,
Домбра в руках у старого певца!
И шутки вслед умолкнувшей домбре,
И песням нет начала и конца!..
И девушки вдруг видят пред собой
Огонь костра, землянку под горой.

Вздохнут они... А снова речь пойдет,
И в каждом слове — сдержанный намек.
Грустят о тех, кто писем им не шлет.
Молчат о тех, кто дорог и далек.
К войне невестой Назмихан была,
Ее джигит уехал раньше всех.
Тугие брови, словно два крыла
Пугливой ласточки, взлетают вверх.
В день свадьбы призван на войну джигит —
Жена ль, невеста ль? — Назмихан грустит.

У Алтыной глаза черным-черны,
А щеки блеклы, будто бы больна.
Задумчиво разгадывает сны
И носит платье темное она.
За молчаливость и за простоту
Ее «старинной девушкой» зовут.
Ну, а Дильбар молчать неспособна,
Всех озорней она, смешливей тут.

Она сверкает ясной красотой,
Вся так и брызжет силой молодой.

Дильбар искусно пляшет и поет,
Как соловей, дутар в ее руках,
Ее артисткой Алтыной зовет,
Театр давно живет в ее мечтах.
А сердце девушки стремится вдаль —
Ее джигита призвала война...
Чуть помоложе будет Айджамаль,
Что круглолица, как сама луна.
И пышнотела, и крепка она,
Огонь — в работе, а в речах скромна.

Все «Кыз-палван» ее зовут вокруг,
Иначе — девушкой-богатырем...
Гульшан моложе всех своих подруг.
Приветливая, с розовым лицом,
Она в чудесной утренней поре,
В поре надежд, четырнадцати лет.
А встанет самой первой на заре,
Прилежнее ее на поле нет.
Работает, смеется день-деньской,
Полна веселой, детской хитрецей.

И вот во двор выходят пять подруг.
Буран утих. И на небе светло,
И звезды ярки-ярки... А вокруг,
Куда ни взглянешь — все белым-бело.
И девушки бегут; сверкает снег,
Шуршит, звенит... И на снегу — следы.
Дильбар опять хохочет звонче всех;
Слепив снежок, чтоб кинуть до звезды,

Им попадает в щеку Алтыной,
А та — в ответ. И завязался бой!

В снегу — калоши, в воздухе — платки,
Снежки, снежки. И беготня и крик!
Но вот хрустят по улице шаги,
Ворота скрипнули. Вошел старик.
Гульшан навстречу бросилась скорей
И деда обнимает у ворот.
Приглаживая волосы, за ней
Смиренно стайка девушек идет.

«Тургун-ата! Как съезд? Ташкент
какой?»—

Подруги говорят наперебой.
«Я очень много нового привез,
Об этом будет длинный разговор.
Замерз я, девушки, совсем замерз,
Для разговоров ли холодный двор?
Нет, раньше — чай, а разговор — потом»,—
Старик подругам тихо отвечал.
И все вошли в уютный, теплый дом,
Где чайник пел, где жарко тлел сандал.
Старик к сандалу ноги протянул.
Чай отхлебнул, на девушек взглянул.

Тихонько те вокруг него сидят,
Как пред рассветом стая тихих птиц.
Прилежно ждут, почтительно молчат,
Не шевеля опущенных ресниц.
Еще взглянул он глаза уголком,
Улыбка вспыхнула в усах седых,
Оставил чай: «Ну ладно! О таком

Не промолчишь минуты средь своих.
Откройте, дети, юные сердца
И старого послушайте отца.

Да... разговор большой происходил,
Народ речист, умеет говорить!
А солью разговора хлопок был —
Как нам его побольше получить.
Народ на дело доброе готов,
В Центральный Комитет письмо послал,
От имени хлопковых мастеров
Единодушную он клятву дал».
«Что? Клятву?» — стукнули сердца на миг.
«Большую клятву!» — повторил старик.

«И я сказал на съезде речь мою,
Сказал друзьям, что семьдесят мне лет
И семьдесят я центнеров даю,
За год — по центнеру. Вот мой ответ!
И сразу загредел огромный зал:
Весь съезд стоял и хлопал старику,
Гульшан! Я сына нынче заменял:
Сын на войне, я в поле помогу...
Ах, был бы жив! Храни, аллах, его,
Бесценного орленка моего!»

И медленная, крупная слеза
По стариковской бороде ползет.
Сочувственные девушек глаза
Опущены. И тишина растет.
И, губу закусив, сидит Гульшан,
В раздумье долгое погружена.
И вдруг мгновенно выпрямила стан,

И молвит тихо девушкам она:
«Я — к председателю!» А те: «Постой!
Мы тоже к председателю с тобой!»

В правлении без умолку стучит
На счетах старых счетовод косой.
И председатель-великан сидит,
Приглаживая волосы рукой.
«Большую клятву ты от нас бери!—
Гульшан сказала.— Слушай голос наш!»
А председатель: «Прямо говори —
По сколько центнеров с гектара дашь!»
«Сто центнеров с гектара — мой ответ».
«Сто... Сто, сто, сто!»— все девушки вослед.

И встал, заулыбавшись, исполнил,
До потолка доставши головой,
Как тополь возле снеговых вершин,
Пирамидальный тополь вековой.
«О ласточки мои! Взлетайте ввысь!..
Пяти вам — пять гектар. Одним звеном
Работайте успешно, как взялись,
Мужая сердцем в подвиге святом!»
Гульшан он старшею в звене назвал
И руку каждой девушке пожал...

1947

ГАФУР ГУЛЯМ

афур Гулям родился в 1903 г. в Ташкенте в семье дехканина-бедняка. Он учится в старометодной и русско-туземной школах, на курсах советских педагогов.

С 1923 г. Гафур Гулям учительствует, а также работает в редакциях газет «Бедняк дехканин», «Кизил Узбекистан» и «Шарк Хакикати».

Гафур Гулям за более чем сорок лет творческой деятельности опубликовал сборники стихов «Динамо», «Живые песни», «Награда», «Новые стихи», «Огни Узбекистана», «Ассалям», «Комсомол», «Гордость узбекского народа», «Время», «Песни рассвета», «Да здравствует мир», «Рукопись славы», «Москва — оплот мира», «Пока раскроется бутон», «Мы приветствуем тебя», «Ленин и Восток», поэмы и баллады «Кукан», «Истинные владельцы», «Той», «Два завещания», повести «Нетай», «Оживший труп», «Озорной мальчик», «Ядгар», ряд рассказов, большое количество публицистических статей, ряд научных исследований.

Почти все произведения Гафур Гуляма переведены на русский язык и часть на языки братских народов и зарубежные. Сам

Гафур Гулям перевел на узбекский язык многие выдающиеся образцы русской, западно-европейской и восточной литературы.

Гафур Гулям, глубоко изучивший жемчужины народного творчества, плодотворно использовавший лучшие достижения классической поэзии узбекского народа и других братских народов, замечательные традиции русской классической и советской поэзии, является поэтом, вошедшим в большую семью писателей нашей страны со своим собственным глубоко самобытным голосом.

Талантливый сын узбекского народа, коммунист Гафур Гулям награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и «Знак почета», медалями и почетными грамотами. В 1963 г. Гафур Гуляму присвоено звание Народного поэта Узбекистана.

Писатель-коммунист и ученый Гафур Гулям является действительным членом Академии наук УзССР, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

НА ПУТЯХ
ТУРКСИБА

Очень стар,
Незапамятно стар
Этот путь.
Здесь Руми Искандер,
Кровоопийца Чингиз,
И Джучи-ягуар,
И Тимур,
Все живое губя,
Крови требуя,
Как буран, горячи,
Поднимая мечи,
Пронеслись,
Нанося за ударом удар.

Очень стар,
Незапамятно стар
Этот путь...
Здесь народ-каляндар,

Миллионы рабов и сирот,
Открывая со стоном
Почерневший от горя и голода рот,
Обреченные
И униженные,
Через выжженные
Просторы земли,
Спотыкаясь, в окопах прошли,
Насекомым подобно в пыли проползли,
Хлеба требуя,
Хлеба требуя,—
За мученья единственный дар.

Очень стар,
Незапамятно стар
Этот путь...
Продавцы разных вер,
Провозя свой товар,—
Кун-фу-цзы
И ислам —
Караванами
По барханам,
Воскликая во славу бурханам
И в бубны бряцая,
Жертвы требуя,
Жертвы требуя,
Здесь,
Вот именно здесь,
Прошли с обещанием рая
И с угрозой неслыханных кар.

Здесь поставил один
На оплечьях

Даль безмолвной лазурных озер,
Над которыми спит ветерок, как сахар,
Близ пасущихся мимо отар.
Очень стар,
Незапамятно стар
Этот путь...
И теперь некий новый батыр,
Но не царь,
Не грабитель земель,
Не губитель культур,
А строитель,
Порвавший насилия цепь,
Сокрушивший владычество ханов и бар,
Тот, что вывел народы из тюрем и нор
На свободный, цветущий простор,
На которого смотрит с надеждой весь
мир,—
Здесь со славой прошел,
Серп и молот
Подняв над землей.

Незапамятно стар
Этот путь...
Но отныне на нем лишь один властелин —
Богатырь,
Тот, что слил воедино
Туркестанский простор,
И Сибирь,
И бескрайнюю ширь
От пустынь
До Москвы и бухарских чинар
В луг цветущий и пастбище превратил.
И теперь по нему,

Грохоча во сто пар
Неустанных веселых колес,
Мчится зычногосый
Колосс-паровоз,
Извергая дыханием пламя и пар,
Как скакун легендарный тулпар,
Вместо шпал
Суеверий каноны топча,
Вдаль вонзая, как два огневые меча,
Два могучих луча
Своих фар.

Очень стар
Этот путь...
Но теперь по нему
От Китая, Ирана,
Индостана,
С берегов океана
Поздравления и пожеланья побед
От миллионов
Наших верных друзей
Вслед стальным караванам
Летят
Из-за гор
И пустынь, что мертвее Сахар...
И теперь по нему,
По пути, что так стар,
Вереницей летят эшелоны,
Мчится хлеб, и железо, и лес,
И руда
Днем и ночью, как неотвратимый,
Неуклонный,
В грудь врага устремленный

Удар,
Чтоб скорее покончить с врагом
Навсегда,
Чтоб исчезла беда
Без следа,
Чтоб не запахом крови и гари,
А свободой дышали степные ветра,
Обвевая счастливые наши года,
Лишь порою в сказаньях
О грозном «вчера»
Говоря, как домбра
И дутар...

1930

ЖЕНЩИНА

Честь для женщины нашей святая святых.
Там, где труд с нею дружен, нужда — со двора.
Славься, женщина, мой вдохновившая стих,
Славься, женщина — мать, и жена, и сестра!

Мать!.. И сердце в далекое детство маня,
Хлопотуньи седой возникают черты.
Ты вынашивала, ты вскормила меня,
Мир явила глазам и сознанию — ты.

Долго ль в юность войти?.. Первой встречи вино,
Черных глаз колдовство и газелей поток..
Комсомолки, не смейтесь, — не так уж давно
Отшумел и Гафуровой юности срок!

Мы женились — жена оказалась щедря:
Осыпала детьми, как богач серебром.

И спасибо жене дорогой,— детвора
Превратила в шумливый скворечник мой дом...

А иной и полюбит соседскую дочь,
Да крупинку сурьмы ей купить — недосуг.
Смотришь — все прозевал! И в глазах — день и ночь —
Паутину плетет сожаленья паук.

Вы — созвездье счастливое жизни моей,
Неразлучные спутницы: мать и жена,
И сестра, и дочурка,— все женщина! С ней
Неразрывно душа моя сопряжена...

Без метлы — запустенье и мерзость в домах,
Поцелуев не знавший — подобен кроту.
Жизнь без женщины милой — пирушка впотьмах,
И вино без нее опреснеет во рту.

Я скажу откровенно, всем сердцем любя:
Без тебя и поэтом не стал бы Гафур,
Потеряли б окраску цветы без тебя,
И остался б от музыки звуков сумбур.

Мед несладким бы стал, несоленою — соль,
Мир пришел бы, лишенный тебя, к тупику.
Камню только неведомы радость и боль,
А любовь на земле — одному ишаку.

Если мы тебя спутницей не назовем,
Нам природа суровый свой вынесет суд.
Если жить и трудиться не будем вдвоем,
В прах рассыплется жизни священный сосуд...

Выше гор взнесены наши головы ввысь,
И не рушит их горе, не склонит их страх.
Видишь — молнии нашего гнева зажглись
У народа в суровых и зорких глазах.

Ливнем слез может хлынуть на землю туман,
До макушки окутавший Гаури-Зангар.
Но небес не обрушит фашистский таран,
Солнца в яму не сбросит Адольф-янычар!

Наши жертвы, борьба, труд наш, подвиги, кровь,
Может быть, даже наши с тобой имена
В сердце дальних потомков зажгут к нам любовь,
Обессмертят на вечные нас времена.

Натерпелись мы горя! Но дух наш окреп.
Нас в совместном труде закалила судьба.
Славься, честно добытый насущный наш хлеб,
Славься пот, за работою стертый со лба!

Древний миф об Адаме для нас — чепуха:
Труд — не божье проклятие нам за грехи.
Но уж если была у Адама соха,
То и Ева шагала у ручки сохи.

Ты — Ширин. Ты со мною в борьбе и в труде.
Ты давала мне столько дерзанья и сил,
Что канал прорубил я в гранитной гряде,
Что дракона свирепого я поразил...

Ни корней не подсечь, ни ствола не сломать
Древа жизни могучего дикой войной.

Ты — всего человечества вечная мать,
Ты — залог нескончаемой жизни земной,

И пойми: если пасть мне в бою суждено,
Чтобы счастьем был край мой родной осиян,
Я б хотел, чтобы черного горя пятно
Не вожглось в твое сердце, как в алый тюльпан.

Лишь бы Родине мирное время вернуть,
И увидишь — мы кровь проливали не зря.
Мирный праздник труда — нашей радости путь,
Нашей будущности золотая заря...

Сыновей мы растили в семье-цветнике...
Наши мальчики там — на фронтах, далеко.
Молча прячешь ты мокрый платок в кулаке,
Я — шучу, но и мне самому нелегко.

Но унынье в беде — нам не друг, не родня,—
Утешение — в бодром труде обретешь.
Мы еще доживем и до светлого дня,—
А шайтану цена будет ломаный грош.

Мысли все на одном только сосредоточь:
Сыновьям нашим, воинам, помощь нужна,
Ты ведь, слава аллаху, — не ханская дочь,
И любая работа тебе не страшна.

Если нужно оставить семейный очаг,
Стань к станку, заводскую спецовку надень,
Делай все, чтоб скорее разгромлен был враг,
Чтоб скорей засиял этот праздничный день,

Как сердца потрясет и взволнует умы,
И весь мир триумфальная весть облетит!
Как обнимемся и расцелуемся мы,
Чтоб не знать ни размолвок, ни тени обид!

Честь для женщины нашей — ее капитал.
Верность — свойство ее, а призвание — труд.
Так советский народ дочерей воспитал,
Их к победе ведет, их дела не умрут.

1942

ТЫ НЕ СИРОТА

Разве ты сирота?..
Успокойся, родной!
Словно доброе солнце,
склонясь над тобой,
Материнской,
глубокой
любовью полна,
Бережет твоё детство
большая страна.
Здесь ты дома,
здесь я стерегу твой покой,
Спи, кусочек души моей,
Маленький мой!
Если умер отец твой,—
крепись, не горюй.
Спи, мой мальчик,
Ягненок мой белый,
усни.

Я — отец!
Я что хочешь тебе подарю,
Станут счастьем моим
 все заботы мои.
Что такое сиротство —
 спроси у меня.
Малышом семилетним
 в десятом году
Грел я руки свои
 у чужого огня,
Полуголый,
 таскал по дорогам нужду,
О, как горек
 сухой подаяния хлеб,
О, как жестки
 ступеньки чужого крыльца!
Я, приюта искавши,
 едва не ослеп,
И никто
 моего не погладил лица...

Испытал я,
что значит
 расти сиротой,
Разве ты сирота?
 Спи спокойно, родной...
Пока старый охотник —
 кочующий сон —
На меня не накинул
 волшебную сеть,
Гордой радости —
 чувства отцовского полн.

Буду я
над кроваткой твоею сидеть,
Над головкою
русой твоей, дорогой,
И смотреть на тебя,
и беречь твой покой...
Почему задрожал ты?
Откуда испуг?
Может, горе Одессы
нахлынуло вдруг,
Иль трагедия Керчи?
И в детском уме
Пронеслись,
громыхая в пылающей тьме,
Кровожадные варвары,
Те, что, губя
Все живое,
Едва не убили тебя?
Может, матери тело
любимой твоей,
с обнаженными ранами
вместо груди,
И руки ее тонкой
порывистый взмах
Отпечатались
в детских тоскливых
глазах?
Я припомню
печальные эти глаза,
Когда выйду на битву
громить палачей.
За ребяческий взор,
что затмила слеза,

За разрушенный дом,
За позор матерей —
Покараю я страшно
 двуногих зверей.
Этот Гитлер —
 ублюдок,
 не знавший отца,—
Он не матерью —
 подлой гиеной рожден,
Отщепенец понурый
 с глазами скопца —
Цену детства
 как может почувствовать он?
Этот Гитлер —
 навозный коричневый жук,
Плотоядно тупые усы шевеля,
Захотел,
 чтобы свой
 предназначенный круг
По желанью его
 изменила земля,
Чтобы людям
 без крова
 по миру блуждать,
Чтобы детям
 без ласки людской умирать,
Но земле выносить его
 больше невмочь.
Спи спокойно, мой сын,
 Скоро кончится ночь!
Спи спокойно, мой сын...
 В нашем доме большом
Скоро утро придет,

и опять за окном
Зацветут золотые тюльпаны
 зарниц.
В нашей книге домовой
 без счета страниц.
Улыбаешься ты,
 и улыбка светла.
Не впервые ль
 за долгие, долгие дни
На лице исхудавшем
 она расцвела,
Как фиалка
 на тающем снеге весны?
И продрогший простор
 словно сразу согрет
Полусонной улыбки
 внезапным лучом.
Это — скоро рассвет.
Это — близко рассвет.
Это — белый рассвет
 у меня за плечом!

1942

ЖДУ ТЕБЯ, СЫН МОИ

На пути караванном, в седых полынях
Верблюжонок стоит... Караван его где?
Красный отблеск зари на усталых глазах,
Слезы — слезы плывут, как круги по воде.

О, как он сиротлив и похож на меня,
Неподвижного в серой дорожной пыли...
Солнце! Зоркое солнце! Лучи наклоня,
Об ушедших на битву мне вести пошли.

От Юпитера и до песчинок морских
Нерушима твоя лучезарная власть,
И среди неоглядных сокровищ твоих
И ресница не может бесследно пропасть.

Прошлым летом, когда собирали инжир,
И медовые дыни лежали горой,

И сиянье плодов заполняло весь мир,—
Проводили мы сына любимого в бой.

В нем созрело достоинство предков моих.
Он, как я, горделив, младших братьев собрал;
Обнял каждого, встал на пороге, затих —
И к родимой земле поцелуем припал.

Он вернется, мой сын, победителем к нам,
Он приедет! Окончена будет война!
К его черным, как ласточки крылья, бровям
Не пристанет в пути и пылинка одна.

Но отец я! По древнему праву отцов
Я тоскую без вести о сыне моем.
Жду его — чуть послышится цокот подков,
Жду его — чуть поднимется пыль за холмом,

И лишь только мелькнет чей-то конь впереди,
«Вот он едет!» — беззвучно себе говорю.
Неподвижно стою на широком пути,
Неотрывно на запад багровый смотрю...

Вечерами, когда мы за пловом сидим,
Многолюдная вся соберется семья,—
Только место твое остается пустым,
Остается нетронутой доля твоя.

И бывает, усталая мать невзначай,
По привычке протянет тебе пиалу,—
Отвернусь я к стене. И остынет мой чай.
Мать уйдет и тихонько заплачет в углу.

Может, в небе твоя покати́лась звезда,
Может, в эту минуту далеко от нас
Ты упал на снегу. И уже никогда
Не откроешь веселых мальчишеских глаз...

В эту ночь, до зари не смыкая ресниц,
Я Беди́ля читал. И забылся в тоске.
И волшебная музыка тихих страниц
Оживала, звучала в саду вдалеке.

Ветерок на заре, как дыханье твое,
Пробежал по листам недочитанных книг,
И чистейшим, как ртуть, стало сердце мое,
Стали мысли прозрачными, словно родник.

Взял я серп и садовые ножницы взял
И пошел по тропинке, что к саду вела.
И, увидев меня через низкий дувал,
Вслед за мною невеста твоя побрела.

Пусть деревья в саду вырастают у нас,
Пусть цветы распускаются, солнце лоя,
Пусть слезинки, застывшие в сумраке глаз,
В ожерелье нанижет невеста твоя.

А победа придет! И когда поутру
Я услышу, что едут джигиты домой,—
Ароматные персики все соберу,
Положу их в корзину горой золотой.

И пойду босиком по намокшей траве
С неохватной корзиной янтарных плодов,

Словно солнце неся на своей голове,
На дорогу — встречать долгожданных сынов!

— Кушай персики, сын! Поспевали не зря,
Круглобоки, румяны, покрыты пушком,
Каждый персик — улыбка и каждый — заря,
И росинки еще не просохли на нем.

К этим сочным плодам ты губами прильни,
Как ребенок во сне к материнской груди,—
Только косточки эти, смотри, сохрани —
На родимой земле их опять посади.

И когда вы с подругой в саду молодом
Под деревьями будете рядом сидеть,—
Тихо с матерью, оба седые, придем
На счастливые лица детей поглядеть.

1942

ВРЕМЯ

Мгновенье! В твоих глубочайших просторах
И розы раскрыты и жизнь мотылька,
И могут погаснуть в течение вдоха
Те тысячи звезд, что горели века.

Из красного тяжкого золота скован,
Качается маятник жизни часов;
Одно колебанье его золотое
Рождает созвездия новых миров.

Вот юноша смотрит возлюбленной в очи,
Мгновенье дано, чтоб ответ увидеть,
А миг, когда губы к губам прикоснутся,—
Отрадной супружеской жизни печать.

Раскрыта судьбы золоченая книга,
Сверкает своей многоцветной красой.
В ней труд, и любовь, и служение людям —
Величье взволнованной силы земной.

Размерно звучанье кремлевских курантов,
Наполнен событиями каждый их звон:
Родился герой, новый город построен,
Народ от насилья освобожден.

Когда мы взметнули над черным рейхстагом
Священное знамя победы своей,
Короткая первая вспышка салюта
Воздвигла священное счастье людей.

Великое время! Мгновенья святые!
Цени их, о друг мой, достойной ценой,
Чтоб каждая строчка из жизненной книги
Могла вдохновенной назваться строкой.

Пусть только кирпич ты внесешь по
стропилам,
Он — твой, как твои капли пота на лбу...
Построим торжественный памятник общий
Мгновеньям, творящим столетий судьбу!

Как в капле воды отражается небо,
Так мира грядущее — в наших зрачках.
Победного века огромное солнце
Несем на задымленных битвой руках.

Будь щедрым, мой кравчий! О, дай мне,
Гафуру,

Глоток многолетнего жизни вина...
Мгновенье огромно и неповторимо,
Во имя бессмертья пью кубок до дна.

1945

ОСЕНЬ ПРИШЛА

Как вернувшийся с поля победы отец,
С дорогими подарками осень пришла.
С караваном верблюдов, с напевом домбры,
С одежнями яркими осень пришла.

После трудной дороги распахнута грудь,
Паутинки в кудрях иль седин серебро...
С хитрецей добродушной глядела она
На нескитанное, на земное добро.

Если летний скворец, прорезая простор,
Прямо к солнцу взлетел над твоей головой,—
Будет осень ясна и дарами щедра,
И щедроты ее пригодятся зимой.

Если старый пастух, охраняя стада,
Слышит шелесты ранних осенних дождей,

То весенней порой много новых ягнят
Златорунных пройдет по просторам степей.

Станут льдинками струи сентябрьской воды...
Станут капельки пота ценней жемчугов,
Когда полные спелой пшеницей мешки
Взгромоздятся до неба, к созвездью Весов.

Над равниной тягучей плывет аромат,
Закипает в котлах виноградный шербет.
Кто, шербета вкусив, залпом выпил вино —
Проживет девяносто, не менее, лет.

А в тенистых беседках сокрыты листвою
И рубины, и яхонты, и янтари.
То сокровище, тающее на губах,
Прохлаждается в утреннем блеске зари.

Это прячет под листья тугой виноград
Сорок пять разноцветных сладчайших сортов.
Будь здорова, моя золотая земля,
Осененная тихою тенью садов.

По преданью, за яблоко только одно
Изгнан был из эдемского сада Адам.
Дорогие братья! Спешите скорей
К нашим красным, как вешние зори, плодам.

Сто пятнадцать сортов разных яблок у нас,
Розмарином, ранетом корзины полны.
Наше яблоко — символ великой любви,
В нем, прозрачном, грядущего зерна видны.

За окном моим — яркий зеленый простор
В белоснежных плодах, в трепетанье листвы,—
Это поле жемчужного хлопка шумит
В бликах солнца, в сиянье большой синевы.

Изумрудными пальцами держит оно
Золоченые чаши с кипящим вином;
В этих чашах — дарующей силы нектар,
Мы его в честь победы, друзья, разопьем.

В честь того, что пригожей осенней порой
Клятву выполнил славный узбекский народ;
Он по шумным дорогам родимой страны
Караваны отборного хлопка ведет.

1945

ГОНЧАР И ЮВЕЛИР

Мирмухсину

Ты сказал мне смущенно: «Я сын гончара...»
Что ты видишь зазорного в этом, мой друг!
Глина стоит и золота и серебра,
коль из глины изделие творческих рук.

Ведь железо, и золото, и серебро —
все берем мы из недр материнских земли.
Только труд наш богатство творит и добро!
Нашей волей в пустынях поля расцвели.

Из стекла и бетона мы строим дворцы,
и они на земле нерушимо стоят.
Рвутся к звездам отважные наши птенцы,
но они возвращаются наземь — назад.

Видишь глинистый берег, холмы и луга —
в дымке утренней пастбища отчей страны...

Этой почвы нам каждая горсть дорога,
и цветы, и кусты, что на ней взращены.

Чашки глиняные твой отец создавал
на потребу вседневную людям труда.
Искандеру он чаш золотых не ковал,
не чеканил он кубков Даре никогда.

На гончарном кругу появлялась каса —
и вечерней и утренней трапез краса.

Как чудесно вместилищем служит она
для гуджи, ширкавака и для кумыса!
Восстанавливать силы усталых людей,
жажду их утолять — назначенье у ней.

Прожил век благородно твой честный отец,
круг певучий вращая и глину меся,
не надеясь в нужде, «мол, поможет творец»,
веря в труд и подачек судьбы не прося.

Лик прекрасный земли — это родины лик,
свет его, как лица материнского свет.
Самый малый любовью к отчизне велик,
жалок тот, в ком любви к своей матери нет.

Друг, пиши! Но чтоб стих твой не внешне
блистал,
а чтоб внутренним солнцем он был озарен!
Глыбы клинописи... Ашурбанипал...
Но ведь в глиняной книге и жив Вавилон.

Сон истории долог, тяжел и глубок.
Но пришел археолог, нашел черепок.
И по странно-узорным следам, по складам
он прочел, чем когда-то велик был Восток.

Чей там холм? Кто насыпал вот этот курган,
строил стены, узором кирпич уложив?
Чье здесь племя пастушье поставило стан?
Кто здесь пел и какой был надеждою жив?

Так ученый, миллионом догадок томим,
ходит по землям раскопок, как в облаке чар.
И встает, как из воздуха, вдруг перед ним
с чашей глиняно-звонкою древний гончар.

Мы творцы, мы ваятели новых времен,
духом творчества весь наш народ вдохновен.
Утром счастья, рассветом грядущего дня
окаем нашей доброй земли озарен.

Мы сегодня творим этот будущий день,
мы сегодня, о друг, коммунизм создаем,
мы прогоним навеки зловещую тень,
пыль с земного чела мы любовно сотрем

Не десятки, а сотни миллионов людей
месяц глину для здания будущих лет.
В этом доля работы твоей и моей,
в этом честь и бессмертия нашего свет.

Труд сливает людей, словно братьев родных,
но великое зреет без крика в тиши.
Пусть в известке и краске одежда на них,
ты величье души их, поэт, опиши.

Если жизнь твоя ляжет страницей одной
в книге, нами творимой, в поэме времен,
если был ты правдив пред людьми и собой,
твое имя останется в сонме имен.

Пусть горит высоко нашей славы звезда.
Но о славе ль подумает тот на веку,
кто душою и сердцем с народом всегда,
как лопата, что веет зерно на току.

Стих чеканить, конечно, не всем по плечу.
Честь поэту, когда это подлинный дар.
Но и все же спросить у тебя я хочу —
чем золоточеканщика хуже гончар?!

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК КАЗАХСКОГО НАРОДА

Казахи, доблестный народ, вам шлет привет
узбекский брат.
Над нами в веянье утра знамена алые горят.
В одну мы спаяны семью, одно дыханье нам дано,—
У нас теперь один котел и пламя под котлом одно.

Джейляу разделяет нас, как скатерть в праздничных
цветах...
— Узбек-ага — мой кровный брат,— от сердца
говорит казах.

И расцветает на глазах, прекрасна, радости полна,
Как девушка в кругу подруг, казахов вольная страна.

Благословляю твой рассвет, твой ум живой
благословен,
И озаряющий века народный той благословен...

Наполнен светом небосвод, и пламенеют небеса,
И песни новые поют людей счастливых голоса.

Одни лишь старики порой о прошлом заведут рассказ,
Как жили мы в неволе злой, как богачи терзали нас.

Но Ленин нас освободил и нас повел вперед, туда,
Где озарила небосвод пятиконечная звезда.

И этот ровный, теплый снег смог растопить седые
льды.
Я слышу в голосе Куляш дыхание Амангельды.
Джамбул поет под звон домбры, и над горами песнь
летит,—
О русском брате эта песнь, она его благодарит.

У нас история одна, мы кровным связаны родством,
И если древние тома мы перелистывать начнем,

О Казахстан, увидим мы, что наши судьбы сплетены,
Как эти книжные листы, граничат наши две страны.

Но, возвещая новый день, для нас в один и тот же
час
Звезда восхода в вышине огнем пурпуровым зажглась.

В алтайских шапочках своих, слегка их сдвинув
набекрень,
Прекрасны девушки твои, как Ала-тау в майский
день,

Миндалевидные глаза полны ума и доброты,
Румяны щеки и свежи, как яблоки Алма-Аты.

Я слышал их счастливый смех,— он словно пенье
родника.
Как сестры, мне они близки. Да будет жизнь у них
легка!

Вчера пустыня здесь была, об этом нам забыть пора,
Земля сокровища таит, она богата и щедра.

Здесь золото, а там свинец, в огнях горит Караганда.
Где мертвый шелестел песок, теперь сады и города.

Как драгоценности в ларце, здесь в глубине лежит
металл,
Как будто Менделеев здесь свою таблицу открывал.

Светлее солнца самого казахский трудовой народ,
Стране дал миллиарды тонн пшеницы золотой народ.

И в дни войны своих сынов благословил на бой народ,
И, верный слову своему, победу празднует народ.

О Казахстан, пускай всегда твои лазурны будут дни.
Будь верен в дружбе, мудр и прост, святой обычай
сохрани.

Сегодня всенародный той, и праздник окрылил меня,
Карабаира я взнуздal, неутомимого коня.

С Сабитом состязаться я хочу приехать на айтыс.
Там все акыны и певцы республик наших собрались,

О дружбе радостной спою, ее лучами я согрет.
Казахским братьям в этот день Узбекистан прислал
привет!

1945

ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ

Тебе все эти строки, брат.
Мой русский брат. Коль в них
Скажу, как совесть мне велит,—
Как совесть будет стих.

Ты в коммунизм ведешь меня,
С тобой мой путь навек.
Живи, родной!.. С востока я —
Твой младший брат узбек.

Ты тот, кто миру изобрел
Могучий самолет.
Вздымайся выше, покоряй
Пределы всех высот.

Глаза открыл мне манифест
В семнадцатом году:

Он букварем был для меня,
Зажег мою звезду.

Учитель мудрецов Ильич
Стал солнцем наших дней,
Согрев и мой родной народ
Огнем своих лучей.

Когда по радиоволнам
Москвы стремится весть,
Я знаю, что ее словам
Восток внимает весь!

С тех пор, как залпы Октября
Мир старый потрясли,
России слово — совесть всей
Разбуженной земли.

Ты добр, ты истинно велик,
Ты человек стократ!
О, как ты дорог мне, родной
Брат русский, старший брат.

Не ошибусь, сказав о том,
Что крепость мира — Русь!
Что справедливость — твой закон,
Сказав, не ошибусь.

Все в мире лучшее — в Москве,
В ней мудрость всех веков,
Библиотека Ленина —
Том в миллион томов.

В ней адрес «Правды», в ней зажглась
Заря для всех времен.
Рубинами Кремля весь мир,
Как солнцем, озарен.

Наука русских — океан:
Бескрайна, глубока,
Для человечества всего
Богатство на века.

Перед новым меркнет старина,
Как перед сталью — медь.
Но то, что Ломоносов дал,
Не может потускнеть.

Отраднo сердцу моему,
Когда я по утрам
Внимаю Пушкина стихам,
Радищева словам.

Как брат, я благодарно чту
Твоих гигантов, Русь.
Я Менделеевым горжусь
И Репиным горжусь.

Ты, старший брат, мне подал весть,
Что люди не рабы,
Что я свободный человек,
Творец своей судьбы.

Да, человек я! Я на тех
Двуногих не похож,

Что миру атомом грозят,
Чей символ веры — ложь...

Тебе все эти строки, брат,
Мой русский брат. Коль в них
Скажу, как совесть мне велит,—
Как совесть будет стих.

Влюбленный в ширь своей Руси
Брат русский, исполин,
Лелеющий, как жизнь свою,
Красу родных долин.

Сияй, как солнце на заре!
И сердцем и судьбой,
Трудящийся Востока, я
В одном ряду с тобой.

Ты воспитал мой ум. Теперь
Пред ним бессильна тьма.
«Цвет кожи, раса» — звук пустой
Для моего ума.

В мой мозг впечатались навек
Прекрасные слова:
И высших нет, и низших нет,
У всех одни права.

Борясь за радость мирных дней,
В снегу, в дыму, в огне,
Брат русский, я в атаки шел
С тобою наравне.

Чтоб не стонала вся земля
Под вражьем сапогом,
В те дни на языке меча
Я говорил с врагом.

Спасибо, брат! Я был юнцом,
Ты вел меня в борьбе,
Я мужественным стал бойцом
Благодаря тебе.

Тебе все эти строки, брат,
Мой русский брат. Коль в них
Скажу, как совесть мне велит,—
Как совесть будет стих.

Вот мой народ. Смотри: идут,
Идут за рядом ряд...
Пройдя сквозь тысячи веков,
Тебя благодарят.

В глазах, во взгляде глаз моих,
Во всем, чем я богат,
В душе, в стремлениях души—
Ты, брат мой, русский брат!

Тебе все эти строки, брат,
Мой русский брат. Коль я в них
Скажу, как совесть мне велит,—
— Как совесть, будет стих!

УЙГУН

Один из крупных представителей узбекской советской литературы Уйгун (Рахматулла Атакузиев) родился в 1905 г. в кишлаке Марки, Южного Казахстана, в семье служащего. Окончив первую советскую школу, открывшуюся в этом городе, он в 1923 г. продолжает свое образование в Ташкентском педагогическом училище имени Карла Маркса. Затем Уйгун несколько лет учителствует, а в 1927 г. поступает на общественно-экономический факультет Самаркандской педагогической академии (ныне Узбекский государственный университет имени Алишера Навои). Уйгун с 1925 г. приобретает известность как поэт. Окончив в 1930 г. педагогическую академию, он целиком посвящает себя литературе: заведует отделом художественной литературы в Государственном издательстве (1930), работает ответственным секретарем журнала «Курилиш» (1931—1932), преподавателем литературы в высших учебных заведениях (1932—1935), научным сотрудником в Научно-исследовательском институте языка и литературы, литературным консультантом государственного академического театра имени Хамзы, ответственным секретарем журнала

«Шарк Юлдузи» и, наконец, председателем Союза писателей Узбекистана (1951—1954).

Поэт, драматург и большой знаток литературы Уйгун за годы своего творчества создал сборники стихов и рассказов «Радость весны», «Вторая книга», «Страна солнца», «Любовь», «Песнь победы», «Гнев и любовь», «Стихи», «Дар», «Узбекистан», «Любовь к жизни» и другие; пьесы «Алишер Навои» (в соавторстве с И. Султановым), «Рискованная шутка», «Песня жизни», «Алтын-куль», «Новбахор», «Последнее раскаяние», киносценарий «По путевке Ленина» (в соавторстве с С. Мухамедовым и М. Швердиным), написал ряд научно-критических статей, перевел на узбекский язык отдельные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Тараса Шевченко и Шота Руставели, повесть «Хаджи Мурат» Л. Н. Толстого, драму «Чайка» А. П. Чехова и каракалпакский эпос «Кирк кыз».

Народ и Партия, высоко оценив заслуги поэта-коммуниста Уйгуна в литературе, наградили его орденом Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, «Знак почета» и медалями. В 1956 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель искусства Узбекистана», а в 1965 г.— звание Народного поэта Узбекистана.

ГНЕВ НАЗЫРА-АТА

Тропывает туча дождевая...
Дышат гневом старика черты:
Уронила туча, проплывая,
Три-четыре капли с высоты.

И Назыр-ата охвачен гневом.
Сжавши кулаки, старик стоит
Под холодным, хмурым, низким небом,
Небу раздраженно говорит:

«Чертов дождик,
Не виси над нами,
Небосвод, будь ясен и высок,
Растоптал бы тучу я ногами,
Разодрал руками, если б мог!»

От обиды и негодованья
Исказились старика черты.

Весь дрожит и небу в назиданье,
Сжавши кулаки, кричит: «У, ты,

Непогода чертова!
Слова мне
Опытом подсказаны моим,
Можешь сыпать с неба даже камни,—
Хлопок Родине сполна сдадим!»

Старый он, а не слабеет воля,
Сил не израсходован запас.
Он идет на хлопковое поле,
Не спуская с низкой тучи глаз.

1934

ОСЕННИЕ ПЕСНИ

I

В сезоне каждом прелесть есть своя:
И украшенья осени моей
Январского не хуже хрусталя,
Весенних украшений не бедней.

До блеска вымыто стекло небес.
Прозрачны воды. Листья как парча.
Сладчайшей дыни тонкий аромат
Распространяет поутру бахча.

Чуть свет поднявшись, с севера на юг
В лазури птиц несется караван.
Они пушок роняют голубой,
И он парит, лучами осян.

На осень солнце смотрит с высоты.
Сияет осень — в праздничном она,

В оранжевом и красно-золотом.
О, этот бархат, эта желтизна!

II

Я в сад вошел. Как хороши плоды!
Созрели персики и виноград.
Рубин и золото на всех ветвях.
Упала груша. Яблоки лежат...

Нельзя все это взором охватить.
Сверкает запад, и блестит восток.
Осенний ветер по саду летит,
То там то здесь он отщипнет листок.

И молвят персики: «Мы как шербет.
Кто нас не ел, тому виною сам,
Кто завсегда на пирах у нас, =
Тот подтвердит — мы для сердец
бальзам».

И яблоки с улыбкой говорят:
«Не сглазь, прохожий, нас, мы — будто
мед.

Кто яблоко хоть раз поцеловал,
Тот поцелуям потеряет счет».

И груши говорят: «Возьмите нас,
Мы заслужили этого вполне!
Мы золоту червонному равны,
И мы и золото в одной цене».

И говорит созревший хусайни,
Продолговатый сладкий виноград:

«Брильянта ты не видел? Так взгляни.
Как будто капля, я продолговат».

Я отвечаю: «Это хорошо,
Что вы созрели, добрые плоды.
Так будем жить и есть плоды! Привет,
Оправданные осенью труды!

О хусайни, о винограда гроздь,
Не жалко за тебя отдать алмаз.
Как сладки щеки персика для уст!
О персики, ведь вы отрада глаз!»

Пускай дехкане в сад сюда придут,
Усладу в золотых плодах найдут.
И каждый скажет: «Вот мои плоды,
Был не напрасен мой упорный труд».

В садах фруктовых саз труда звенит.
Не слышен голос байских сыновей,
Которые кричали батракам:
«Работайте, работайте живей!»

Напевы девичьи звенят в садах
И достигают голубых высот.
И осень синеглазая идет,
Как сборщик хлопка или садовод.

III

Встав на рассвете, вышел я в поля.
Они теперь уже совсем не те:

Заря горит на чистом серебре,
И сердце улыбается пахте.

Чуть свет поднявшись, девушки в поля
Спешат, чтоб выполнить работу в срок,
Косички многочисленные их
Целует тихий, теплый ветерок.

IV

Прозрачны воды. Небеса — стекло.
Опять осенняя пора пришла.
Дехкан сзывая хлопков убирать,
Она в сиянье серебра пришла.

Шербет и соты в чаше принесла,
С горою всякого добра пришла.
Пришла с мешками доброго зерна.
С подарками, как бы сестра, пришла.
Неся колхозу славу и почет,
Опять она к нам, щедрая, пришла.

V

В сезоне каждом прелесть есть своя:
И украшенья осени моей
Январского не хуже хрусталя,
Весенних украшений не бедней.

Четыре времени у нас в году.
Любое — календарь своих забот.
Зима готовит, сев ведет весна,
Хлеба лелеет лето, осень жнет.

1935

ЛЕНИН

1

Если спросишь меня ты о жизни вождя,—
Изложу тебе самую суть,—
Я отвечу: путь жизни великой его —
Человечества к радости путь.

2

Каждый миг познаем его дум глубину,
Видим планов его ясный свет.
В каждой мысли вождя, в каждом слове его —
Солнце наших великих побед.

3

Он не умер. Повсюду он с нами. Он — жизнь.
А у жизни особый закон:

Жизнь бессмертна, не может она умереть,—
Это значит бессмертен и он.

4

Человечество мудростью высшей своей
Осенило его. Не умрет
Имя Ленина в мире, пока будет жить
На земле человеческий род.

Январь 1936

КОЛЫБЕЛЬ СВОБОДЫ

(Ленинграду)

Когда лишь загорался луч свободы,
Когда впервые засиял восток,
Мы знали — наше солнце ты зажег,
Мы знали — ты всех вольностей исток.

Тобою, лучезарный, зажжены
Все взоры нашей молодой страны.
Младенец в люльке знает о тебе,
Седой старик мечтает о тебе.

У нас ни в чем тебе отказа нет:
Тебе урюк, что слаще, чем шербет,
И хлопок наш, и доброе зерно,
Душистый хлеб, искристое вино.

Желая гибели твоим врагам,
Тебе благословенье и салам

Румяным утром шлет старик седой,
Сияя шелковистой бородой.

Тебя мы заверяем вновь и вновь:
Ты — наша слава, гордость и любовь;
Мы наши души отдаем борьбе,
Мы наши чувства отдаем тебе.

Когда впервые свет рассеял тьму,
Ты первым нашу распахнул тюрьму,
Разбил оковы, уничтожив трон,—
И прах царей был ветром разнесен.

От черной бездны ты народы спас,
На берег радости ты вывел нас.
Ты уничтожил страх и произвол
И горы горя в щебень расколел.

Туман рассеяли твои лучи,
Ты нашим воинам вручил мечи,
Для нас седлал коней своей рукой
И вел нас в грозный, справедливый бой.

Свободы колыбель, борьбы набат,
Воротами ты был в тот светлый сад,
Куда за Лениным путем побед
Мы шли, встречая радости рассвет.

Брат и сестра у нас живут одним.
Тебе мы жизни наши отдадим.
Как бесконечно счастлив воин тот,
Что встал на страже у твоих ворот.

Обитель гениев и мудрецов,
Героев город и твердыня львов,
О ты, носящий имя — Ленинград,
Весь мир тобою восхищен стократ.

Прославленная крепость наших дней,
Весь мир дивится стойкости твоей,
И, затаив дыханье, смотрит он,
Как рвется к сердцу твоему дракон.

Незабываемы твои дела!
В кольце врагов стоишь ты, как скала.
Повержен будет ядовитый змей.
Победа — спутница богатырей.

Врагу не видеть сердца твоего!
Нас множество, за нами торжество!
Идем единым строем на войну.
Нам не бывать у сумрака в плену!

Наш Пушкин жив, и, словно часовой,
Он мерным шагом ходит над Невой,
И Ленин в Смольном поднял факел свой,
И Партия ведет в великий бой.

1942

ПОРТРЕТ

«О, как тяжела мне разлука с тобой,
Пришли свой портрет — я утешусь им...»—
Так пишешь ты мне. Но мой портрет
Тебе неужели необходим?

Ты хочешь лицо мое повидать —
Оно как луна, точь-в-точь, — погляди.
Ты хочешь кудри мои увидеть, —
Не спи — на безлунную ночь погляди.
Ты хочешь брови мои увидеть, —
Как тоненький новый месяц они.
Ты хочешь мои глаза увидеть, —
На самые светлые звезды взгляни.
Ты щеки хочешь мои увидеть, —
Отправься гулять на тюльпановый луг.
Ты хочешь губы мои увидеть, —
Взгляни поутру на розу, мой друг.

Ты хочешь зубы мои увидеть,—
Поведай жемчугу просьбу свою.
А чтобы всю меня повидать,—
Приезжай, победивши врага в бою.

1943

САЛЮТ МОСКВЫ

Пройдут бои, тысячелетья минут,
Умолкнут отзвуки грозových лет.
Быть может, в мире вырастут растенья,
Которых нынче и в помине нет.

Быть может, высочайшие вершины
Чреда веков с лица земли сотрет.
Но и тогда до новых поколений
Один немолкнущий могучий звук дойдет.

Тогда история потомкам скажет:
До нас, через века минувших лет,
Домчался звук московского салюта
В честь величайших изo всех побед.

1943

ПРИВЕТ ТЕБЕ, ГРЯДУЩЕЕ!

Привет тебе, Грядущее! Цветам твоим привет!
Тебя мы видим пред собой: ты не мираж, не дым.
Вдыхает грудью вся страна струю твоих ветров,
Дающих молодую жизнь пустыням вековым.

Уж скоро, скоро древняя моя Аму-Дарья
По руслу новому пойдет, как новая река,
И песни новые над ней могуче зазвонят,
Пески вокруг озеленит рука большевика.

Уж скоро, скоро загремит в огнях Тахнаташ,
И коммунизма города, как солнце, заблестят,
И заволнуются кругом бескрайние поля,
И превратится зелень гор в один фруктовый сад.

Пу́скай сегодня этот сад пока еще мечта,
Но разве не мечта ведет великий наш народ?

За нею истина стоит — и каждый шаг страны
Победу, веру, торжество в самом себе несет.

Мы с вами зодчие, друзья! Коммуну мы творим!
Творенье мира — вот наш труд и наше ремесло.
Для нас иного счастья нет, чем будущему в дар
Нести веселье, радость, мир своим врагам назло.

В осуществлении мечты для нас преграды нет:
Лишь захотим — и небеса смягчат жару свою!
Лишь захотим — и мертвый дол зазеленеет вдруг,
И Каракумы будут пить холодную струю.

И это будет! Верим мы в победу наших сил.
Пред суховеями шумит зеленая броня —
И завтра новые леса загородят пути
Потокам злобного песка, дыханию огня.

Да, верим мы, убеждены, что берег твой, Узбой,
Увидит зелень, цветники, сады и города,
И свежий воздух твой, Узбой, наполнится с утра
Веселым смехом детворы и песнями труда.

Вот почему, Грядущее, так ясно ты для нас,
Уже сейчас из-под руки мы на тебя глядим,
Вдыхает грудью вся страна струю твоих ветров.
Уже сейчас дающих жизнь пустыням вековым.

Поэтому Тахиаташ уже из чертежей
Огнем способен озарить светолюбивый взор;
Поэтому кругом поля, которых нынче нет,
Пленяют нас своей красотой, завоевав простор;

Поэтому, друзья мои, мы чуем среди пустынь
Все ароматы всех цветов, что буйно расцветут;
Поэтому, поэтому мы слышим наяву
Весенний гомон городов, что выстроятся тут.

Привет тебе, Грядущее! Цветам твоим привет!
Страна советская моя, прими любовь мою!
Хвала вам, граждане страны! Вы — мощные
Вы — украшение земли, и я для вас пою. ^{творцы.}

1951

ТАКЫР

Его лицо потрескалось от зноя,
от беспощадных злых лучей горит.
Грудь побелела
под соленым слоем,
простор бескрайний
всем ветрам открыт.
Мольбой о помощи здесь пыль клубится,
лежит притихшая, глухая даль.
И будто бы напуганною птицей
отсюда жизнь умчалась навсегда.
За горизонтом пропадая где-то,
легла равнина.
Даже тени нет...
А небо тонкой кисеей рассвета
над ним висит, наверно, сотни лет.
Мертвец!
Упал пластом он, не иначе!
От жалости сжимаются сердца.

Да, мертвый он..
Но по таким не плачут!
Водюю оживите мертвеца!
Приди же, человек, такыр покажет,
какая может быть на свете красота!
Возможно, сказочный сундук он даже
и золото хранить уже устал.
Там дремлют силы,
там горят алмазы
и ждут, когда хозяин их придет.
И весь огонь, что не заметен сразу,
как факел, к жизни всю любовь несет.
Он щедр, такыр..
Его берем мы в руки.
И он богатства все отдаст сполна,
ведь по-хозяйски мы вошли,
без стука,
а с нами труд и первая весна.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Не смотри на седину моих волос,
А смелее загляни в мои глаза,—
Пламя юношеской радости увидишь,
Не туманит их печальная слеза.

Седина моя — лишь легкая зола,
А под нею угли жаркие горят,
Это пламя мы зовем любовью к жизни,
А любовь стареть не может, говорят.

Смех детей моих, радушие друзей,
Жизнь цветущая вокруг, любимый труд —
Вот источники, что мне даруют радость,
Отравить меня печалям не дают.

А проникли бы печали в грудь мою,
Сердце старое окуталось бы тьмой,
Пламя радости застлал бы тусклый пепел,
Оборвался бы навеки голос мой...

МОРЕ НА ЗАКАТЕ

Солнце, прощаясь, рассыпало блеск прихотливый,
С моря и туч не свожу зачарованных глаз:
Волны внизу — как тяжелой парчи переливы,
Тучи над ними — светящийся, пестрый атлас.

Яркие блики, на вспененных гребнях блистая,
Пляшут и гаснут, чтоб вспыхнуть опять через
Словно бесчисленных огненных бабочек стая ^{миг,}
Вьется, взлетая и снова садясь на цветник.

Новые мысли встают из глубин сокровенных,
Жадно любуясь, стою на крутом берегу.
Мир красоты — в нем исток моих сил
Вдохновенных,
Без красоты я ни петь, ни дышать не могу.

КИПАРИС

Красивый и свежий зимою и летом,
Он гордо стоит изваяньем живым.
Недаром старинным восточным поэтам
Хотелось любимую сравнивать с ним.

Не раз вместе с розой, нарциссом, тюльпаном
Он звучный классический стих украшал.
«О ты, кипарису подобная станом!»—
Красавицу славя, поэт возглашал.

Волнует и ныне он сердце поэта,
Но чтобы с эпохою быть наравне,
Его бы сравнил я с зеленой ракетой,
Готовой вот-вот устремиться к Луне.

КАРАВАН ПОКОЛЕНИЙ

Гляжу во двор: резвится и смеется
Мой Алишер, мой маленький сынок,
Как будто струйкою игривой вьется,
Вливаясь в жизнь, в ее большой поток.

Ох, нелегко вести себя примерно!
Блестят шальные искорки в глазах.
Ему бы крылья — целый день, наверно,
Без усталости кружил бы в небесах!

В долине детства так и я когда-то
Среди цветов, не ведая забот,
Шалил, играл до самого заката,
Беспечно подрастал из года в год.

Теперь мой сын — живое повторенье
Тех невозвратных, тех чудесных дней,

Пусть жизнь и в нем пробудит вдохновенье,
Пусть будет он счастливей и сильней.

Настанет время и ему с рассвета
Следить, как сыновья его шалят,
Им передаст он жизни эстафету,
А внуки — правнукам ее вручат.

И вижу я: путем крутым и длинным
Сквозь будущего утренний туман
Стремится вдаль — к сияющим вершинам
Несчетных поколений караван.

**УЗБЕКСКОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ**

В жажде знаний я однажды
Постучался в дверь твою.
Ты, как мать, раскрыв объятия,
Взял меня в свою семью.

Как садовник, в сад науки
Ты тогда меня привел,
И впервые я увидел,
Как диковинно он цвел.

Ты сказал:— Вот, сколько хочешь
Собирай в саду цветов!
Без цветов, запомни это,
Не бывает и плодов.

В цветниках твоих богатых
Я охапкой рвал цветы.

И вливал нектар волшебный
В мое сердце щедро ты.

И в душе моей горела
К просвещению любовь.
Я глотал нектар тот жадно,
День за днем — все вновь и вновь.

Свет науки был подобен
Ярким солнечным лучам,
Разум мой они согрели,
Дали в руки мне калям.

Мне наука вдохновенье,
Крылья сильные дала,
Жизнь вдохнула в мои песни,
В кровь мою огонь влила.

И невежества копилку
Погасить нам помогла.
Чудо-спутники высоко,
Словно звездочки, зажгла.

И в твоих стенах впервые
Засиял мой звонкий стих.
Здесь постиг я мудрость жизни —
Маркса, Ленина постиг.

Разошлись твои питомцы
По стране моей родной.
Университет, ты — солнце,
Каждый из нас — лучик твой.

С уважением произносим
Имя гордое твое.
За цветы наук — плодами
Долг тебе мы отдаем.

Пусть в стенах твоих сияет
Жизнетворный яркий свет!
В день торжественный сегодня
Шлют тебе друзья привет.

Университет — ты слава,
Наша гордость и мечта.
Пусть в твоих науках блещет
Жизни свет и красота.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЧАСТЬЯ

Много весен проплыло над древней землей —
С звонким гомоном птиц,
С нежной песней рассветов.
Но подобной весны мир еще не видал,—
Все светилось каким-то чарующим светом.

И поля, и леса, и луга, и сады
Переполнились радостью, негой весенней.
Щебет птиц славил нашего счастья восход —
В этот солнечный день родился тогда Ленин.

Волга-матушка волны катила легко,
В них улыбка весеннего солнца сверкала,
В каждом маленьком листике,
В каждом цветке
Та улыбка лучами искрилась, играла.

Радость бурным потоком вливалась в сердца.
Ленин!— пели леса.
Ленин!— вторили горы.
Ветер, запах цветущих лугов подхватив,
Разносил эту весть по зеленым просторам.

Да, великое счастье в тот день родилось,
Мы дыханьем его были все обогреты.
И теперь по весне наши души, сердца
Озаряются ярким, ликующим светом.

И как будто Ильич рядом с нами в саду,
И как будто идет он полями, лугами...
Нам любые дела стали все по плечу,—
И бороться и жить нам Ильич помогает.

Солнце льет с бирюзового неба лучи,
И весна широко распахнула объятия.
Слава Родине! Слава народу-творцу!
Слава вешнему дню — дню рождения счастья!

ГАЙРАТИ

Тайрати (Абдурахим Абдуллаев) родился в 1902 г. в Ташкенте. Он рано лишается матери и воспитывается женщиной по имени Айшахон, которая учит его грамоте и знакомит с образцами устного народного творчества. Затем будущий поэт учится в начальной школе и некоторое время в медресе.

Окончив курсы по подготовке учителей, организованные в первые же дни после Великой Октябрьской революции, Абдурахим работает в области народного просвещения. Еще в ученические годы он изучает литературу, а скоро и сам начинает писать стихи. Его первое стихотворение было напечатано в 1921 г. в газете «Кизил Байрак».

Произведения Гайрати, отображающие советскую действительность, вошли живыми страницами в историю узбекской советской литературы. Изданы сборники его стихов «Голос свободы», «Мелодии жизни», «Темп», «Горячие души», «Любовь», «Золотая молодость», поэмы «Письмо матери», «Черные сердца» и другие. Дважды (1934 и 1962) изданы его «Избранные произведения».

НАРОД

О народ с несгибаемой волей!
Пожелает — и горы свернет.
Пусть шакалы заходятся в вое —
он в ответ

лишь глазами сверкнет.
Неприметный, простой, неказистый,
от загара пустынного желт,
раздувает он пламя от искры,
а из пламени —

солнце зажжет.
Пожелал он — и в зеркале правды
вековая явилась мечта;
потянулись зеленые пряди
в заклеянные сушью места.
Пожелал он — и труд неустанный
весь на благо себе обратил,
и раскрылись извечные тайны

человека,
 земли
 и светил.
Пожелал он — и свежие струи
разогнали
 минувшего чад,
и прекрасные
 древние струны
новой песней задорно звучат...
О народ,
ты — века и мгновенье,
зоркость глаз
 и пера острие.
Ты дыханье мое,
 вдохновенье,
ты и мысль,
 ты и слово мое.

НА ЗАПАД

Иду я, мать, на запад.
На счастье что подаришь?..

В печах там гибнут люди,
Земля в дыму пожарищ.

Там виселицы, плети
И смерть в запретных зонах.
Меня зовут мученья
Детей, штыком пронзенных.

И старики взывают:
«Спаси от страха пыток!»
Кровавыми слезами
Их бороды омыты.

Фашисты — это звери
С кровавой, хищной пастью.

Ордой идут свирепой,
На наше щерясь счастье.

В последний миг прощанья —
Слезиночка одна лишь.
Иду я, мать, на запад,
И ты мне силу даришь.

ТАК Я ЧУВСТВУЮ

Мой взор наполнен звездным переплясом,
но я не жду знаменья от небес.
Я не товарищ нытикам и плаксам
и сотворен для счастья,
а не бед.

За гробом
ожидает счастья нытик.
Надежда — рай. В незнание — правота...
Мой рай иной:
в сплетенных солнца нитях
бегущие под током провода!

Давно пора забыть о столах саза,
настало время для иных забот.
Я спать не стану в полумраке сада,

когда рассвет
 гудком меня зовет!
Таков мой путь, покуда сердцу — биться.
Мне жизнь
 не позволяет ошибиться!

не знал вовек

ни горести, ни гнева,
не слышал звона сабель и оков,
земли рыданий,
грозных стонов неба...

А я стоял над славною рекой
и все себе вообразить старался
ненастный день
и реку — не такой:
ревущий Днепр

мятежного Тараса.

И горькие вставали времена
перед моим туманившимся взором,
и гордые звучали имена —
как души строк,
разбуженные зовом.

Позор и гнет, насилие и спесь
сложили мир,
и он казался вечен.

А кто посмел об этом песню спеть —
с колодкой кандалною обвенчан.
Но минул век,

и рухнул старый мир

и все,

людей равнявшее с вещами.

Лишь старый Днепр навечно людям мил —
как те уста бессмертно завещали.

Вот так же

и тебе забвенья нет,

тебе, поэт,

пронзивший быль и небыль,—

ревет и стонет ли могучий Днепр,
или струится ласково под небом.

ЛЕНИН НА СУББОТНИКЕ

Стук бревен, фраз коротких всплески,
шаги и топот без конца.
В рабочий шум, во двор кремлевский
Ильич спускается с крыльца.

На куполах — пожар заката,
кровавый неба передел,
а у него —
 рукав закатан,
как будто для домашних дел.

Он замирает на мгновенье
и слушает далекий гул,
глядит на ровное движенье
чуть сгорбленных людских фигур.

Как будто бы простой субботник!...
но он в нем видит вместе с тем

СЛОВО ОТЦА

Сиянье Октября
увидели народы.
Тогда за руку взял
меня великий Ленин,
И вывел он меня
из тьмы на свет свободы,
сказав — ты человек.
Не раб ты и не пленник.

И я пошел за ним,
как одержимый страстью,
и древняя печаль
древнейшего народа
исчезла, как роса,
в лучах земного счастья
сменился тяжкий гнет
услугою свободы.

Прекрасен этот путь, и нет его прекрасней.
Восход грядущих дней
я славлю в гимне громком.
И факел счастья наш
веки не угаснет —
его передадим
уверенным потомкам.
Давно уж Ленин знал,
как этот край запущен.
Тогда он подписал
декрет о Мирзачуле.
И стал для нас декрет
предвестьем дней грядущих,—
теперь они идут
в сиянии и гуле.

И сердце жаром слов,
как солнцем, отогрето,
узбеков все права
закреплены навечно.
Вошли в сердца людей
со строками декрета
величие вождя,
любовь и человечность.

И к мудрости вождя
я приникаю часто,
и с каждым новым днем
я становлюсь богаче.
Пошел я в Мирзачуль
на боевой участок,
меня зовет мой долг —
я не могу иначе.

На выжженной земле,
 что только пить просила,
теперь сады цветут,
 вода течет в каналах.
Так ленинских идей
 живительную силу
узбекская земля
 сейчас сполна узнала.

1955

ШЕЙХЗАДЕ

Шаксуд Шейхзаде родился в 1908 г. в Азербайджане в г. Агдаш. Окончив в Баку педагогический техникум, он приезжает в 1928 г. в Ташкент. В начале он преподает в школе, затем работает в редакциях республиканских газет и журналов. Окончив в 1933 г. заочное отделение педагогического института в Баку, Шейхзаде работает научным сотрудником в Комитете наук Узбекистана и одновременно учится в аспирантуре. Кандидат филологических наук Максуд Шейхзаде начиная с 1938 г. преподает в Ташкентском педагогическом институте имени Низами.

Первое стихотворение Шейхзаде было напечатано в 1929 г. в пору массовой коллективизации сельского хозяйства в нашей стране в газете «Шарк хакикати». С тех пор поэт создал свыше двадцати пяти сборников стихов, в том числе «Мои призывы», «Третья книга», «Страж», «Республика», «Новый диван», «За что борьба», «Бой и песня», «Сердце говорит», «Судьба», «Стихи», «Тетрадь пятнадцати лет», «Приветствие», «Струны эпохи», «Свет», «Мой сад», «Диван четверти века».

В истории узбекского драматического искусства заняли свое

достойное место драмы Шейхзаде «Джалалиддин» (1943) и «Мирзо Улугбек» (1961).

Шейхзаде перевел на узбекский язык ряд произведений мировой, русской поэзии и поэзии братских народов.

Максуд Шейхзаде неоднократно удостоивался за свою литературную, общественную и педагогическую деятельность высоких наград.

КАРТА

*В кабинете Ленина в Кремле
висит карта Туркестана.*

Дуновеньем бесплодных пустынь
обожгла нас она.
И, как путники в зной на песчаных горбах,
кишлаки примостились устало,
и как будто вздыхают они,
к ним дорога трудна и длинна...
Здесь висит на стене
карта старого Туркестана.
Здесь работал Ильич,
и вот этим пером
на вот эту бумагу
схема грядущего наносилась.
Здесь работал Ильич,
и за письменным этим столом
здесь великое сердце
Мировой революции билось.
Сколько дум передумано здесь
обо всем:

об эсеровском бунте, о хлебе,
от судеб революции
до количества сох и борон,
о голодных Поволжья,
о детях бездомных, о севе,
о заседании Политбюро...
Затаила дыхание жизнь,
ждет ответа его на вопросы,
жизнь идет, жизнь ждет,
а вопросов-то сколько!..
Вот он думает, пишет,
потом позвонит он
и спросит,
как живет Клара Цеткин,
как себя чувствует Горький...
И опять он пишет и думает,
нелегки, непросты его думы,
а за окнами строится, дышит,
воюет страна.
К карте старого Туркестана
он приходит в раздумье,
дуновеньем бесплодных пустынь
обжигает его она.
Да, пески...
Да, пустыни...
Да, тут много работать придется.
От горячих песков
зной доносится даже сюда.
Но стоят, но стоят
под лучами палящего солнца
на груди азиатской земли
великие города!
Да, запущенный край...

Все застыло в безмолвье,
все дремлет.
Нелегко это будет —
в пустыне каналы прорыть.
Как две мощных руки,
две великих реки
обнимают узбекскую землю.
Ну а что, если их
по каналам
в пустыню пустить!
Сходят с карты,
встают перед ним, темнолицы,
старики, что согнулись
под тяжестью тьмы до земли...
Он ребят-пионеров,
сияющих, как зарницы,
он улыбки на лицах
безусловно проводит вдали.
Сходят с карты,
встают перед ним, словно тени,
безликие женщины,
укутаны в паранджи...
Он проводит веселых девушек
в платьях цветов весенних,
отворивших лицо свое солнцу,
щебечущих, как стрижи...

Да, иной стала карта,
на которую Ленин смотрел:
отступили пески,
сад в пустыне зазеленел,
стала карта такой,

какой ее видеть хотел
Ленин.
Но мы не забыли о том,
что в те горькие годы он думал о нас
за письменным этим столом...
И на наших устах,
и в наших сердцах
навсегда
драгоценное имя —
Ленин.

1959

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

В глухом восточном захолустье,
где небо мягкое, как шелк,
однажды утром я, проснувшись,
встал и за песнею пошел!
А песня грозною трубою
меня звала,
хоть был я мал,
хоть слов ее не понимал,
но шел за ней, как за судьбою,
она звала меня с собою.
Она вела меня прямо
с собой сквозь годы, сквозь века...
Что перед нею шашмакомы,
спокойные, как облака?

Мир открывался нам
зеленый

и полный красок и ветров...
«Вставай, проклятем заклеянный
весь мир голодных и рабов!»
Мы вместе с взрослыми вставляли
с готовой к подвигу душой,
и с каждым тактом вырастали
мы, вероятно, на вершок.
В политике не разумея
и не осилив букваря,
готовы были мы за нею
идти, отвагою горя.

Мир открывался нам
зеленый
и полный красок и ветров...
Кипел наш разум возмущенный,
на смертный бой вести готов!
Хоть понимали мы немного,
душою были мы чисты,
ведь жизнь —
она так была убога,
а баи были
так толсты!

В глухом восточном захолустье
перевернулось все вверх дном,
впитали классовые чувства
мы с материнским молоком.
Мы, верно, знали с колыбели,
как мир наш разделен большой.

И никогда мы так не пели,
с такою мощью и душой.

Мир открывался нам
прекрасен,
и в бой за правду звал он нас...
Хоть были мы и в первом классе,
мы были —
победивший класс!

1958

ЧАЙ

...Передо мной пиала расписная.
Пиала, пиала, отвечай,
где взяла ты цветы, что, мерцая,
мне таинственно блещут сквозь чай?
К небесам, к облакам и туманам
от тебя поднимается пар,
будто пью я из красных тюльпанов
на хмелю настоянный нектар.
До такого головокруженья
ты меня, как вино, довела,
дар далекого Цзиндечжэня,
расписная моя пиала!
Вспоминать про печали и беды
я с тобою, дружище, не мог...
Чай мой, тень золотистого лета,
Я тобой наддышаться не мог.
Мир понятен мне в каждой детали,
снова верю своим я глазам,

словно кто-то сыграл на дутаре
для меня свой спокойный макам.
Словно в чае пшеничного тона,—
так оттенки его глубоки!—
я заметил взор девы Цейлона,
обрывавшей с куста лепестки.
Или мне на глухом полустанке
в этом чайном янтарном дыму
улыбнулись глаза индианки?
Где я?
Что со мной?
Не пойму!
Аромат этот, краски и звуки,
что неслышно, но явно звучат,
мне б их взять на мгновение в руки
и вложить бы их в строки сейчас;
чтобы в сердце, на доньшке где-то,
сохранить я навеки их мог...
О, придите на помощь мне, бейты,
спрячьте эти цветы между строк!
Нет, не вместится в строчку и в слово:
стихотворная келья тесна...
Что ж, налей пиалу ты мне снова,
ах, налей-ка мне снова, уста.
Ты же здесь человек не случайный,
ты ведь дружишь давно с пиалой.
О, ты знаешь все чайные тайны,
уважаю твое ремесло.
Да и я ведь не просто прохожий,
знаешь, страсть моя к чаю чиста,
мы с тобой в этом очень похожи...
Так налей-ка мне снова, уста.

1960

ГОЛУБИ

Пусть голубятня не станет
гнездом для воронов.

Н а в о н

Два голубя спускаются, воркуя,
на мой карниз. Гнездо свивают здесь.
И вот сидят, беспечные, толкуя.
И в этом что-то радостное есть.
Они сидят, почтенная семья!
А их двойник летит, летит по свету.
— О голуби,— вдруг спрашиваю я,—
вы знаете ли что-нибудь об этом?
Что за морями, в Перу где-нибудь,
изображенья маленькие ваши
прикальвают девушки на грудь?
Что сложены о вас уже легенды
и вместе с вами в небесах парят,
что на высоких встречах континентов
о вас большие люди говорят?
Что в день, когда рождаются младенцы,
на торжествах, на свадьбах, на пирах,—
в открытом небе, как в отверстом сердце,

парите вы как символы добра?
Вы знаете ль, что образ ваш прекрасен,
как воплощенье матери-земли,
что легкою рукой пустил Пикассо
вас в небо мира, голуби мои,
что легче на душе, когда летите,
взмывая в синь у нас над головой?
Но поздно.
Ночь на улице.
Усните,
усните и не бойтесь ничего.
И за птенцов своих не беспокойтесь,
им будет, голуби, легко на свете жить.
И ваши гнезда,
милые — не бойтесь,—
мы не дадим убийцам разорить!

1956

ОДА РОССИИ

Россия, Россия...
Верь, искренен я, воспевая тебя,—
я в тебе воспеваю любовь,
я в тебе воспеваю свободу,
потому что действительно ты —
любовь и свобода моя.
И свободе своей и любви
посвящаю я эту оду!
Туркестан... В четырех сторонах земли
он был знаменит,
здесь горячие солнца великих умов
возжигались не раз,
но давно уж пройдя
своей славы зенит,
он к последним векам, как светильник,
угас,
как светильник, угас.
Здесь всевластные ханы

страну на куски раздирали,
и султаны здесь крови народной взалкали,
и земле приносили великие беды
султаны и ханы, эмиры и беки.
И плакали тучи
от жалости страшной —
беднякам здесь пощады нет.
Закапывали заживо
правду искавших,
глаза выкалывали
искавшим свет.
Нет надежды —
и люди придавлены мраком.
Где спасенье?
Язык во рту не ворочается.
И люди
друг друга
спрашивали со страхом:
— Когда это кончится?
Чем это кончится? •
Ученые люди гадали, гадали —
на вопросы как отвечать?
Но с севера вести сюда прилетали:
народ естьмышленный — урусият.
«Когда людоеды Гога-Магога, —
говорится в «Хамсе» Навои, —
пожрали людей и поля потравили,
Искандер мастеров призвал из Руси,
и стены, выкованные ими,
народ от страшных зубов оградили».
Надежды народа
с прозреньем поэта слились,
был в повести этой глубокий смысл,

пророческий смысл!
Царь послал к нам солдат,
было царское иго нелегким,
но большие деянья
созревали в чреве эпохи.
О Россия, Россия...
От царей твоих белых
нашей бедной земле
было горя немало,
но ведь в недрах твоих
революция зрела,
и дыханье ее
лица наших отцов обжигало.
А потом, когда бури
на небе твоём закружились,
стали мы под твои,
под багряные стали знамена,
мы в едином союзе
единой свободы добились,
мы построили вместе дворцы
на земле опаленной!
Руку свою подала
ты нам в горькие годы мученья,
чтобы храбро шагали сквозь дым,
чтоб не сбились с пути,
ведь недаром от наших отцов
нам завещано изречение:
«Коль тебе суждено рядом с русским
идти,
не заблудишься ты в пути!».
Я тобой
на нелегкую должность поэта взыскан,
на край света

пойду за тобой — прикажи!
За величье твое
я кланяюсь тебе низко,
по обычаю
руку к груди приложив.
О, меня бы замучила совесть,
если б я не писал эту оду,
верь, Россия, пишу эти строки любя.
Я в тебе воспеваю любовь,
я в тебе воспеваю свободу,
несказанно я счастлив,
воспевая, Россия, тебя.
Да, столетье назад
история
соединила нас
в благословенный час,
но все еще впереди;
радостные века
потомки будут считать
столько раз...
Все еще впереди!

ПРИСЛУШАЙСЯ К МИРУ, СЕРДЦЕ ПОЭТА

Большие события
рождаются где-то...
Прислушайся к миру,
прислушайся к миру,
сердце поэта.

Приходят и летние шумные грозы,
и шепот влюбленных в ночи до рассвета,
приходят проклятья, и стоны, и слезы
в сердце поэта.

Приходят печальные звуки дутара,
и ржанье степных жеребцов полудиких,
и звуки рожка с берегов Занзибара,
густые, густые, как запах гвоздики.

Ах, я понимаю их, эти напевы,
в них боль загустела
и стала как камень.

О, ваши проклятья, берберские девы...
Бессилен о них рассказать я стихами!

Заломлены черные ваши руки,
и темен ваш крик,
как темны ваши раны...
Но в сердце приходят
и светлые звуки,
и песни из райских садов Гурджистана,
и крик петуха из далекой Тираны —
как сладко распелся он, зорю почуяв,—
и фырканье трактора из Мирзачуля.
Вот волны с шипеньем пустыню омоют,
и льдины трещат где-то в Северном море
под грозной кормою атомохода...

Большие события
рождаются где-то...
Прислушайся к миру, сердце поэта!
Звуки приходят,
рева и свистя,
сливаясь в гармонию
постепенно,
как будто из малых кусков бытия
вырастает картина Вселенной,
Эти звуки придут.
Их не надо выдумывать.
Эти звуки придут.
Но звучать они будут по-разному.
Иные звучат будто вопль безумия,
а иные звучат как воззвание к разуму.
Эти звуки бывают большими и малыми,
озорные, как свист,
и строги, словно заповедь,
могут пахнуть они

вишней, яблоком, маками,
но бывают и звуки
со смертным запахом.
Есть рабочие звуки,
но бывают холёные,
цвет их может быть желтым, как солнышно,
и зеленым, как листья,
Есть горячие звуки,
а есть и холодные...
Ах, поэту бы надо быть живописцем!
И приходят без спросу они,
о спросе не может быть речи.
Ты поэт?
Так на что же даны тебе уши?
Пусть летят мотыльки этих звуков
на сердце твое, как на свечи.
Ты поэт? Так будь добр,
будь добр их слушать!

Чтоб не стал ты,
подобно иссохшей речушке, нелепым,
чтобы сердце твое не оглохло,
подобно могильному склепу,
чтоб не стал ты безводной пустыней,
тернистой бесплодною сушью,
слушай!
Слушай
воду
и землю,
весну
и зиму,
слушай шепот любви,

грохотанье пушек
слушай!
Так летите же, звуки,
большие и малые,
вам открыты уши мои,
вам открыто сердце мое,
прилетайте,
добро пожаловать!
Большие события
рождаются где-то,
прислушайся к миру,
прислушайся к миру,
сердце поэта.

1960

* * *

В коробке воздух — мертвое вино,
не веселит, не опьянит оно.

А было некогда
кусочком вихря!

В стакане
неподвижная вода
(ее уже и замечать отвыкли)
летала в буре
и несла суда...

В глазах твоих
не уловлю огня.

А как порой
при свете их
мечталось!

Они тусклей, спокойней
день от дня;
в них скука умещается одна,
а некогда
душа моя вмещалась!

* * *

Остановка. Глухой полустанок —
мокрый,
 темный под частым дождем.
На таких мы в пути неустанном
никого уже
 встретить не ждем.
Но у крайнего низкого зданья
ты ждала,
 задыхаясь, моля —
так ждала,
 точно в зал ожидания
для тебя превратилась земля.
Слезы
 дождь пересчитывал частый,
и стояла ты, слез не тая,
и, как небо в погибельной чаще,
мне открылась улыбка твоя.

МИРТЕМИР

Миртемир (Турсунов Миртемир) родился в 1910 г. в кишлаке Икан, Туркестанского района, Казахской ССР, в семье дехканина.

Приехав в Ташкент, он с 1923 г. воспитывается в интернате «Алман», в 1924—1925 гг. учится в педагогическом техникуме, с 1929 г. продолжает образование в Узбекской педагогической академии. Зарекомендовав себя способным поэтом, Миртемир приобретает первые литературные навыки в кружке при редакции газеты «Еш ленинчи».

Начиная с 30-х годов, Миртемир занимается педагогической деятельностью, а через два года всецело переходит на журналистскую работу. Он сотрудничает в редакциях газет и журналов, в издательствах республики. Долгое время Миртемир был литературным консультантом и руководителем семинара молодых писателей при Союзе писателей Узбекистана.

Первый поэтический сборник — «В объятиях лучей» — вышел в свет в 1928 г. Затем были напечатаны книги его стихов: «Зафар», «Волнение», «Коммуна», «Гудок», «Столица», а также дру-

гие произведения, отображающие невиданный героизм советского народа, его трудовые и боевые подвиги.

В годы Великой Отечественной войны был напечатан сборник поэта «Мечь».

В послевоенные годы вышли книги «Рассветной тропой», «Избранное», «Такое уж время» и другие.

Миртемир работает и в области художественного перевода. Он перевел поэму «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, «Повесть о купце Калашникове» М. Ю. Лермонтова, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, стихи наших современников.

**ВЕЛИЧАЮ ТЕБЯ,
ПРОСЛАВЛЯЮ ТЕБЯ!**

Величаю тебя, моя Партия!
Светлый день наш и утра сияние,
Наша сила и наше дерзание!
Величаю тебя,
Прославляю тебя,
Молодая всегда — моя Партия!

Ты с победою все испытанья прошла,
Ты ущелья прошла, перевалы прошла,
Вековые стремления в жизнь воплотила,
Наступление вечной весны возвестила!
Нашей эры величье — творенье твое,
Нам слова твои славой бессмертной сияют,
Край мой в новом обличье — творенье твое,—
О сады, что холодного ветра не знают!

В темноте и нужде проходили века,
Слова «счастье» душа человека не знала.

Ты свой светоч зажгла, ключ от счастья добыла.
Приняла этот ключ — вся в мозолях рука!
Всюду вижу деяний твоих светлый след.
Твой призыв — миллионов уста повторяют,
И хранится в сердцах каждый мудрый завет,
С ним на битву идут и врагов побеждают.

По твоим начертаниям народ наш живет,
Чего не было — будет, что есть — расцветет!
И рождаются дети — как розы, нежны,
И в пустыне — живое кипенье весны,
Пыль прошедшего счастья зарю не погасит!
Наше завтра сиянье победы украсит.

О бескрайняя Родина — свет моих глаз!
Среди равных республик ты тоже равна!
О тебе горделивый веду я рассказ:
Щедрым солнцем ты, буйным цветеньем полна!
На полях твоих — белого хлопка богатство,
Наша гордость он, символ единства и братства.
Над широким простором родимого края
Коммунизма заря, разгораясь, сияет.
Разум Партии к цели народы ведет,
Ты наш кормчий — и слава тебе, и почет!

Величаю тебя, моя Партия!
Светлый день наш и утра сияние,
Наша сила и наше дерзание!
Величаю тебя,
Прославляю тебя.
Молодая всегда — моя Партия!

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Солнце разума, сказочных сил человек,
В мир принесший зарю на могучих плечах,
Поразивший драконов насилья навек,
Что душили отцов в непроглядных ночах.
Указавший народам грядущего брег,
Горы вечного счастья в бессмертных лучах,
Неужель и тебя, великана, подсек
Этот жнец ненавистный с туманом в очах?

Нет, не умер ты и не умрешь никогда!
Твое сердце несет в своем сердце страна,
Как алмаз, в роковых испытаньях тверда,
Как булат, твоим пламенем закалена.
Поднималась гроза, налетала беда,
Все прошло, все пройдет и осилит страна.
И в боях, и в трудах никакая страда
Вдохновенным тобою сердцам не страшна.

В сердце родины, в свежих садах, в кишлаках —
Всюду видим тебя полным жизни и сил...
Это ты нам в бесплодных пустынях, в песках
Реки, полные вод животворных, открыл.
Это ты отворил в беспросветных веках
Двери к солнцу и жизнь нашу преобразил.
Это ты всем народам на всех языках
Созиданья и правды закон возгласил.

Нет, не умер ты и не умрешь никогда!
О тебе наша лучшая песнь сложена.
Погибавшим народам в глухие года
Исцеления чаша тобою дана.

Бесконечно отчизна тобою горда
И великою верой в победу полна,
И заветных надежд всего мира звезда
Над высокой стезею ее зажжена.

Над страной с зарей подымаешься ты,
Острым взглядом на новые стройки глядишь.
В Алмалыкские шахты спускаешься ты
И ревниво за нашей работой следишь.
И одобрительно нам улыбаешься ты,
Ты в великом Совете незримо сидишь,
Не туманишься, не отдаляешься ты,
С нами вместе бессмертное дело творишь.

Нет, не умер ты и не умрешь никогда!
Ты взлелеял грядущих побед семена.
Мы — орлы твоего боевого гнезда,
И тебе наша гневная клятва дана.
В бой несем мы, как грозовая гряда,

Как в просторе морском за волною волна,
Чтоб стояло всегда государство труда,
Чтобы в нем никогда не увяла весна.

Ты сопутствуешь Шарифбобо при луне,
Отворяешь арыки, плотину-кулак,
Ты приходишь на праздник плодов в Фергане,
Озаряешь улыбкою дальний кишлак.
Твоя слава — в народной живой глубине,
Словно шум в океанских могучих волнах,
Доблесть юношей наших росла в тишине,
На твоих обучаясь бессмертных делах.

Нет, не умер ты и не умрешь никогда!
В царство снега идет за тобою весна.
Ты с героями шел над громадами льда,
Пред тобой отступала пустынь тишина...
Как когда-то распалась во прах без следа
Перед тобою царизма глухая стена,
Так и ныне, коль с нами ты,— вражья орда
Будет нами растоптана и сметена.

Твоя каждая книга подобна реке.
Словно перлы, слова драгоценные в ней.
В наших землях и в дальнем глухом далеке
Они блещут, как россыпь несметных огней.
Будет слово твое на любом языке
Во вселенной звучать до скончания дней.
Солнце правды ты поднял в могучей руке
Над столетьями, черных туманов черней.

Нет, не умер ты и не умрешь никогда!
Ты садишься, как друг, у костра чабана,

Ты глядишь, как текут по яйлагам стада,
Как земля под плугами черна и жирна...
Как свергается с грохотом в домны руда,
Как идут караваны руна и зерна...
Совещаются люди с тобою всегда
За великой работой ночами, без сна.

Тебя люди в Хорезме зовут «Яш улли»
В Бадахшане далеком «Падари калон»,
Ты глядишь на долины узбекской земли,
Как красуется слава трудов Шакархон.
Вот в саду нашем счастья цветы расцвели.
Да не будет грозюю наш сад опален!
Все стране отдадим, чтоб несметные шли
В бой ряды броневых наших грозных колонн.

Нет, не умер ты и не умрешь никогда!
Погляди: наша сила не сокрушена,
Пролетают, просторы будя, поезда,
Плещет пенная в свежих плотинах волна...
И растут города, и несут провода
Мощь и свет, и поют на ветру, как струна.
Это — воздух, огонь, и земля, и вода.
Это — еще неподнятых сил целина.

Ты Джамбулу вручил золотую домбру,
Дал бахши Абдулле пламенеющий саз.
Тучам сумрачным не устоять на ветру.
Солнце счастья не спрятать от наших им глаз...
День великий придет, и опять поутру
Перекликнется Таллин с Дарай-Дарваз,
И на празднике мира, на братском пиру,
Словно солнце, ты будешь сиять среди нас.

Нет, не умер ты и не умрешь никогда!
Будешь славен ты в мире во все времена,
Не сотрет твоей славы веков череда,
Именами иными темня имена.

В царстве разума, счастья, свободы, труда,
Когда станут единой семьей племена,
Будет правды твоей путеводной звезда
На вершину бессмертья вознесена.

1940

ЯЛИ-ЯЛИ

Наша река шумно течет, яли-яли,
В бурной реке столько щедрот, яли-яли.
Смотрит вперед, только вперед, яли-яли,
Мчится поток бешеных вод, яли-яли,
Катится гул издалика, яли-яли.

Что из того, что берега высушил зной,—
Весело ей бурно играть пенной волной.
Жаждой томясь, просит воды край мой степной,—
Капли одной, капли одной, капли одной...
Тщетны мольбы — мчится река, яли-яли.

Жаждой томясь, думала степь: «Счастья мне нет,
В эту реку я влюблена тысячи лет.
Скоро ль взойдет в знойной степи радостный
цвет?»

Как я хочу воду реки, глаз моих свет,
Поцеловать за все века, яли-яли».

Издавна наш смелый народ к битвам привык,
Вышел он в степь, духом могуч, силой велик.
Он превратил нищую степь в яркий цветник,
Всюду забьет быстрой струей счастья родник,
Эта вода будет сладка, яли-яли.

Вдоль берегов будет красив уток полет.
Будет цвести родина-сад из года в год.
Там соловей песнь любви нам пропоет,
Он воспоеет вечной весны светлый приход,
Песня взлетит под облака, яли-яли.

НЕТ, НЕ ЧЕЛОБИТЬЕ

Он без усталости бродит, крупиночки крепкого наса
Заложив под язык. Не аул Базаркент —
Тут столица, и все по-столичному: зелени масса,
В центре площадь, как луг, а на ней — монумент.

Прямо к солнцу стремительно правую руку вздымая,
Человек будто в небо шагнул со скалы.
И сковала пытливого путника робость немая,
И глаза его зоркие стали круглы.

«Это он!» — еще издали сердце ему подсказало.
Как разбухший от вешнего ливня поток,
Радость хлынула в душу волной небывалой!
Вот пастух из-за пазухи вынул платок.

Не спеша развернул и достал фотографию... Боже,
Ну конечно же, он!.. И, платок теребя,

Взволновался почтенный пришелец: до старости
дожил
А почувствовал здесь он ребенком себя.

И пред ним его жизнь разворачивалась, словно
свиток
Земли предков... Аральское море... Аму...
По чужим он скитался, голодным работал на сытых,
Даже младшие «ты» говорили ему.

О батрацком труде были присказки горьки и колки:
«Дело бая бежит, а свое-то лежит».
Мать учила его: «Не саманом питаются волки»,
Сколько мук претерпел он, побоев, обид!

Вспомнил пору джигитства, чужие стада, как
однажды
Бился с тигром один на один, как потом
Сын проклятого бия и шкуру забрал, и так важно
Накричал: «Надо лучше смотреть за скотом!»

Как вина молодого любви он пригубил, хмелея,
Как рыбацкая дочь, словно редкий цветок,
Показалась ему всех красавиц скромнее, милее,
Но, увы, уплатить он калыма не мог...

Говорят, что бросается пес на пугливых. Воязни
Нет в джигите, но бай налетает рыча.
Говорят, два уродства на свете всего безобразней:
Это — шея верблюда, дела богача.

И сладчайшую дыню погрызла собака, о горе!
И редчайшую девушку в мире купил

Конопатый урод, но богатый, однако, о горе!
Перед золотом бедный джигит отступил.

И ходил он из племени в племя, скитаясь немало,
В сорок лет лишь вдова приютила одна.
Нищета их терзала, нужда их сердца озлобляла,
То мирились, то шла между ними война.

Год шестнадцатый... Пламя восстанья... Солдаты...
Большевистское слово впервые дошло до него.
Грозный шквал Октября... Октября громовые раскаты,
И народа прозренье, борьба, торжество!

Кто от сытости, кто, не поевши, от голода пляшет,
Нелегко вековую развеяли мглу!
Но все легче жилось тем, кто молотом бьет или пашет.
Баи выли, как пес, проглотивший иглу.

Если дерево криво — и тень его тоже кривая,
Не теряли надежды на власть богачи.
Но уже над просторами каракалпакского края
Разгорались народного братства лучи.

Проверяется золото в пламени, люди — в работе.
Сорок лет жил свободно жизнью чабан.
Сына вырастил. Старость проводит в почете.
Дом построил. есть поле, корова, чапан.

Скот — взрастившим его достается, такое уж время!
Кто дрова нарубил, наколол, тот их жжет.
Пот пролившим — услада дается, такое уж зремя!
С каждым днем умножает богатства народ.

ГОРОД

Здесь каждый холм песчаный — городище.
Здесь бьющие шербетом родники
Труд человеческий когда-то высек.
Но тяжело спят развалины дворцов,
И цвет садов засыпали пески.

Край крепостей...Хорезма древний рай...
(Смотри, в арыках высохших весь край.)
Здесь выдержавшие веков удары
Столпами благочестия и кары
Лишь минареты дряхлые стоят...
Но ты, душа, вливая скорби яд,
Не поддаваясь горечи бесплодной,
Благоговения исполнись: здесь
На пастбищах, погибших под песками,
Скрыт наших дедов прах...

Какое горе, бедствия и страх
Несли народу полчища Чингиза!

Набеги солнце разума затмили,
Земля стонала под ярмом владык,
И распряжи ее терзали ханы,
Столетиями ее горели раны,
Ее цветущий лик был залит кровью...
Я город увидел среди песков.
Странички на историю его
Хватило бы с избытком. Лишь недавно,
Как изваяние верблюдов спящих,
Лежали тут барханы. Этот край
Был самым жаждущим среди жаждущих!

Я город увидел среди песков,
Друзьями жизни населенный город,
Такой счастливый и зеленый город.
Что даже небо синее немеет,
Увидев свежесть зелени его!
В нем улицы похожи на аллеи.
В обыкновенном шуме городском
Вдруг различает ухо лепет влаги,
И тополя, все зданья окружая,
Их держат в лапах бархатных своих!
А с краю город осажден цветами,
И вечерами в парке-цветнике
Светло, как днем, звенят, поют дутары,
И воплощеньем счастья бродят пары.
Кто только не гуляет в шумном парке!
И заводской рабочий, и студент,
Рыбак муйнакский, девушка-степнячка,
Профессор старый, юный пионер,
И, чуточку хлебнувший лишка, мастер...
Простые люди — города творцы,
Его хозяева. Принадлежит им

Каракалпаков юная столица —
И знания дворец, и тополь, и цветок.

Что ж удивительного, если завтра
На древних берегах Аму построим
Мы множество подобных городов!
Ни крепости, ни логова тиранов,
Которые песок забвенья скроет,—
А полные неистребимой жизни,
Как вечная природа, города,
Свободного народа города!

1956

ОБЛАКА

Белым-бело, плывут светлы по небу облака.
Нам больше хлеба ждать от них иль больше
молока?

Белым-белы весны послы на небе голубом,
Запахло в воздухе огнем и проливным дождем.
Вверху — то гром, то тишина, тревожно-глубока,
Не проходите мимо нас, пролейтесь, облака!
Пролетесь — будет и трава, и молока река,
И больше счастья этот год нам даст наверняка.

Плывут по небу облака белым-белы, чисты.
Посмотришь — в небе снеговых вершин стоят
хребты,

Посмотришь вновь — и лебедей уже полно,
Опять посмотришь — в белый шелк затянуто оно,
Ночному небу снится сон, спокойный лунный сон,
Волшебной кистью на него рисунок нанесен.
Холмами хлопка в синеве белеют облака,
Как будто отразились в ней осенние тока.

1957

НОЧЬЮ

Речная рябь в ночи дрожит безмолвно.
Сады уснули, и молчат поля.
Пой, девушка, и, если сердце полно,
Сольются в песне небо и земля.
Сады уснули, и молчат поля.

Луна швырнула на́ воду монеты.
Ночь ворошит сокровища свои.
Красавица, не все же песни спеты,
Пусть не пугают тенью тугай.
Ночь ворошит сокровища свои.

В такую ночь цветы не спят, ликуя,
Пой, эта ночь для песен — благодать!
Лукавую газель тебе сложу я,
Ту, что Бердах сам не успел создать.
Пой, эта ночь для песен — благодать...

1957

КРАШЕ ЗАРИ

Не обманешь бессонницу, как ни хитри,
И бродил я по берегу Аму-Дарьи,
А когда, наконец, рассвело, на реке
Я увидел купальщицу, краше зари.

Луч рассвета — волос ее каждая прядь.
Цвет тюльпана — лица ее теплая гладь.
И рассветное небо, смутясь, не могло
Просветленней и чище ее просиять.

То плыла она, голову набок склоня,
То барахталась, бурые волны гоня,
И сказала ли это бессонная ночь,
Но невольно смыкались глаза у меня...

Вот мелькнуло у берега тело ее,
Вот заря осветила несмело ее,
А когда она вышла совсем из воды,
Солнце высунулось — посмотреть на нее...
1957

СВЕЧА

Подсвечник старый, тонкая свеча,
нагар на ней...
Она горела,
когда в глухой ночи перо летело
над рукописью новой Ильича.

Метался маленький язык огня —
от черных окон дуло,
и, казалось,
к нему дыханье бури прикасалось,
бушующей за стеклами окна.

А рукопись заполняла стол,
и мысль росла,
по всей земле кочуя:
поля России,
земли Мирзачуля,
встающий Юг,
разбуженный Восток...

Сгорала в собственном огне свеча,
и сгонек не отступал пред ветром,
и этот свет
горел над целым светом,
грядущее
надолго осветя.

ДУМЫ

Гляжу на зарю, то полнеба зажгла,
Чуткие сполохи всюду пошли,
Как будто над миром, расправив крыла,
Волнуется алое знамя вдали.
О чем говорят переливы огня
За дальнею далью, где, зноем дыша,
Творится великое таинство дня?
Узнай поскорей и запомни, душа:
Гляжу на зарю, а в душе этот миг
Останется жить до скончания дней,
Крылатой мечтой облетит материк:
— Ах, если бы стать знаменосцем и мне!

Стою я у моря; как молот, вода
Вздывается медленно и тяжело —
Дрожит от удара скала. Как всегда,
Морского пространства синее стекло.
О чем говорит неустанный прилив

Крутыми холмами теснящихся вод?
Их гулкие зовы, их шум уловив,
Узнай, мое сердце, чем море живет.
Стою я у моря — и хочется мне
Уйти с головою в прозрачную гладь,

Чтоб тайны морские открыть в глубине:
— Ах, если б суметь к ним ключи отыскать!
Брожу одинок по вершинам седым...
Внизу зеленеют ущелья, расцвел
Душистый райхон там по скатам крутым.
А в небе бескрайнем кружится орел.
Брожу по вершинам, и хочется мне,
Почуяв еще небывалую стать,
Быть вечным, как эти хребты в вышине:
— Ах, если бы соколом мог я летать!

Глаза не смыкаю в полночной тиши,
И зори встречаю, листая тома,
Где щедрое солнце бессмертной души
Века озаряет сияньем ума.
Сыны человечества — Гейне, Шота,
И Пушкин великий, и наш Навои —
До утренних зорь не смыкают уста.
Черпай, мое сердце, из светлой струи!

1940

СЫР-ДАРЬЯ

В колыбели сердечной
Сырдарьинскую песню
Я ночами лелеял:
Песня — счастье поэта;
Пусть летит, словно сокол,
В синеву поднебесья
И звенит над рекою
Задушевым приветом.

Дикой степью когда-то
Сырдарьинские земли
Называли в народе
За бесплодие сухое,
И округой дехкане
Обходили издревле
Это гиблое место,
Это место лихое.

Так считали когда-то,
Поступали когда-то.
Ныне время былое
Позабыто навеки.
Сыр-Дарью называют
Стороной благодатной,
Краем, вызванным к жизни
Трудовым человеком.

Сыр-Дарья укротила
Зной степей вековечный
И водой напоила
Всю равнину в округе.
Для сестер маловодных
Стала матушкой-речкой,
А для рек полноводных —
Равноправной подругой.

И никто не посмеет
Отозваться, как прежде,
Что текут бесполезно
Сырдарьинские воды.
Уступило цветению
Соляное побережье,
Словно призрак, исчезло
Вековое бесплодье.

Будто в сказке волшебной,
Земли древние эти
Клады настужь открыли —
Нате, люди, берите!
На аллеях садовых
Тихо плещется ветер,

На полях неоглядных
Зреет хлопок и жито.

Изумрудные травы
Ходят буйной волною,
От весны до зазимья
Нету пастбищ привольней.
И не зря величают
Молочной рекою
Сыр-Дарью. И поют о ней
Песни в застолье.

Словно яхты степные,
Города и селенья
Корпусами своими
Упираются в небо.
Не об этом ли думал
В дни далекие Ленин,
Чтобы светлую явью
Стали раздумь и небыль!

Человек человеку
На земле сырдарьинской,
Как повсюду в Отчизне,—
Брат по духу и крови.
Потому и веселый
Слышен смех материнский,
Потому и девчата
Крепко дружат с любовью.

Потому и прохожий,
Утомившийся путник,
Как бы ни торопился —

Сыр-Дарьи не минует.
Потому и сверкают
Ярким праздником будни.
Ну, а праздник как праздник —
Искрометно бушует!

О река изобилья,
Народа кормилица,
О тебе я лелеял
Вдохновенную песню.
Пусть на крыльях она
Соколиных
Поднимется
Над священной водою
И летит в поднебесье.

САБИР АБДУЛЛА

Поэт и драматург, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР, Народный поэт Узбекистана Сабир Абдулла родился в 1905 г. в Коканде, в семье служащего. Начальное образование он получил в старометодной школе, затем учился в советской школе и в Ташкенте на курсах по подготовке советских работников, позже закончил вечерний университет марксизма-ленинизма.

Литературное творчество Сабир Абдуллы началось в 1925 г. Он работал в редакциях газет «Янги Фергана», «Еш ленинчи», в журнале «Муштум», в Андижанском театре, в Узбекской государственной филармонии и в музыкальном театре драмы и комедии имени Мукими (1925—1948). Его сборники стихов «Крик весны», «Восторг», «Гульшан», «Слова и музыка», «Песня жизни», книги рассказов «Навбахор», «Дружба», «Тени», драматургические произведения «Девушка-садовод», «Волокита», «Тахир и Зухра», «Курбан Умаров», роман «Мукими» и многие другие произведения широко известны читателям.

УЧИТЕ РУССКИЙ

О,русской речи ширь и краткость,
мне близок строй ее
и мил.

Моя опора,
гордость,
радость,

окно
в необозримый мир.
В ней нежность песни,
мощь оружия,
размах
и точность без затей...

Друзья мои, учите русский,
учите русскому детей!
Служил он каждому,
поведав

итоги знания
и азы,

язык ученых и поэтов,
могучий ленинский язык.
В пути ли вы,
в краю ли отчем —
все дали с ним недалеки.
Он проводник — и переводчик
на все земные языки.
Учите русский —
 годы кряду,
с душой,
 с усердьем
 и с умом!
Вас ждет великая награда,
и та награда —
 в нем самом.

ПИШИ, ПОЭТ, НЕ ДЛЯ СЕБЯ

Ты для народа своего, не для себя пиши, поэт,—
И проживут стихи твои не миг один, а много лет.
Поэт, пиши не для себя, войди стихом в народный
быт,
Ты в жизнь народную войди, тогда не будешь ты
забыт.
Не будешь ты забыт: народ твое признает мастерство...
Пиши, Сабир, не для себя, а для народа своего.

Не друг, если он не по сердцу,
любить бессердечных опасно.
Не будет заботливым другом
не слышащий стука тревоги.
Отыскивай друга такого,
чтоб мыслил с тобою согласно,
Врага одолеешь едва ли,
коль сердце твое осторожно,
а если холодное сердце —
и крепость не сломишь ты вражью.

Но в битве
пылающим сердцем
закреть амбразуру возможно.
Такие сердца составляют
надежную Родины стражу.
Любое великое дело
работает мастер с любовью;
в искусстве сердечность такая
в творении скажется емком,—
ведь если достойным поэтом
поэма написана кровью,
доставит она наслажденье
и нашим далеким потомкам.

Друзей не бывает у труса:
от страха предать он способен;
особо он в зависти страшен,
потайно ужалить готовясь.
И он — солончак и тряси́на;
бесплодным он землям подобен.
Все лучшее в людях — от сердца:
любовь, доброта или совесть.

Мои земляки дружелюбны
и всем поделиться готовы.
В труде веселы и упорны,
не любят пустого покоя.
Сегодня в Компартию нашу
идем по сердечному зову,
потому в наших свершеньях —
биение сердца живое.

В СЕМЬЕ

Чем глубже годы бороздят чело,
Тем больше грусти в сердце у меня.
Навеки время юности ушло,
И нет на сердце прежнего огня.

Но сразу жизнь становится полней,
Когда из школы дети прибегут,
Весь дом наполнен радостью детей,
Пронизан светом солнечных минут.

Вот, на колени взгромоздясь ко мне,
Смеется самый маленький сынок;
Другой, постарше, в строгой тишине
На завтра учит заданный урок.

Мой младший сын — веселый, подвижной,
Но старший — для него пример во всем.

Учительница, щедрая душой,
Ведет их к знаниям солнечным путем.

И мне учеба вспомнилась моя:
Каморка... мрак... коптилки тусклый свет...
Все дни корпел там над кораном я
И не увидел света детских лет.

Как радуюсь, когда мне из Москвы
Мой сын-студент письмо свое пришлет!
Как будто птица в море синевы,
Моя душа ликует и поет!

Раскрыв конверт, взволнованная мать
Всплакнет. Но это — радости слеза!
Бормочет что-то, сиюсь прочитав,
И утирает влажные глаза.

Счастливый дом, коль много в нем детей,
Но лишь терпенье счастье принесет.
Случается, я слышу от людей,
Что дети — это множество хлопот.

Бывает все на жизненном пути:
И тернии, и камень, и песок,
И если через это не пройти,
От счастья будешь своего далек.

Я счастлив: много у меня детей,
И рада мать: их много у нее.
Без них была бы наша жизнь бедней,
И стало б темным светлое жилье.

Уже годов немало, уплыло,
И детство наше далеко от нас,
Но жить с детьми легко нам и светло,
Мы видим свет веселых детских глаз.

Грушу, припомнив детские года:
Каморка... мрак... коптилки тусклый свет...
Промчалось время быстро, без следа,
Не видел я отрады в детстве, нет!..

Но в том саду, где я не рвал цветов,
Растут цветы для сына моего...
Всегда его послушать я готов:
В рассказах сына — жизни торжество!

* * *

Перо мое скользит в ночном покое,
клокочет страсть, но мысль моя строга,
и я в тиши колдую над строкою,
чтоб пролилась, как музыка, строка.

Страна стихов встает певучим полднем,
в стихи влюбляются сады, звеня.
Когда любви я полон, то наполнен
любовью тот, кто слушает меня.

Когда прошу любви — порукой совесть,
порукой честь и честной жизни склад.
Ведь есть о пустоцветах тьма пословиц,
что мера их любви — лишь томный взгляд.

Я счастлив той великой данью,
которую я времени плачу.

Оно, призвав на праздник созиданья,
дало перо — оружием по плечу.

И эта цель — вершины выше горной,
а мысль чиста, как струи родника.
Душа горит неугасимым горном,
любовь — как полноводная река.

Пускай упреки жалят, словно осы,—
в ошибках лечат нас слова отцов.
Ведь говорят, что не посеешь проса,
когда боишься даже воробьев.

Свобода — вдохновения источник.
Стремясь к высотам творческих чудес,
ты станешь сильным, яростным и точным —
хозяином земли, огня, небес.

Я без народа ничего не стою,
но с ним я хоть иглой построю дом,
а памятник народу я построю
из слов, добытых яростным трудом.

И если ты народной речи верен,
нетленным станет слов особый склад.
Стихи — как в сад распахнутые двери,
цветы — слова, плоды — то смысла клад.

Создать такой цветник — мечта поэта,
чтоб человек от счастья был бы пьян,
чтоб в том саду всегда цвело бы лето
на зависть сольным соловьям.

О, если бы и жизнь текла стихами —
в каналах не вода, а музыка б текла.
Тому, кто все проспал, в награду — камень,
кто до восхода встал — бутон тепла.

Сплели мы ветви, свету свили гнезда,
чтоб навсегда развеять мглу ночей,
и ГЭС Фархада зажигает звезды,
светящие огнем в мильон свечей.

А радуга в тумане водопада
дает поэту образов каскад.
Одна лишь пиала такой услады
пьянит, как строф хайямовых мускат.

Стихом поэта стройки зазвучали.
Теперь вмещает день дела годов —
из тех надежд, забот и тех печалей,
какими полон караван веков.

Теперь у нас другая жизни мера —
вслед за водой не надо кочевать,
отыскивать убежища в пещерах
и за горами пастбища искать.

Поэт богат богатством языка,
слова беря, как жемчуг из ларца.
Народ воспеть — задача высока,
Но это — счастье для певца.

ПРАЗДНИЧНАЯ ПЕСНЯ

Юноша :

Для тебя я цветы посадил, дорогая,
и они зацветут — лишь взгляни, ослепляя:
ведь, как солнце, улыбка твоя животворна,
и расскажет букет, что люблю лишь тебя я.

Девушка :

Я взгляну, если взгляд мой цветы оживляет,
а цветок — знак любви — приколю я на платье.
Если что-то цветам дорогим угрожает,
я пошлю на опасность любые проклятья.

Юноша :

Никого я не знаю нежней и прелестней!
Я и песню сложил, чтоб ее ты пропела.
Ведь обычно молчу, но в тоскующей песне
обо всем расскажу откровенно и смело.

Д е в у ш к а :

Для меня эта песнь лепесточка нежнее,
если мне посвятил, не расстанусь я с нею.
Если песенку юноши девушка спела,
значит, станет любовь их полней и сильнее.

Ю н о ш а :

Если б я не любил, то и петь не желал бы.
Если горло звенит, значит, полон тобою.
Только сердце мое изнывает от жалоб,
если мимо, не глядя, проходишь порою.

Д е в у ш к а :

Разучили мы песню в саду вечерами,
Пойте весело юноши в праздники с нами.
Ведь напев этой песни расскажет о счастье,
точно так ты сказал о любви мне цветами.

Ю н о ш а :

Только в праздники чудо бывает такое:
Станет улица вся полноводной рекою.

Д е в у ш к а :

То незыблемость вечная крепкого строя
И всегда молодое стремление к счастью.

1955

СЛАВА, ПАРТИЯ, ТЕБЕ!

Ты мне сердце окрылила — слава, Партия, тебе!
Ты как жить мне объяснила — слава, Партия, тебе!
Ты народы вдохновила — слава, Партия, тебе!
С ними славу поделила — слава, Партия, тебе!
Ты моя судьба и сила. Слава, Партия, тебе!

Воля ты моя и разум, сердца лучшая струна.
Славный мой руководитель, крепости моей стена.
Наша общая дорога Партией освещена:
Днем ты солнце золотое, ночью — светлая луна,
Яркое мое светило. Слава, Партия, тебе!

Зажигаешь вдохновеньем ты поэта существо.
Ты — всех образов рожденье, ты — всех мыслей
естество.

Ты — мой ритм, мое уменье, жизнь искусства моего,
Ты — мое стихотворенье, ты — заглавие его.
Ты писать благословила. Слава, Партия, тебе!

Х А Б И Б И

Закирджан Хабиби является одним из старейших представителей узбекской советской поэзии. Он родился в 1890 г., учился в старометодной школе, затем в медресе в Андижане и Коканде. С детства Хабиби глубоко изучает произведения Алишера Навои, Фурката, Мукими, а затем, с 1910 г., и сам начинает писать газели.

Прошли годы. В жизни народа наступила новая эпоха — век Великого Октября. Узбекский народ, в недавнем прошлом голодный и раздетый, теперь вместе со всеми народами Советской страны идет к коммунизму.

Все события, которыми так стала богата жизнь, воспел и старейший поэт республики.

ЗДРАВСТВУЙ, МИР!

Близок нашей земле — в труд
влюбленный народ,
Чистота его слов и на лбу
честный пот,
И кристаллы сердец трудового народа.
Он борьбе за мир посвятил свои годы!..
Есть желанье одно — поднимайтесь,
рассветы,
Будь же, дружба,
хозяином нашей планеты.
Это мудрости плод,
что такое желать.
Только хищникам-зверям того не понять.
Не понять кровь людскую,
разрушенный дом,
Как рузлука врывается
страшным огнем.

Разве может понять,
кто живет без души,
Кто мечтает войною весь мир
задушить?
Он сгорит, захлебнется в своем же
огне,
Будет проклят народом в своей же
стране.
Он останется прахом,
бесплодным песком...

Не один с этой участью
враг был знаком.
Можем мы перечислить сегодня
всех их,
Кто стремился могилы копать
для других,
Для других, а достались ему же они,
Свой конец в тех могилах находят
они...
— Здравствуй, мир!
Говорят все народы
страны,
Мы Отчизне своей жизнью,
сердцем верны.
Вместе с братьями мы,
вместе с русским народом
Отстоим нашу землю
и радость свободы.
Словно солнечный свет,
полыхает над нами
Знамя наших побед,
наше гордое знамя.

ЧЕЛОВЕК НАЙДЕТ

Что захочет человек — обязательно
найдет...
Он решил за дело взяться — силы он
найдет.
А когда вода в пустыне будет
серебриться,
Кто придет туда, посмотрит,
жизнь он там найдет.
Если кто, трудясь, дерзая,
к новому стремится,
Он в пути своем почетном
ремесло и ум найдет.
Там, где празднует работа,
в край свободы
Кто придет, посмотрит,
сад цветущий там найдет.
Если кто идет вперед упрямо,
у народа

Он всегда большое уважение найдет.
Если кто трудился много, честно,
Хабibi, скажи короче — год от года,
славу он найдет.

ЯЗЪЯВАНЦАМ

Патриоты Отчизны, мудрость свою
покажите,
Силу, встречая рассвет в одном строю,
покажите,
В степи Язъяванской, в широком
размахе работ
Здесь мастерство свое, смелость свою
покажите.
Здесь в наших делах друг и спутник —
русский народ.
Себя, как можете весело строить,
покажите,
Сами герои, из рода героев,
покажите,—
Меняете облик заброшенной
серой земли.
Жажду веков утолив водою,
покажите,—

Какие же новые здания вы возвели.
Где шелестели колючие травы тысячи лет,—
Вы белую ширь хлопковых полей покажите.
Вам счастья желая, шлет Хабиби свой привет,
Сердца открытые славных людей покажите.

ЛЕНИН

Мне сердце подсказало песню... Я пою...
Перед глазами вождь любимый — Ленин!
При имени его я вижу, как встают
И счастье, и величье поколений!

Он вышел на борьбу, чтоб только победить,
Желанным лозунгом была свобода.
В сражениях суровых был он впереди,
Как верный друг могучего народа.

Он знамя справедливости донес
До светлых дней... Оно нас осеняет...
Он людям дал права... Зажглась из гроз
Заря над нашим краем золотая.

Как мы свою Отчизну вряд ли кто любил,—
Перелистай истории страницы.

У счастья нашего размах могучих крыл,
Никто в полете с нами не сравнится.

Попробуй школы и дворцы пересчитать,
Пройти по всем колхозам и заводам.
На новых стройках никогда нам не устать,
Здесь с Лениным работают народы.

Родное имя не погаснет в блеске дней,
Любовь к нему священная, большая...
Она становится из года в год сильней,
И в каждом деле Ленин оживает.

РОДИНА

Я с годами скупей
На слова сокровенные,
Но с тобою всегда
И во всем откровенен я:
Ты мне жизнь подарила
И долю весеннюю,
Словно самое светлое
Стихотворение.
Ты опора моя
И мое вдохновение.
Поглядишь на просторы твои
Разноликие —
Не реликтам дивишься
И чудо-реликвиям —
Нéродъ — земли
Да пустоши искони дикие
Урожая тугими наливками
Вспенены.

Ты опора моя
И мое вдохновение.
Я, твой сын Хабиби,
На лесах созидания
Вместе с теми,
Кто полон огня и дерзания,
Кто с грядущими днями
Спешит на свидание,
Кто в походе великом
Под знаменем Ленина.
Ты опора моя
И мое вдохновение.

АМИН УМАРИ

(1912—1942)

Амин Умари родился в 1912 г. в Коканде. В 1935 году он заканчивает филологический факультет Узбекского государственного университета в Самарканде.

В 1937 г. поэт переезжает в Ташкент и работает в редакциях журналов «Гулистан», «Литература и искусство Узбекистана» и газеты «Кизил Узбекистан».

Амин Умари принимает активное участие в литературной жизни республики. В 1937—1939 гг. один за другим выходят сборники его стихов «Сын», «Верность», «Детские песни», «Мой голос», а также сборник рассказов и очерков «На пути в Казань».

В годы Великой Отечественной войны Амин Умари отдает весь свой талант делу победы над фашизмом. Плодом этого периода явился его сборник «Песни борьбы», написанная в соавторстве с писателем Туйгуном пьеса «Месть» и в соавторстве с драматургом Камилом Яшеном драма в стихах «Хамза».

Амин Умари перевел на узбекский язык стихи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, пьесы А. Н. Островского и М. Горького.

ЛЕНИН

Был небосвод ненастен и угрюм.
Кружились листья. Ветер выл уныло.
То в дни проказ, то в раннем детстве было,
Не ведал жизни мой незрелый ум.

И помню я, в большом тандыре мать
Пекла лепешки. Шустрый непоседа,
Шалил я в ожидании обеда,
Не уставая прыгать и скакать.

Базаром пестрым двор казался мне.
И вдруг вошел отец мой: «День счастливый,—
Сказал он,— Ленин старшим стал в стране.
Он мудрый человек и справедливый».

И мать мне в руку сунула тотчас
Румяную лепешку. Я умчался,

Запрыгал, зашумел, закувыркался.
В тот день все были радостны у нас.

Не странно ли,— осенним хмурым днем
Впервые мать счастливо улыбалась,
И радостным румянцем разгоралось
Ее лицо, склоняясь над огнем.

Был небосвод ненастен и угрюм.
Кружились листья. Ветер выл уныло.
То в дни проказ, то в раннем детстве было,
Не ведал жизни мой незрелый ум.

О мать, с прекрасной любящей душой!
Твой ароматный сыр, лепешку к чаю —
Как часто, часто я их вспоминаю
Теперь, когда я стал совсем большой!

В былые дни ребяческих утех
Не понял я, что нас пригрела радость,
Что жизнь для нас приобретала сладость,
Что Ленин в люди нас выводит всех.

Что, как заря, прогнал он скорби ночь,
Что игры детства, взрослый, он возглавил,
Что много школ построить он заставил,
Чтоб детям обездоленным помочь.

Что превратил он в школу шар земной,
Что, в ней учась, для мудрости мы зрели,
Что мать, меня качая в колыбели,
О Ленине певала надо мной.

ПОБЕДА САМА НЕ ПРИХОДИТ...

Мой друг, победа — тяжкая работа.
Ее в бою мы добываем кровью.
И точно так же нет труда без пота.
Победу ценим наравне с любовью.

Мой друг, сама победа не приходит,—
ты должен быть, как сталь, упругим,
и смел, как лев, хитер, как на охоте,
беречь себя, заботиться о друге.

Победа — штурм последних укреплений.
Она — не крылья слабые страданий,
но окрыленность точных устремлений,
итог нечеловеческих стараний.

Приход победы осушает слезы
и распрямляет согнутые плечи,

от Родины отводит все угрозы
и долгожданные приносит встречи.

Когда огонь, как нож, все небо чертит,
не пригибай от страха ты колени —
победу отвоюем мы у смерти
и закалим, как сталь, в огне сражений.

Смотри — вокруг пожарища селений,
стоят развалины в немом протесте,
и ожидает избавленья пленник,
погибших кровь взывает к мести.

И каждый взятый дом, и город каждый —
как бастион, как верная защита.
И там, где победитель шел отважный,
там воздух медом, как в полях, пропитан.

Любой рубеж, отважно взятый с боя,
вокруг врага петлю сжимает ту же.
Ведь если хищный волк убит тобою,
ты сотни жизней спас, развеял ужас.

Твой меч свободе служит, ей он верен.
Так береги его, чтоб не был ржавым.
А если, струсив, не убьешь ты зверя,
то мать сочтет предателем лукавым.

Но если меч в крови врага, то это —
и честь, и слава. Этот подвиг светел.
Победы песня высоко пропета,
и слезы счастья пролиты на пепел.

В бою, в огне добыть победу надо,
чтоб не было разлук, разрух, печалей,
чтоб навсегда замолкла канонада
и песни мира всюду зазвучали.

«АВРОРА»

1

Я приехал сюда под весеннее небо,
долго слушал Неву и глядел на причалы.
От балтийского блеска я шурился слепо
и от ветра в лицо задыхался сначала.

Набегают на берег и искрятся волны,
и «Аврора» стоит, замерев у причала,—
исторический крейсер, величия полный,
революции нашей сигнал и начало.

А на палубе — звонкой гармоники россыпь,
знаменитого танца гремят перекаты,—
это «Яблочко» — песню танцуют матросы,
обагренные красным свеченьем заката.

И когда я сейчас вот смотрю на «Аврору»,
бесконечную вижу я линию фронта,

и ночами — плывущие тучи, как порох,
на закатах — матросскую кровь горизонта.

2

Был семнадцатый год. И туманились ночи.
И дышал неустанно восстанием город.
Собирались в отряды — солдат и рабочий —
И бросали во мглу напряженные взоры.

А Нева не закована льдом, не заснула,
только слышно шипенье, и всплески, и шорох.
И внезапно — раскат орудийного гула:
то по Зимнему залпом дохнула «Аврора».

И у Медного Всадника вздрогнули плечи,
потрясло самодержца до самой основы;
и гремели орудий громовые речи,
революции люди срывали оковы.

Через тысячи рек, через смерти и горе,
через время и сон, и леса, и преграды
собирались отряды под знамя «Авроры»,
и под крылья зари собирались отряды.

Перегнившие порваны к прошлому нити,
наступила эпоха крестьян и рабочих.
А в метели летящих недель и событий
разбросало царей, царедворцев и прочих.

А матросы «Авроры» чеканящим строем
уходили в бои, добывая богатых.

Орденами горели восходы героев,
и темнели, как траур, скупые закаты.

А корабль, уходящий во время, как в море,—
революции символ на нашей земле!
Я хотел бы свой век прослужить на «Авроре»—
чтобы плыть в коммунизм на том корабле...

Как родник, обжигает веселья огонь.
И мне кажется юность неслыханным благом.
Вот и «Яблочко» — песню выводит гармонь,
а закаты горят революции флагом.

ОСЕНЬ

Ты, время года золотое...

На вош

Земля покрыта золотым ковром,
Цветы слегка обрызганы дождем.
На листьях изумрудная роса —
Вся в золоте осенняя краса.

О время золотое,—
Полна душа тобою.

Снуют, блестя, стрекозы над водой,
И стала осень для меня весной.
И вижу я совсем не листопад —
Цветущий на заре весенний сад.

Я — соловей осенний,
Стихи — мое спасенье.

А в сердце летняя играет кровь,
В тебе мой труд, в тебе моя любовь.
Я радостно вдыхаю аромат,—
Плодами полон каждый сонный сад.

Итог заботы года,
Награда для народа.

Долины все — как небо в серебре:
Белеет жемчуг хлопка на заре.
Как хлопок, так судьба моя чиста.
Влюблен я в осень, в нежные уста.
И даже лунной ночью
Собрать плоды не прочь я.

Как урожай неслыханно тяжел!
Таких примеров в прошлом не нашел.
Дороже славы радость бытия,—
Я пью его, дыханье затая.
Ты, осень,— кладовая
Тепла и урожая.

Тобой полны и юноши и девы,
И всюду свадеб сладкие напевы.
Даруй нам, осень, тучный урожай
И с каждым годом меру умножай!
Тебя мы слезно просим —
Вернись к нам снова, осень!

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Уж хлопья снега, словно пух лебяжий,
спадают с оживающих ветвей.
На берегах арыка скоро ляжет
такая зелень!— нежности нежней!

В мои распахнутые настезь окна,
как водопад, вливается весна.
В росе набухшие бутоны мокнут,
и стебли пробуждаются от сна.

Шумит февраль потоками надрывно;
долины, русла водами полны.
Земля лежит под сильным ливнем,
под злыми поцелуями весны.

Узбекистан под теплыми ветрами;
шуршанье ив, как шорохи шагов.

И выгоняет солнышко утрами
в пустые дали стадо облачков.

Пылает солнце, жарко дышит ветер,
прогретый воздух задрожал вокруг.
Бутоны розовеют на рассвете,
и зацветают персик и урюк.

За треском льда — пора трескучих молний,
и воздух гроз — весны тугой поток.
А солнце, озирая землю в полдни,
подводит всем делам весны итог.

Теперь не аист — знак ее прихода:
у птиц из стали — круглый год страда.
Теперь весна — в любое время года,
весенний трепет сердца — навсегда.

О жизни! Веди меня по трудным тропам
туда, где руки сильные нужны.
Машины, люди, кони, грузы, топот —
торжественное шествие весны.

Набухло семя хлопка и намокло
и ждет тепла, а сердце ждет любви.
Весною полыхают зданий стекла
безумством красок, как огнем в крови.

Весна проходит, земли орошая,
мы начинаем жаркую борьбу,
чтоб заложить начало урожая,
не полагаясь больше на судьбу.

Не только в первый месяц трудно людям —
весь год зовет деяний новизна.
И как бы ни было порою трудно,
вовеки жизнь прекрасна, как весна.

УЗБЕКИСТАН

Моя вина в том, что я
Мукими родом из Ферганы
Мукими

Я стану выше, если вижу гор раздолье.
Я стану лучше, если вижу воды чистые.
Целуют соловьи в садах цветы на воле.
В волнах твоих лучи блистают серебристые.
Узбекистан — родная доля,
Цветущее под солнцем поле.

В домах сверкает самоваров тертый никель,
В садах гуляет осторожный теплый ветер.
В горах — седых ручьев серебряные блики.
И если путь твой прям, то образ жизни светел.
Узбекистан мой солнцеликий,
Ты праздник радости великий.

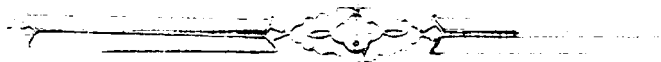
Высоких мыслей клад — поэмы Навои.
И не раздавит вдохновенье груз печали.
Об ордене — и ваши думы, и мои.
И чистоту небес сердца в себя вобрали.

Узбекистан мой, напои
Уста уставшие мои.

Сегодня рад, что Фергана — моя эмблема,
И не могу я без стихов, без них я болен;
Позволит совесть мне прославить эту тему,
Я в городе стихов совсем не обездолен.
Узбекистан — моя поэма,
И мне не вырваться из плена.

Мы стали щедро жить; пускай богатство
хлынет —

Нам нечего скупиться, сберегая крохи;
Не золотом награду измеряем ныне,
А тем, что в ордене есть доблести эпохи.
И радостью моя поэма зазвучала,
Зову и вас — ведь уж положено начало.
Стихи мои — Узбекистан.
И жизнь моя — Узбекистан.
Друзья мои — Узбекистан.

ХАСАН ПУЛАТ

(1911—1942)

Уасан Пулат родился в Баришском районе, Куйбышевской области. Восьми лет он лишается отца. Семья, очутившись в тяжелом материальном положении, переезжает к родственникам в Узбекистан. Хасан воспитывается в детском доме в Намангане, затем учится в Коканде и Ташкенте. В 1930 г. поступает в Узбекскую педагогическую академию.

В 1928 г. было напечатано первое стихотворение Хасана Пулата. И с этого времени он плодотворно работает в литературе.

Один за другим, начиная с 1931 г., выходят сборники стихов «Когда дни смеются», «Ударный день», «Чистое дыхание», «Пост», «Стихи», «Я счастлив», «Друзья» и поэмы «Палван», «Кабил», «Знатный хлопкороб», «Боевой», «Любимые» и другие произведения, занявшие достойное место в литературе.

ВЕСНА

Приходи, дорогая —
Дороже всех милых —
Весна,
Сладко благоухая,
бегущая в розовых жилах
Весна!
Отрази в набегающих каплях
твоих утренних рос,
На сверкающих саблях
и на лезвиях кос —
Дали,
Море огня,
где грохочут бои,
и себя,
и меня.
И тюльпаны твои.
Подымись
всей громадой

твоих
грозовых
облаков,
Половодий прохладой,
Лавиной твоих лепестков,
Гулом горных ручьев
и обвалов.
Мы ударим с тобой
На убийц и воров,
К нам ворвавшихся в дом,
Чтоб согнуть нас ярмом,
превратить нас в рабов.
Не бывать тому —
как не бывало!
Наша ясная твердь,
Наши степи
и горная высь,
Наше сердце,
любовь,
наше счастье и жизнь
Обрекли их на смерть
сызначала!
Я хочу,
чтоб трава молодая твоя,
Как кинжалы,
Пронзала подошвы врага!
Я хочу,
чтоб на злобные стаи зверья
Ты из туч не дожди,
не снега,
Не росу,
А пылающий град
низвергала!

Я хочу,
чтобы каждая ветка в лесу,
Как пощечина,
морду врага обжигала!
Я хочу,
Чтоб из завязей
груш и гранат
Бомбы вызрели,
связки гранат,
Чтоб победа
в садах выростала!
Я хочу,
чтобы в воздухе этом густом
Медь гремела
И сталь клокотала!
Так вставай же
в могучем
расцвете своем!
Мы знаменами зори твои
разовьем!
Половодьями
полчища вражьи
зальем!
Подымись —
Наше время настало!
Я хочу,
чтобы шумные воды твои —
водопады, ручьи,
весь твой синий от влаги простор —
На привале любом
Новой силой
Бойцов наливали!
Помогали с любовью

Работе сестер:
К жизни
раненых наших бойцов возвращать,
Доброй лаской
страдания их облегчать.
Так вставай!
Огневые крыла разверни,
Поле грозного боя
собой осени!
По лесам,
где вчера
грохотали бои,
Пусть поют
голосистые птицы твои
Свою звонкую
Песню победы!
Пусть холодная темень,
и сырость,
и дрожь,—
Ты, весна,
в нашем сердце
бессмертно цветешь,
И с тобой мы ломаем
все беды!
Кто из боя
последнего
выйдет живой,
У костра,
На поляне
с измятой травой,
В круг друзей
Победителем сядет,—
Пусть твой лес

Молодую веселой листвою
Тихо машет
Над потной его головой,
Пусть твой ветер
Лицо его гладит!..
Так идем же,

красавица,
радость,
весна,

В бой

с проклятою силой нечистой!
Нам победу и жизнь
предсказала страна,
И позорную гибель —
фашисту.

1941

Я УЗБЕКСКИЙ ДЖИГИТ...

Я узбекский джигит...
Как разгневанный лев,
счастье подняв свое,
на врага я встаю.
Я свободу познал...
И оправдан мой гнев —
больше жизни
Отчизну люблю я свою.

В мир явившись,
я слез не видал никогда,
колыбель мою солнце качало легко.
Мог я голову
смело, споко́йно поднять
и на свет посмотреть
из густых цветников.

Говорили мне воздух, вода, небеса:
— Мы твои! Наслаждайся, любуйся, живи!

Пухом станет и камень,—
его приласкай...
Ты могуч, человек,
Ты пойми, мы твои!

Даже горы
и те рассыпаются в прах,
если я пожелаю того, захочу!
Я навстречу земле и воде
сделал шаг.
— Ваш, друзья, навсегда!—
возбужденно кричу.

Как мы весело жили...
Всех песен не счесть!
Но с проклятым врагом
к нам ворвалась беда.
Мы оружие берем...
На священную месть
в строй солдатский
встают кишлаки, города.

— Эй, друзья, смело в бой!—
говорят небеса.
— Будьте храбрыми!—
это земля говорит.
Я готов уничтожить врага,
искромсать,
негасимый огонь
в моем сердце горит.

Страшной бомбой
взрывается гнев мой в груди,

— Разлетайтесь дождем,
смертоносные брызги!—
Сын Отчизны,
победа твоя впереди,
ты фашизм уничтожь,
истреби ради жизни.

Я узбекский джигит...
Я с оружием иду...
Яркой молнией сабля сверкает моя...
Знаю, помню:
с победой меня дома ждут,
ждет Отчизна меня,
дорогие края...

1941

МОСКВА

Двери светлых домов
для меня открывает,
Кремль,
опору мою,
стены вверх поднимает.
Враг заденет тебя —
в сердце рана сквозная,
труд, любовь и душа,—
ты, Москва дорогая.
Я о свете мечтал,—
свет потоком струится.
Как в объятья лучей золотых
не стремиться!
Я о крыльях мечтал
и взлетел, словно птица...
Труд, любовь и душа,—
дорогая столица.
Кем бы стал без тебя?

Я сейчас представляю:
нищ и голоден я,
дни в слезах моих тают.
Не вернется к нам в жизнь
доля рабская, злая...
Труд, любовь и душа,—
ты, Москва дорогая.
Я перо попросил...
Ты велела склониться
мне над радостной книгой,
над светлой страницей,
землю, воду дала...
Как тобой не гордиться!
Труд, любовь и душа,—
дорогая столица.
Путь в грядущее
звезды твои освещают,
обнимаешь
посланца цветущего края.
Сердцем Ленина став,
ты стучишь, не смолкая...
Труд, любовь и душа,—
ты, Москва дорогая...

1939

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Руки-крылья запрокину —
Видишь, солнце, счастлив я
Словно птица в небе синем,
Реет молодость моя.

На раздолье, на приволье
Безмятежно и легко:
Нет на свете лучшей доли,
Жизни радужной такой.

На земле убор зеленый —
Расцветает край родной.
Кумачовые знамена
Жаркой плещутся волной.

Под знаменную зарю
Грудовой семьей народ

С гордой песенною новью
Твердой поступью идет.

Не по сердцу нам ненастье,
Ну, а если тронет враг,
Нашу молодость и счастье
Отстоим в любых боях.

1937

СУЛТАН ДЖУРА

(1910—1943)

Султан Джура родился в кишлаке Коголтам, Бухарской области. Окончив Бухарское педагогическое училище (1930) и Андиджанский вечерний пединститут (1940), он занимается преподавательской работой.

С февраля 1942 г. он на фронте, где, перед одним из боев, его принимают в ряды Коммунистической партии. Поэт-патриот Султан Джура погиб смертью храбрых на фронте 15 ноября 1943 года.

Стихи Султана Джуры начали печататься с 1929 г. Были изданы его сборники «Самоотверженность», «Москва», «Стихи» и «Голубой ковер», поэмы «Бруно», «Карим и Кундуз» и другие.

Султан Джура известен также как детский поэт.

Султан Джура был отмечен высокими наградами за литературный труд и мужество на фронтах Великой Отечественной войны.

III ПУШКИНУ

ты рассветное солнце, Пушкин,
в синей дали поэзии,
и душу мне освещают
блики твоих стихов.
Имя твое украсить —
замысел детский, немощный:
ни у кого не хватит
для этого слов-жемчугов.

Все, что пером гусиным
ты написал на бумаге,
будто **резцом** ты высек
на **мраморной** глыбе веков.
Стихи твои, как наследство,
передаем мы внукам,
вечной луной в поднебесье
они летят **высоко!**

Со струн твоей лиры лился
грозный **мотив** свободы,

всюду звучал он явно,
о чем бы ты ни писал.
Из мрака каторжной ночи
ты подаешь нам руку...

Убийцею перед казнью
царь пред тобой дрожал!
Каждая твоя мисра
прекраснее ста газелей —
столько в ней зрелой мысли
и половодье чувств.
Как же я счастлив, Пушкин:
мне от тебя в наследство
достался мотив свободы —
лучшее из искусств.

О, сколько навек погибло
в сердце твоём сокровищ —
яхонтов, погребенных
в неведомых рудниках...
О, сколько навек замолкло
песен, еще не спетых, —
трепета вод весенних
в неведомых родниках!

Пришел на твою могилу
я с бедной моей газелью,
пусть будет тебя достойна
хотя бы одна строфа.
Склоняю голову низко
пред памятью я твоею.
Не зарастет колючкой
народная к ней тропа!

1937

НАША ВЕСНА

У года четверо есть детей,
у года четверо дочерей,
живут удивительно дружно,
а весна среди них —
жемчужина!

Как дочка балованная, весна
нетерпелива и озорна,
в легкомысленном тонком платье
то хохочет она, то плачет.

В зеркало вод косится,
веточки тала — косицы
заплетают у тихой речки,
шаль набросив на тонкие плечики.

Как девочка глупенькая, весна
в молодой ветерок влюблена,

словно больше влюбиться не во что —
берегись его, моя девочка!

Он ведь ветреник —
вот, как губкой,
с неба стер облака и гулко
зашумел на деревьях и снова
улетел — кто его остановит?

А ведь ты хороша — загляденье!
Каждый шаг твой — стихотворенье..
Но не это главное самое:
ты ведь труженица, весна моя.

Ты с утра до вечера в поле,
и на белых руках мозоли,
и читаю серьезно и строго
я твои золотые строфы.

Хлопкоробы посевом занялись,
начинаются в школах экзамены,
пчелы дружно под солнцем вешним
опыляют урюк и черешни.

Воды, сделавшись сладким шербетом,
по арыкам в поля торопятся,
возвращаются парни с рассветом,
трактора к работе готовятся...

У года четверо есть детей,
у года четверо дочерей,
живут удивительно дружно,
а весна среди них —
жемчужина!

ВОДА ИДЕТ

*Перед строительством
Большого Ферганского канала*

От Нарына до Златого Сыра
степь песчинкой каждую кричит.
Эта весть летит, летит над степью,
белогрудой ласточкой летит.
Пересохшим ртом кричит пустыня —
ласточка на крыльях весть несет —
из последних сил кричит пустыня:
— Слушайте, вода, вода идет!

Ах, вода... Нет, жизнь вольется в сердце,
затрепещет жилочкой любой,
для земли вода — это бессмертье,
для земли вода — это любовь!
Жизнь идет! Таится в каждой капле
кустик хлопка — золота кувшин.
Степь моя, быть щедрой и богатой
я тебе желаю от души.

Слушайте, вода, вода идет!
Словно драгоценные каменья
засверкают в вековой пыли:
нам вода ключи несет с собою
к сокровенным кладовым земли.

Соловьи заспорят с ручейками,
и луна узоров вышьет цепь,
редкостными пышными цветами
зацветет родительница-степь.

Слушайте, вода, вода идет!

А когда по влаге затоскует,
словно встарь,
лишь только прикажи —
упадут на грудь ее большую
легкие веселые дожди.
Там, где змеи злобные шипели —
даже змеям тяжко без воды —
ручеек зальется колокольцем,
и державно зашумят сады!

Слушайте, вода, вода идет!

Яблоко наполнится румянцем,
будто юной девушки лицо.
Персыки весною засверкают
теплого и нежною пылью.
Знание, как солнце, по-хозяйски
полновластно вступит в каждый дом.
Загорятся маленькие звезды —
яркие — под каждым потолком.

Слушайте, вода, вода идет!

От Нарына до Златого Сыра
степь песчинкой каждою кричит.
Эта весгь летит, летит над степью,
белогрудой ласточкой летит.
Жизнь возвращается в пустыню.
Ждет ее воскресшая земля.
Будь благословенна ты отныне
и навеки, Партия моя!

1939

УСМАН НАСЫР

(1912—1952)

П

оэт Усман Насыр родился в Коканде, в семье служащего. Воспитывался в детском доме, где и получил среднее образование. Затем он закончил Узбекский университет имени Алишера Навои в Самарканде.

Первые стихи поэта появились уже в студенческие годы. Далее один за другим вышли его сборники «Разговор с солнцем», «Мобилизующие строки», «Тракторабад», «Сердце», «Моя любовь», поэмы «Нарбута», «Нашхон» и драма в стихах «Атлас».

Велики заслуги Усмана Насыра и в области художественного перевода. Он перевел на узбекский язык поэмы «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина и «Демон» М. Ю. Лермонтова.

СЕРДЦЕ

Вродят луны в глубинах глаз.
Звукам ная вторит язык.
Сердце, сердце мое, ты — саз,
ты любимец мой, баловник.
Воевать с тобой просто беда —
так речисто ты от любви,
что язык устает иногда
переводчиком быть твоим.
Слушай, буйный комок в груди,
Слушай, сердце, пока живой —
ты кипи, ты бурли, ты броди
и звенящие песни пой.
Если ж скажет страна тебе,
что не можешь подняться ввысь,
не щади себя — и убей!
Не жалея себя — разорвись!

1933 -

* * *

Ветер троплет сторожко лицо на лету.
Вся Вселенная — море голубизны.
В холодном и чистом осеннем свете
далеко-далеко хлопкоробы видны.
От коробочек, вызревших в тишине,
словно белое облако, белый хирман.
И до неба мечты и надежды во мне.
И веселая песенка зреет во мне.
И от счастья я просто пьян.

1934

ТЕБЕ, СЕСТРЕНКА!

Солнце! Солнца на улице — невпроворот.
В шуме ветра песня о счастье звучит.
Видишь, видишь, шагает куда-то народ?
Ну-ка, следом беги, скачи!

Да смотри не отстань. Будь как ртуть,
И вперед,
Лишь вперед неустанно стремись.
Над твоей головою, как знамя, плывет
синяя, синяя высь.

Слышишь, шаг у народа железный какой?
Видишь, сколько народа средь бела дня?
Ты спеши за ним и забудь про покой.
Радуй. Радуйся... Помни меня.

1934

* * *

В предвечерний час в сентябре
мне о счастье бы прокричать,
но так много слов в словаре,
что не знаю, с какого начать.
Словно мать моя, кроток и тих,
в бесконечном и голубом
свет закатный до неба достиг
и горит пионерским костром.
Ну а я — я подобно костру —
в поднебесье взрываю легко
и оттуда на детство смотрю,
а оно далеко-далеко...

1934

НА СМЕРТЬ КИРОВА

Не сдавайся, душа!
Не смирайся с тоской!
Не задержан несчастьем поход!
Караван продолжает свой путь под луной.
Караван, как и прежде, идет.

Тишина... Что, душа, ты рыдаешь сейчас?
Что ты, сердце мое, болишь?
Говоришь, караванщик ушел от нас?
Слез нельзя унять, говоришь?

Ты не плачь, мое глупое! Плакать нельзя!
Караван продолжает идти.
У погибших, как прежде, смеются глаза
и победу сулят впереди.

Пусть погиб он. Но мы с тобою живем!
В нас бессмертье его.

И пока
с караваном мы к цели идем,
жизнь — не траурная тоска.

Ты не плачь! Нам с тобою шагать далеко.
А пока мы в походе — мой стих,
ты восслав продолжение жизни его,
обессмерть его в строках своих!

1934

ПОЭЗИИ

(Сонет)

О поэзия! Все же ты хороша!
До того — что бледнеют цветы в садах!
Ты лицо целой жизни. Ты, как душа,
поселилась в моем существе навсегда.

Ты рисуешь печали мои не спеша,
и невмочь без тебя, без тебя — беда,
как тому, кто любви не знал никогда.
О поэзия! Все же ты хороша!

Между мной и великим прошлым мосток,
ты мне Генриха Гейне в друзья дала,
с вдохновенностью лермонтовской света.

И в тебе вся жизнь моя, весь мой срок!
И всю кровь бы я в тебя перелил:
Я — Меджнун, поэзия, ты — Лейли!

1935

МОЙ САД

Как красив этот тихий сад!
Как хорош этот теплый свет!
К цветнику я жадно приник,
и дурманит меня цветник,
и бушует во мне весна.
Что за прелесть — весенний сад!

Если ветер меня, как листок,
в никуда унесет, мой сад
за весеннюю звонкость стихов
мне подарит вечность венков,
и какой ни прошел бы срок,
не забудет меня мой сад.

Человек — я умру. Но мой стих —
продолжение жизни моей.
Продолжает ее и тот,
кто за мной в этот сад придет.

Стих и люди — и в нем и в них
продолжение жизни моей.

Как хорош этот тихий сад!
Как хорош этот теплый свет!
К цветнику я приник душой...
и пьянит меня запах хмельной.
Как конца не имеет сад,
так конца и у жизни нет!

1935

РЫБАЧКА

Облака — это помнит взор —
Держат путь по ту сторону гор,
Чтобы синее небо открыть.

И в просветах я вижу звезду,
Вижу девушку, тоже звезду,—
Мне ее невозможно забыть.

В лодку села, как истый моряк.
Ветер опущенный парус напруг.
Мне отсюда вслед глазеть.

В воду брошены невода.
Отразилась в воде звезда
И крылом угодила в сеть.

Думы — море, и рыба — я.
Стала наем душа моя.
Потерял я рассудок сейчас.

А она, ни назад не косясь,
Ни открытой волны не боясь,
Все плывет, исчезает из глаз...

Мурманск, 1935

БЕЛОМУ МОРЮ

По лицу — развеселый порыв свежака,
Как ему о печали моей расскажу?
До свидания, море! Север, пока!
Жизнь зовет — что поделаешь — я ухожу.

Я любил твою ширь. Я любил твой размах.
Я любил побережье твое при луне.
Как же быть, если снова увижу во сне,
Как полощешь ты месяц в спокойных волнах?

Ты во мне, как признание в первой любви.
Так плесни на прощанье, как юность моя!
Вечер, берег, и парус, и волны твои
Я с собой забираю в иные края.

По лицу — развеселый порыв свежака.
Ну, прощай, море Белое! Север, пока!
1935

ЗУЛЬФИЯ

Зульфия (Зульфия Исраилова) родилась в 1915 г. в Ташкенте, в семье рабочего.

Любовь к поэзии, к поэтическому творчеству, зародившаяся в школьные годы, уже ярко проявляет себя в годы учебы в Узбекском женском педагогическом училище. Начиная с 1931 г., ее стихи печатаются в газетах «Еш ленинчи», «Кизил Узбекистан» и на страницах литературно-художественных журналов республики. В 1932 г. издается первый сборник молодой поэтессы «Странички жизни».

Вслед за ним выходят другие поэтические сборники: «Песня девушек», «Его звали Фархадом», «В дни разлуки», «Хулькар», «Я пою зарю», «Близкие сердцу моему», «Верность», «Избранное», «Живой дождь», «Думы» и многие другие.

Зульфия известна также как талантливый переводчик.

Она перевела на узбекский язык произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, стихи современных поэтов.

Зульфия — автор либретто оперы «Зайнаб и Аман» (по мотивам поэмы Х. Алимджана).

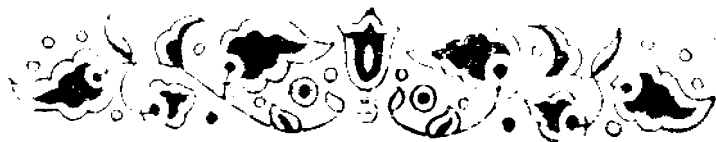
Произведения поэтессы переведены на многие языки народов СССР.

Поэтесса много видела и пережила. Ее талант закалился и расцвел под влиянием творческой школы друга ее жизни Хамида Алимджана.

Активная деятельность поэтессы во время ее поездок в Индию, Югославию, Цейлон, Бирму, Египет, Японию, Австрию и другие страны способствовала делу укрепления мира.

Писательница-коммунистка является одной из активнейших деятельниц культуры республики.

Недавно Зульфие присвоено почетное звание Народного поэта Узбекской ССР.

ЗДЕСЬ РОДИЛАСЬ Я

Здесь родилась я. Вот он, домик наш,
Суе под яблонею земляное,
На огороде низенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых — улочек клубок;
Гранат в цвету над пыльною дорогой,
И в свежей сени рощи родничок —
Осколок зеркальца луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Весенние, в тюльпанах алых, степи
И белых хлопковых полей простор —
Для глаз моих полны великолепя.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла,

И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила;

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,
Что здесь я, в тишине живых ночей,
Весенним водам тайну поверяла.

Когда в садах звенели соловьи
И расцветали пышные сунбули,
То с ними песни родились мои
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я Отчизне.
Ведь счастье живо лишь в стране родной.
А без нее горька услада жизни.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза.
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Когда ворвался враг в родной предел,
Творя смертоубийственное дело,
За каждый дом, который там горел,
Я жажду возмездья пламенела.

Я верила, что светлый день придет —
Исчезнут эти тучи с небосвода
И жизнь опять счастливо зацветет
Под солнцем правды, мира и свободы.

С надеждою в грядущее, вперед
Гляжу я зорче молодой орлицы.
И ярко предо мною предстает
В победном торжестве своем столица.

И, верою незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки.
Тебе, о мать, тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!

1942

ИДУ Я ГОРОДОМ РОДНЫМ

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная вереница
Все время катится широкою рекой.

Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне знаком.
Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем:

Красу грядущего приблизить к нашим будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.
— Где близкие мои в потоке многолюдном?
И солнце ласково сказало мне в ответ:

— Все те, кого сейчас лучами я коснулась,
Все те, кто выбрал путь боренья и любви,

Все те, с которыми я для труда проснулось,—
Вот близкие твои, товарищи твои!

И мне представилось:

там, на подъемном кране,
Туркменка трудится

и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане —
Как солнцу светлый гимн, что девушка поет!
И мне представилось:

там, на реке Сибири,
Электростанцию возводят мастера,
Чтоб свет грядущего сиял вольней и шире,—
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,

и сердце так похоже
На карту Родины!

Как ни был бы далек —
В тайге или в степи, суровый иль пригожий,—
Но дорог, близок, мил мне каждый уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?
Приходит песня к ним, чтоб ярче разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.

Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но родных;
Они живут во мне.

И счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой скромный стих.

1954

СЮЗАНЕ

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза,
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток, и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных струится перелив,
В корзинке предо мной, как радуга, блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор —
И роза, и райхон, и астра золотая —

Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охапки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане,
Иголки острие мне уколело руку.
Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги. И принесли разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой.
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
— Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой!—
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзане.
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине
Во весь размах руки разматываю нитку.

И словно сквозь узор глядят глаза твои,
И на шелку стежки, как строчки на бумаге,
И это сюзане — письмо моей любви,
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзане мы развернем узоры.
Сиянем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг,
Он ярок, словно сад во время листопада,—
Замысловатое искусство женских рук —
Забава для тебя, а для меня — отрада.

1943

ПРИШЛА ВЕСНА, СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ

Хамиду Алимджану

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады

И обыскала по пути
Все, от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурею, гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?»
Но нет у горя добрых слов,—
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих:— О чем?—
Склонилась над ребячьим сном

Моих детей, твоих детей
И, не найдя тебя спясть,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться:

«Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?»

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвeсть,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?»

Дай руку мне... Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

1945

НЕ ПРОЙТИ ВОЙНЕ

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег!
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила пушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой, чистый и родной.
Ты к себе привлек друзей сердца,

Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «Война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье — друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их нежней,
С материнской ласкою, страна.

Как отец, трудясь из года в год,
Я детей лелеяла как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
— На мои ты плечи обопрись,—
Говорит он Родине и мне.

Я всего лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: — Сгинь, война,
Сын мой нужен Родине и мне!

Не хочу я, чтоб сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:
— Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!

1956

ЧАСТИЦА СОЛНЦА

Настала на собранье та минута,
Когда чачван с себя сняла она,
И бросила, и засияла, будто
От туч освобожденная луна.

Она, согретая душевным словом,
Пошла домой по улице, туда,
Где все каким-то незнакомым, новым
И сказочным казалось ей тогда.

Она навек запомнит скрип калитки,
И злую тень отцовского лица,
И брошенный хурджун — ее пожитки,—
И вместе с ним проклятие отца.

Но все же не свалил ее ударом
Ни крик отца, ни материнский стон

Огонь великой истины недаром
В девичьем сердце был уже зажжен.

Пред молнией бессильны даже горы:
Ни кручи скал, ни их извечный лед
Не в силах погасить огонь, который
Та молния в самой себе несет.

И девушка пошла навстречу свету,
Прочь от старья, от мрака и беды.
Наверно, так же вдаль летит комета,
Навеки отрываясь от звезды.

Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Она сейчас чуть-чуть уже седая,
Усталая по улице идет.
Как в дни былые, дочь свою встречая,
Старик отец дежурит у ворот.

В ее глазах огонь неугасимый...
Старик запомнил: много лет назад
В тот горький день у дочери любимой
Таким же пламенем светился взгляд.

Давно и сам уж понял он, что эта
В глазах людей горящая заря
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября.

1957

ЗАВИСТЬ

Колышется река передо мной,
Так много жизни в этом колыханье.
Река сверкает солнцем и весной,
Живительно для нас ее дыханье.

И это зависть вызвало во мне?
Подобен океану мой народ,
А речка, что скрывать, не многоводна,
Где ей положено, там и течет,
А я по всей земле пройду свободно.

Так что же зависть вызвало во мне?
Но от реки я глаз не оторву,—
Вскипают волны, пенятся в избытке.
Они вобрали неба синеву,
В них блещут солнца золотые слитки.

Щебечут птицы над водой реки,
Им по сердцу волнистые качели,

Коснувшись влаги свежей, ветерки
С ее прохладой в город полетели.

Не это зависть вызвало во мне...

Живое пламя в сердце у меня,
В нем есть любовь и ненависть святая:
Ведь я сама возникла из огня,
Дочь солнечного, огненного края.

Так что же зависть вызвало во мне?
Слежу я долго, жадно за водой,
Мне глиняная видится ограда.
Держа кетмень в руках, старик седой
Поит речным потоком землю сада.

Косичек влажных льется серебро,
Вода струится по земле душистой;
Моя душа, чтоб с ней творить добро,
Стремится к ней, к такой простой и чистой.

Девчонка пригоршнями из реки
Пьет воду... Как мне хочется, чтоб каждый,
Чье сердце зажжено высокой жаждой,
Испить пришел бы из моей строки!

... Так вот что зависть вызвало во мне!

1958

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора,
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!
Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются, и строки,
И чувства, и слова.
Чьи краски ярче? Глубже описание?
Чья мысль остра?
Звенит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!
Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес

С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен,
А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,
То песню девушек индийских,
То птиц неведомых, но близких
Пленительные голоса.
Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушоира!
На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напомнил бы по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде тянется и свету,
Да, в этом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары,
Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.
Обычаи Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.
И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!
Индийские сандалии видны

С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану —
Надену их, пойду по Индостану!
Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом,
На этих — пыль Китая, а Иран
С Цейлоном оказались рядом,
Монгольский сапожок — с пенджабским
каблучком.

Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмадом.
Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.
Седоволосый, с юными глазами,
Что помнит Индию, облитуя слезами.
Что видит радостный ее расцвет, —
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?
Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзанье.
Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира.
Мушоира!

Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит он
слабо,

В нем сила матери и честь борца...
Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней,
И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далеко,
И Запад к миру звал певец,
И счастье возвещал земле Востока.
С поэтов сикхи не сводили глаз,—
Богатыри, что в битвах тверже стали.
Как пламя черное, их бороды сверкали,
Бенгальцы слушали с волнением нас,
В одежды белоснежные одеты...
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставали как мосты
Для нашей дружбы, нашего сближенья —
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.
О вечер Индии! О песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биеня всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире.

Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В боренье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...
Ты — весть о хлебе, благе и покое,
Не шутка, не игра —
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!
Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет — землю тканью опояшет,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.
Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жильё,
Их книги — жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье — битва за нее.
Пусть примут все, кто трудится, участие
В соревнованье наших голосов,
Пусть все, кто сеет, все, кто строит счастье,
Услышат этот зов.
Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.
Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

1958

Эти белые девичьи юрты покинуть мне жалко,
Материнское пенье домбры с моим сердцем слилось.
О мой друг, без меня ты машину отправь — иль
русалкам,
(Чтоб каталась, ты в озеро брось!

Никуда я из этого рая теперь не уеду,
Без меня состоится торжественный пир и прием!
Надо с озером-зеркалом нашу продолжить беседу,
Мы с березами день проведем!

Но взглянул наш хозяин глазами косога разреза,
В них решимость. Стоит он скалой, что не может
упасть!
«Нас в ауле читатели ждут,— голос тверже железа,—
А у них над поэзией власть!»

Уезжаю, но здесь мое сердце, а вместе со мною —
Сердце свежего, светлого края, где радостно жить.
Я завидую песне, что сложена горной страной,
Мне бы тоже такую сложить!

1962

ТИМУР ФАТТАХ

Тимур Фаттах родился в 1910 г. в. Коканде. Рано осиротев, он воспитывался в детском доме, учился в Кокандском механическом техникуме, затем в Московском государственном институте кинематографии. Вернувшись в 1935 году в Ташкент, он работал на Ташкентской киностудии, в аппарате Союза писателей Узбекистана, на радио и в Узбекском государственном издательстве. Основные вехи творческой биографии Тимура Фаттах можно проследить по его сборникам «Трагедия веков», «Стихи», «Серп молодого месяца», «Листья», «Стихи о Ленине» и «Избранные произведения». Поэт перевел на узбекский язык стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Т. Шевченко, В. Маяковского и Н. Тихонова.

Сколько в щедрой русской душе благородства и
теплоты!
В селах волжских и в городах
твой могучий живет размах.

Человек, что твоей воды выпьет даже один глоток,
Станет силой, как ты, могуч и душою, как ты, широк.
А величье твоим берегам и волнам животворный ток
Лишь эпоха Советов дала —

раньше горестной ты была.
Здравствуй, Волга, льющая свет на просторы
Отчизны моей!
По велению Партии ты стала счастьем для всех людей.
Засиявшие ГЭСы живут исполинскою силой твоей,
Коммунизма ты магистраль,
озарившая светом даль.

Вновь рожденная ГЭС взметнет волны света, света
миры,
И грядущего пышный сад принесет все свои дары.
С благодарностью вспомнит нас новый житель иной
поры,

Он к твоим берегам придет
и о Волге-реке поет.

В ПУТИ

На запад, на запад еду
По солнечному следу.
Миную пустынь просторы,
Миную хмурые горы,
Вновь степью мчусь голубою...
Но мысли мои с тобою,
В ночной дали, как зарницы,
Твои мне блещут зеницы,
Цветут лучами дневными,
В ветрах звенит твое имя...
И чем дорога длиннее,
И чем разлука больнее,
Тем сладостней и нежнее,
Тем радостней и сильнее
Любовь твоя в грудь мне веет
И сердце живет и греет.
На запад, на запад еду
По солнечному следу.

Туда, где битвы жестоки,
Где льются крови потоки,
Где средь великой равнины
Крушат врага исполины
За все обиды и беды...
И, словно знамя победы,
Горит над ширью степною
Любовь твоя предо мною.

1942

СОЛНЦЕ С КОСАМИ

Как могу я не петь о тебе,
Чернокосое,
 розоволикое чудо,
Если ты непокорное сердце взяла
Золотыми от зноя руками,
Если травами пахнет вечерняя мгла
И тропа заросла васильками...
Как могу я не петь о тебе,
Моя девушка,
 полная ясного света,
Если вижу в твоих
 огнечерных очах
Ненаглядной отчизны просторы,
Ветви диких миндалей
 в легчайших цветах
И далекие темные горы?
Как могу я не петь о тебе?
Солнце с косами!
Песен моих чаровница!

ОНА УШЛА

Она ушла, не бросив слова,
Не оглянувшись на меня.
И снова я один, и снова
В лицо мне дышит тишина.

Но мне дышать на свете нечем
Без стрельчатых ее ресниц.
Вернись! Бедой, отрадой, смерчем,—
Чем хочешь! Но ко мне вернись!

КОГДА Я ДУМАЮ О ТЕБЕ

Ложусь опять я с думой о тебе,
И ты опять встаешь перед глазами.
Я полон благодарности судьбе,
Нас одарившей с юности мечтами.

Цветущий луг грядущего глядел
Глазами лучезарными твоими.
И мы бродили там, и я не смел
Произнести твое родное имя.

Все это вновь встает передо мной,
Когда твой образ вижу, дорогая.
Он для меня стал черточкой живой
Родного расцветающего края.

НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

I

Над глинистым волжским обрывом,
Над плесом, где тонет закат,
Сажу я под старую ивой,
Глубокою думой объят.
На город гляжу богатырский
Сквозь редкую сетку дождя.
Он звался когда-то Симбирском,
Давно, до рожденья вождя.
Купцами опутан и связан,
Стоял он над Волгой седой.
Гремели засовы лабазов,
Глумясь над народной нуждой.
В извилистых улицах воя,
Пугали прохожих ветра,
И шли бурлаки бичевою
Над Волгой с утра до утра.
Слезами народными полны,

Под тяжкой грядой облаков
Крутые свинцовые волны
Катились у ног бурлаков.
Но даже и Волги просторы
Вместить до конца не могли
Всю тяжесть народного горя,
Бескрайнего горя земли.
Лишь песня над рыжею глиной,
Бурлацкою полнясь гоской,
Береза, листвою шелестя,
Под песню качалась над плесом
О скованной силе людской.
Рыдала о силе былинной,
Вплетая в зеленые косы
Прозрачные капли дождя.

II

Весна пришла. Набухли почки соком,
Бредет Симбирском пасмурный апрель,
Кричат грачи над ржавым водостоком,
По переулкам тенькает капель.
Солома крыш размокла, побурела,
Колеса вязнут в колеях дорог.
Весна сердца людские не согрела —
Угрюм и мрачен город, как острог.
И только звон тягучий колокольный
Над площадью базарною плывет,
Над нищенскою жизнью подневольной,
Над днями горя, бедствий и забот.
Весна пришла... У берега в тумане
Блеснула Волги синяя волна.

Но и весне не рады горожане —
Темна их доля и весна темна.

III

Низок сосновый дом,
Тускло горит свеча.
Дом этот стал жильем
Маленького Ильича.
Сына качает мать,
Много в душе тревог...
Кто тогда мог бы знать,
Сколько пред ним дорог,
Сколько великих дел,
Сколько трудов пред ним...
Будет он добр и смел,
Будет людьми любим.
Матери руки нежны,
Взор ее к сыну склонен...
Станет он солнцем страны,
Славою новых времен,
Путь озарит он земле,
Людам весну принесет,
На величавом Кремле
Красные звезды зажжет.
Низок тесовый дом,
Сосны шумят вокруг,
Ленин родился в нем,
Мира великий друг.

IV

Ульяновск. Над волжской стремниной
Шумят молодые сады,

Зеленые ветви раскинув,
Цветами касаясь воды.
Весенним дыханьем согрета,
Как русская песнь широка,
Ты стала дорогою света,
Великая Волга-река.
Гордится тобою отчизна!
Отсюда, где Ленин рожден,
Берешь ты, река коммунизма,
Начало свое и разгон.
Я вижу Ульяновск на взгорье
В черемухах, в блеске росы,
На солнечном синем просторе,
В сиянии новой красоты.
Здесь каждый цветок, каждый камень
Значенья глубокого полн.
Заводские дымы витками
Плывут над громадами волн.
Вплетаются в говор рабочих
Счастливые песни ребят,
И девушек синие очи
Уверенно в завтра глядят.
И все племена и народы
В тот город, что стал им родным,
На Родину нашей свободы
Приходят с поклоном земным.

1950

НАД ВОЛГОЙ

Этот русский зеленый город
Приглянулся мне потому,
Что прохладу своих просторов
Любит Волга дарить ему.

Долго всматривался я в лица
Престарелых и молодых.
Синева в их глазах струится,
И радушна улыбка их.

И чем дальше я по бульварам
И по набережной ходил,
Тем приятнее этот старый,
Этот юный мне город был.

Показалось: в Ташкенте вновь я.
Расстоянья пропали вдруг.

И такая любовь сыновья
У меня ко всему вокруг!

И невольно я загордился,
Только гордость моя светла:
Здесь любимый Ильич родился
Здесь и юность его прошла.

Лишь заканчивались уроки,
Он на берег спешил, сюда.
И глядел, как в простор широкий
Вниз по Волге идут суда.

Он бурлацкие песни слушал,
Те, что стоном поэт назвал,
Те, что прямо ложатся в душу
И тихонько им подпевал.

Даже листья берез плакучих
Заставлявшая трепетать,
Эта песня взмывала к тучам.
Чтобы в Волгу упасть опять...

А сегодня иную песню
Звуки радио разнесли,
И не сыщешь ее чудесней,
Обойди хоть вокруг земли.

Этой песне внимает Волга,
Весь бескрайний простор ее..
И звенит она долго-долго,
Навек в сердце войдя мое.

И мне кажется, будто Ленин
Этой песне внимает здесь
И с таким же, как я, волнением
Отдается той песне весь.

И как сын своего народа,
В ком любовь к земле горяча,
Волге низкий поклон я отдал —
Светлой родине Ильича.

ЗАФАР ДИЯР

(1912—1946)

Зафар Дияр прожил короткую, но плодотворную жизнь. Поэт родился в Чустском районе, Ферганской долины. С шести лет он воспитывается в Ташкенте, в детском доме, затем в 1932 г. заканчивает Узбекское мужское педагогическое училище, а в 1941 г. Государственный педагогический институт имени Низами. В 1936—1941 гг. он работает в газете «Ленин учкуни», а в 1941—1946 гг. в газете «Кизил Узбекистан».

Его первые стихи печатаются в 1928—1929 гг. Затем выходят сборники «Песни», «Торжество», «Стихи», «Наше оружие», «Наша семья», «Дары».

Значительны заслуги Зафара Дияра и в области художественного перевода. Он с большим мастерством перевел на узбекский язык произведения для детей. В Маяковского, С. Маршака, А. Барто, С. Михалкова и Абдуллы Тукая.

БУТОНЫ

Простор над полями звенит
весенним торжественным звоном.
Родная земля — как цветник,
и дети вокруг — как бутоны.

Уверенней смотришь вперед,
живешь безмятежней на свете,
когда,
чуть весна расцветет,
оденутся в летнее дети.

Цветут рубашонки, пестры,
любого и цвета и тона.
Вот-вот —
и пойдут лепестки,
в цветы превратятся бутоны...

Расщедрилось небо для них
весеннею доброю тучей.
И кажется этот цветник
частицей
 эпохи цветущей.

А было когда-то не так:
в глухие века угнетенья
беды и невежества мрак
окутывал это цветенье.

Да снимется с ночи вина:
она привела нас к рассвету!
Но что за дорога вела
народ наш
 к такому расцвету...

Все кажется проще теперь,
процеженное сквозь годы.
Но сколько мы знали цепей,
какое извели горе!

Боролись с жарой и песком,
каналы творя
 и плотины.
А землю под тем цветником
мы кровью своей
 оплатили!

Но этим цветам — расцвести!..
Что вам одолеть ни придется,
но эти этапы пути
уже повторять не придется,

когда ваш наступит черед
трудиться
и ночью и денно,
и двигать,
и двигать вперед
великого Ленина дело.

Мы реки прибрали к рукам,
вы ж —
сдвинете горные кряжи,
и вашим цвести цветникам
еще безмятежней и краше.

Мы подняли взгляд в вышину,
вспахали машинами небо,
а вам — улететь на луну
посланцами нашей планеты.

Во имя большой красоты,
под взором Отчизны влюбленным
цветите, родные цветы,
в цветы превращайтесь,
бутоны!

Ветра летят суровые
и стынет водоем...
Тогда мы песни новые —
о елочке поем.

Салям тебе, красавица,
что вечно зелена!
Кругом тепло кончается,
но ты —

сама весна!

И снегом убеленная,
летающим над землей,
ты все-таки зеленая
и летом и зимой!

Сулит нам очень многое
веселый твой приход.
Сама ты вечно новая,
приводишь

Новый год.

Такого нам не сделают
ни лето, ни весна:
сверкающая, белая
сплошная новизна!

Не астрами, не розами
украшен хоровод,
мы с елкой

стали взрослыми —
взрослей
на целый год!

1938

К НАМ ВЕСНА ПРИШЛА, ДРУЗЬЯ!

Кроя бархатом дороги
в наши теплые края
и ковры стеля под ноги,
к нам весна пришла,
друзья!

Развернул свои листочки
юный кустик у окна.
На листочках в каждой строчке:
«Эй, друзья,
пришла весна!»

А о чем в предгорной роще
льются трели соловья?
Он поет — чего уж проще:
«К нам весна пришла,
друзья!»

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Спи, ягненок, спи, малыш,
вон луна какая!
Что же ты без сна лежишь
под напевы сая?
Я пою тебе, пою,
мой росточек дивный.
В ночь бескрайнюю мою
ты — мой свет единый.
Спи, ягненок, спи, малыш,
почему же ты не спишь?

Знаю,
вижу по глазам —
про отца ты вспомнил.
Помолчи, сынок, и сам
все уже ты понял.

Он уехал на войну
с черной злобной тучей.
Спи, о джан, поддайся сну,
мать свою не мучай.

К нам пришла неожиданно тьма
с этой тучей злою.
Стали школы и дома
серою золою.

Как тюрьма, и сад свои
затворил ворота.
Там не свищут соловьи —
каркают вороны!..

Спи, сынок, поддайся сну,
мать свою не мучай.
Встал народ наш на войну
с этой страшной тучей!

Спи, сыночек, мама здесь,
в глазки поцелует.
Не подпустит твой отец
к сыну .
тучу злою.

У него крепка рука!
Вся напасть исчезнет,
разобьет отец врага
и вернется с честью...

Спи, росточек, спи, малыш,
вон луна какая!

Здесь ночную будит тишь
только песня сая.
Я пою тебе, пою,
глаз не закрывая.
Не гаси звезду мою,
эта ночь без края!
Жеребенок мой, малыш,
отчего же ты не спишь?..

Знаю, вырастет сынок,
вскормленный любовью,
и свалить сумеет с ног
он врага любого!

Спи, ягненок, джонгинам,
вон луна какая!
Напевает песню нам
дальний голос сая.
Спи, мой месяц, спи, малыш,
отчего же ты не спишь?

1942

ХАМИД ГУЛЯМ

Гамид Гулям (Хамид Убайдуллаевич Гулямов) родился в 1919 г. в Ташкенте, в семье учителя музыки.

Окончив среднюю школу имени Фараби и рабфак Среднеазиатского политехнического института, он учится на горном факультете этого же института, затем оканчивает факультет русского языка и литературы Ташкентского педагогического института. Получив филологическое образование, он целиком отдается литературной и журналистской работе.

Писать Хамид Гулям начал с 1936 г. Его первые стихи печатались на страницах республиканских газет и журналов. Первый сборник стихотворений «Я отомщу» вышел в 1942 г. В годы Великой Отечественной войны были изданы книги стихов: «Памятник», «Салют», а в послевоенные годы — «Новый сад», «Поля», «Мои песни», «На пути к победе», «Континенты не спят». В 1957 г. вышел однотомник «Избранные произведения».

Хамид Гулям известен также как драматург и прозаик. Он является автором повестей «Девушка из Алмаза», «Язъяванская повесть», двух книг романа «Светоч», романа «Голодная степь»,

пьес «Ферганский рассказ», «Влюбленный Ташбалта» и других произведений.

Хамид Гулям написал целый ряд очерков и публицистических статей, среди них «Европейские впечатления», «О поездке по странам Европы» и другие.

ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

Шного мостов есть через Нил.
Описывать все — не хватит чернил.

Но этому вот, на котором стою,
Я посвящаю балладу свою.

Шофер Али согласен со мной,
Что мост этот — лучший мост под луной;

Али этот мост хвалит до звезд,
Каждую доску и каждый гвоздь!

Хотя скрипит от старости он,
Хотя не сияет над ним неон,

Но для араба он неспроста
Дороже любого моста!

— Этот мост мне дорог,— скажет араб,—
Как память о том, что я больше не раб!

Этот мост красив, потому что он мой!
По нему англичане ушли домой!

Ушли наконец-то, давно пора б!—
И долго вслед им глядел араб,

Покуда последней колонны хвост
Не прошел, через этот последний мост;

Последний, оставшийся не у дел,
Генерал на «виллисе» прогудел.

И тени штыков прошли по волне.
В последний раз потонув на дне.

Последняя пушка, последний танк...
Отныне навеки да будет так!

Да будет так! И в память о том
Назвали мост Последним мостом!

Но, стоя на гордом этом мосту,
В балладе воспев его красоту,

Мы не забудем — ни я, ни ты,—
Что в Африке есть другие мосты,

Другие мосты, плохие мосты,
Иностранцы ходят по ним посты.

Я проехал по Африке много верст.
Я видел в ее реках отсветы звезд.

Но со звездами рядом, вниз головой,
Под мостами ходит там часовой!

Нет, не только в Ниле, в других местах
Не пора ли напомнить о тех мостах,

По которым не сам, так ногами вперед
Засидевшийся в Африке хищник уйдет!

Не угроза, не с моста вниз головой!
Если хочет добром, пусть уходит живой.

Пусть уходит! Нет просьб других! Уходи!
Пусть уходит! Нет крика другого в груди.

Пусть уходит домой! Пусть уходит домой!
Через мой мост. Да, через мой!

Хотя ты его жадно считал своим,
Это я, африканец, зарыт под ним.

Это я тонул здесь, я лес валил!
Это я кровью своей полил!

Я твой бич и дубину тебе не прощу,
Но, выстрелив в спину, через мост пропущу,

Пропущу тебя на условие одном,
Что ты мост перейдешь и забудешь о нем

До тех пор, пока смогут земля и вода
Твою тень со штыком забыть навсегда!

Нет в балладе конца. Мы под нею черту
Подведем на последнем самом мосту...

ГВОЗДИКА

Гвоздику бы я не пустил в балладу,
Да спутник так болтлив, что нету сладу!

В Александрию едем с ним на поезде,
И нет конца его сладчайшей повести

Про Фергали, про Фергали великого,
Про лацкан пиджака его с гвоздикую,

Известный каждому на побережии,
Зимой и летом неизменно свежее,

Просуную незаметно кончиком
В петличку с тонким водяным флакончиком...

Мой спутник хочет, чтоб на всю планету
Я раструбил бы про гвоздику эту.

В нем нет еще и тени подозрения,
Что не сойдутся наши точки зрения.

Уже мы слезли с поезда, в отеле мы,
Свет погасили и легли в постели мы,

Но все струится с языка незримого
Рассказ про Фергали неповторимого.

— Он хлопок здесь скупает в эти месяцы,
Вам завтра утром предстоит с ним встретиться,

С его улыбкою, с его гвоздикой...—
Всю ночь мой спутник маятником тикает,

Гудит, не уставая, словно радио,
А я его своим молчаньем радую.

Лежу, не сплю, ловлю сквозь гулы голоса,
Как волны бьют в береговую полосу

И как, шурша песком, сама пустыня
Перебегает улицы пустые.

Нет, не про Фергали с его гвоздикой.
Я про пустыню думаю про дикую,

Безводную, бесснежную, безмерную,
Не меренную рейкой землемерною,

С шатрами бедуинов, гордо рваными,
С их нищетой, прикрытою коранами.

С мечтой о Ниле над кошмою каждою,
С неутоленным голодом и жаждою,

С песком, в зубах хрустящим, как безумие,
С верблюдами, иссохшими, как мумии,

С детьми, худыми, как само отчаянье,
С глазами их, которых нет печальнее!

Я вижу в кровь исхлестанную спину
Батрачки, убежавшей с поля к сыну,

Я вижу хлопок на краю пустыни
И кровь на нем! И сердце мое стынет

От бешенства холодного и страшного,
От этого наследья дня вчерашнего.

Лежу. Молчу. А спутник все неистовей
Мне соловьем про Фергали насвистывает:

— Хотя и стар, но выглядит так молодо,
Когда плывет по рынку с белым золотом,

Как весел он, как вежлив, вот увидите,
Всегда с гвоздикой свежей, вот увидите!

И тут себя сдержат уже не пробуя,
— Давайте спать!— я говорю со злобою.

Но сам всю ночь египетскую, лунную
Все не могу заснуть с башкой чугунною

Огни и звезды портового города...
А сердце, как ножом, тоской распорото!

Глаз не сомкнув, с утра иду на вылазку,
За домом дом, за вывескою вывеску

Смотрю: лавчонки, лавки, магазинища,
Голодных ребра и жратвы корзинища,

Открытое, без всякого смущения
Богатства с нищетою кровосмешение.

А вот и порт, толпой судов заставленный,
И рынок здешний, до небес прославленный,

С его египетского хлопка кипами,
Со звоном денег, с криками и всхлипами,

С его торговцев языками бешеными,
Как колокол, над городом подвешенными.

И среди этого столпотворения —
Вдруг мне навстречу, как стихотворение:

Сам Фергали с гвѳздикой неизбежною,
Розовощекий, с сединою снежною.

Мы рынком сведены, людьми представлены,
Друг перед другом, баш на баш, поставлены.

Да, это верно, выглядит он молодо,
Нет на лице следов забот и голода.

Он горд, людей он криком не преследует,
Как тот бедняк, что продает последнее,

Всего одно движенье пальцем подано —
И горе тысяч куплено и продано...

Да, это верно, он нежнее нежного
Мне хвалит море хлопка белоснежного,

Но не хотел и на день бы остаться я
В его руках на белых тех плантациях,

Где крик батрачки, в кровь бичом обласканной,
Торчит гвоздикой красною из лацкана.

Где молоком грудным, как бык, он выпоен,
Из тысячи голодных — сытым выкроен,

С улыбкой розовой, с походкой важною,
С гвоздикой, от слез ребенка влажною.

Наш разговор с ним тонкой ниткой тянется;
Сейчас рвану — и два конца останется!

Обоих нас я этим лишь обрадую,
Но как же быть тогда с моей балладою?

Чем гладкою концовкой быть испорченной,
Пусть лучше остается незаконченной,

Поскольку на гвоздику эту красную
И есть и будут точки зренья разные.

ДЫМ НАД ХИЖИНОЙ

Эту свою балладу
 начну я в глуши такой,
Где не найти адвоката,
 лишь судья есть под рукой.
Безмолвны рощи какао,
 в хижинах нет огней.
Как вымерла вся деревня,
 один лишь дымок над ней.
В хижиме у Воттуна
 все племя сошлось чуть свет.
Уже очаг догорает,
 а Воттуна все нет.
Воттун пошел к англичанину,
 три дня уже его нет.
Пошел передать он мысли
 племени своего.
Но английский начальник
 в железо его заковал

И только потом его мысли
к себе на допрос позвал.
Так легче выиграть диспут,
когда, придя на допрос,
Помнит, что он закован,
тот, кто мысли принес.
Ночное, позднее время;
полисмену не по душе,
Что снова сошлось все племя
в Воттуновом шалаше.
Воттун говорил здесь речи,
он не просто болтун,
Говорят, что для всей империи
стал опасен Воттун.
Руки Воттуна закованы,
но в одной из газет,
Говорят, на первой странице
напечатан его портрет.
Говорят, он сказал англичанам,
что земля под ними горит.
Говорят, это очень отчаянно,
то, что он говорит.
Будто бы масло пальмовое
и каучуковый сок,
Чем отдавать англичанину,
лучше вылить в песок.
Будто бы тот, кто спину
гнет для чужих барышей,
Будто бы он унижен
таким порядком вещей.
Будто бы он поэтому
голоден, болен, слаб,

Будто бы здесь, в Нигерии,
есть еще слово — раб.
Будто бы это слово
надо выжечь дотла,
Будто б тогда Нигерия
счастливой страной была!
О чем еще говорил он?
О чем говорил? Ах да —
Будто б врачей побольше
надо послать сюда,
Будто б надо лекарствами
пичкать черных детей,
Будто б они не выживут
без этих его затей.
Будто бы надо черным
школы построить тут,
Будто б они без грамоты
ну прямо не проживут.
Будто б все они люди,
у всех своя голова!
И так говорил он, будто бы
сам верил в свои слова.
Полисмен идет по деревне.
Все заперто на замок.
Но над хижиною Воттуна
вьется в небо дымок.
Вьется тонкий, как волос,
среди непроглядной мглы,
И упрямый, как голос,
закованный в кандалы.
Полисмен идет по деревне,
полисмен до утра следит.

Хозяина нет, но в хижинё
племя его сидит.
— Воттун в кандалы закован,
а что же сделаем мы?
Неужели мы свои мысли
не выручим из тюрьмы?
Против нас англичане
сети плетут свои,
Судья — племянник начальника;
начальник — дядя судьи.
Начальник сказал: из Лондона
пусть едет к вам адвокат
Но нанять адвоката
может тот, кто богат
Тысяча фунтов стерлингов
адвокату цена.
У адвоката — дети,
у адвоката — жена
Адвокату ехать и ехать —
Нигерия далеко.
Нет, нанять адвоката
племени нелегко.
Весь урожай какао
за самый хороший год
Тысячу фунтов стерлингов
племени не дает!
И все-таки, все таки, все-таки,
пусть целый год голодать.
Надо тысячу фунтов
адвокату отдать.
Пусть берет свою тысячу,
пусть скорее едет сюда.

Чтобы спасти Воттуна
от несправедного суда!—
Уже решается племя
на долгий голодный год.
Но у порога хижины
негр молодой встает.
— А вдруг у начальника нашего
и в Лондоне есть друзья?
А вдруг адвокату окажется
родственником судья?
И они с судьей соберутся
и все решат как хотят.
И наши голодные дети
нам этого не простят!
Нет, лучше напишем в Гану,
там есть один адвокат.
Он черный, он телеграмму
нам дал, что приехать рад.
С начальником не знаком он,
судье не родственник он.
Он денег у нас не просит
за то, что знает закон.
Ему нужна только виза,
чтоб это дело начать.
Начальник должен поставить
на ней большую печать!
— Пусть ставит!—сказало племя.
— Пусть среди ночи встает
И то, что назвал ты визой,
нам прямо в руки дает!—
И, покинув шалаш Воттуна,
все племя ночью пошло

К большому дому начальника,
 где бетон и стекло,
 Где в комнатах вентиляторы,
 лед и водопровод,
 Где день и ночь полисмёны
 вдвоем стоят у ворот.
 Но их начальнику мало
 в такую бурную ночь.
 Он вызвал отряд полиции,
 он просит ему помочь!
 Полиция окружила
 племя со всех сторон.
 Теперь начальник спокойно
 вышел на свой балкон.
 — Зачем вы явились ночью?
 — Потому что не можем
 ждать!
 Ту вещь, что зовется визой,
 ты нам должен отдать.
 Ты должен дать эту визу
 нам прямо в руки из рук,
 Потому что без этой визы
 к нам не приедет друг!
 Ты должен на ней поставить
 свою большую печать.
 И пока не сделаешь это,
 мы не будем молчать!
 — Я не дам вам визы, я знаю,
 что едет к вам адвокат.
 (Еще б не знать!— у начальника
 на телеграфе— брат.)
 — Я не дам адвокату визы—
 даром проездит он.

Воттун все равно виновен
и будет мной осужден.
— Мы не уйдем без визы!—
Уже взведены курки,
Но, как черны статуи,
стоят впереди старики.
— Мы не уйдем без визы!—
говорят старики,
Людскими глазами глядя
в автоматов зрачки.
— Мы не уйдем без визы!—
твердят их мертвые рты,
Когда уже автоматы
пролаяли из темноты.
Не отступив от слова,
сами они не ушли —
Их сыновья и внуки
на плечах унесли.
Но и начальник слово
выдержал до конца.
Сослан Воттун в оковах
на добычу свинца.
Говорят, он пишет оттуда,
что будто бы поправ закон,
Что будто бы он не виновен,
что будто б зря осужден!
Но говорят, что будто бы
начальник все письма рвет
И будто бы так и будет,
пока начальник живет...
Не знаю, как это будет,
кто из них победит.

В хижине Воттуна
 племя его сидит.
И чтобы огонь был вечным,
 в него всю ночь без конца
То один, то другой бросают
 облитые гневом сердца!
Пусть будет конец баллады
 занесен над врагом
Как палка упрямого дыма
 над вечным тем очагом.

КУДДУС МУХАММАДИ

Куддус Мухаммади родился в 1907 г. в Ташкенте в крестьянской семье. Рано осиротев, он воспитывался в детском доме. Окончив в 1930 г. школу, он учится в Ташкентском сельскохозяйственном техникуме, затем на биологическом факультете Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина.

Начиная с 1928 г., стихи Куддуса Мухаммади печатаются в республиканских газетах и журналах. За более чем тридцать пять лет плодотворного творческого труда поэт создал для детей десятки книг — «Памятка читателю», «Стихи и сказки», «Испытание», «Мечта», «Весна пришла», «Сорок богатырей и сорок девушек» и многие другие.

Куддус Мухаммади перевел на узбекский язык ряд произведений русской детской литературы.

САЛИМ И КНИЖКА

В библиотеку шел Салим
По улице вприпрыжку.
Держал под мышкою Салим
Растрепанную книжку.

Была она в грязи, в пыли,
Без корешка, без крышки.
«Салим,— сказал ему Вали,—
Зачем калечишь книжки?»

Салим сказал: «Конечно, я
Порвал две-три страницы,
Но эта книжка не твоя.
К чему тебе сердиться?»

«Как не моя?»—«Да, не твоя,
А из читальни детской».

«Ну, а читальня эта чья?»
«Республики Советской!»

«А если так, она моя,
Да и немножечко твоя.
Мы за нее в ответе,
Мы все — огромная семья,
Страны Советской дети.

И если каждый из ребят
Порвет листы, обложку,
Во что же книгу превратят
Ребята понемножку?

Чтоб книги были у детей
В библиотеке, в школе,
Трудилось множество людей
На фабрике и в поле.

Трудились твой отец и мать.
Тебе бы надо уважать
Труды их и заботы —
Беречь и книгу и тетрадь,
Не мять, не пачкать, не трепать
Страницы, переплеты.

Нам книги — лучшие друзья,
Они дают нам счастье.
А эта книга — и моя,
Да и твоя отчасти!»

ХВОСТ

В одной из школ
Слушок прошел.

Прошла молва
О том,
Что в этой школе, в пятом «А»,
Есть ученик с хвостом.

С хвостом?
С хвостом!
С каким хвостом?
Ответьте на вопрос нам:
С хвостом
В значении простом
Иль только в переносном?

Ученика зовут Тургун.
Тургун — бездельник и шалун.

Не первый год знаком я с ним,
Встречался много раз,
Но хвост его неуловим
На ощупь и на глаз.

И все же слух насчет хвоста,
Как видно, пущен неспроста.
Давайте спросим у ребят:
Спроста нль неспроста?

Вот что ребята говорят
По поводу хвоста.

Тот ученик, который в срок
Не приготовит свой урок,
Порою сам не сознает,
Что он от класса отстает.
Мы про такого говорим,
Что остается хвост за ним.

Вот у Тургуна вырос хвост,
Как у лисы или кота.
И с каждым днем заметней рост
Незримого хвоста.

Хвосты полезны для скота —
Коней, ослов, коров:
Они при помощи хвоста
Сгоняют комаров.

Хвостом лисица на бегу
След замечает на снегу.
Хвостом-мечом вооружен
В песках живущий скорпион.

Орел в парении своем
Хвостом владеет, как рулем.
Мы видим хвост у разных птиц:
Кукушек, ласточек, синиц.

Хвостом украшен чиж и дрозд,
Индюк, павлин, фазан...
Но ни к чему твой пышный хвост,
Товарищ Тургунджан!

За книжки, милый мой, садись,
Учиться будь готов
И навсегда освободись
От всех своих хвостов!

ПИСЬМО НЕПРОХОДИМЫХ КОЛЮЧИХ ЗАРОСЛЕЙ

Мы, заросли колючие,
Дремучие,
Трескучие,
К вам, люди, обращаемся
Вот по какому случаю:

Мы всей своею чашей
Сгораем от стыда,
Что жизни настоящей
Не знали никогда.

Нам очень надоело
На диком пустыре
Торчать весь век без дела
С шипами на коре.

К нам птице
Не летится

И даже комару.
На ветки к нам садится
Одна лишь пыль в жару.

У каждого растения
Обязанность своя.
Завидуем сирени,
Что прячет соловья.

А яблони? А вишни?
А розы, как заря?
И даже никудышный
Камыш растет не зря.

Пускаясь на уловки,
Сосед наш продувной
Умеет стать циновкой,
И крышей, и стеной.

Прославленному хлопку
Повсюду благодать.
А нас и на растопку
Никто не хочет брать.

У жизни на задворках
Мы чахнем день за днем.
Ни сладких и ни горьких
Плодов мы не даем.

Мы жаждем жить иначе.
Пусть к нам привьют сирень
Иль ветки карагача,
Чтоб мы давали тень.

Мы жаждем быть пшеницей,
А нет — так ячменем.
Пуды зерна сторицей
Мы осенью вернем.

И если жизнь подарят
Нам люди в добрый час,
Пусть жарят нас и варят,
И масло жмут из нас.

А вдруг в котле для плова
Заставят нас кипеть?
Ну что же! Мы готовы.
Придется потерпеть!

Согласны быть листвою,
Что гложет шелкопряд.
Согласны быть травой —
Пусть овцы нас едят!

Быть бревнами согласны —
Пили, строгой, скобли!
Лишь только б не напрасно
На свете мы росли.

А если нас не может
Освоить человек,
То пусть нас уничтожит
Отныне и навек!

И мы по доброй воле
Сойдем с лица земли,
Чтоб зеленело поле,
Где раньше мы росли.

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ

Червяк-шелкопряд в червоводне живет.
Усердный работник, он стоит забот.
Весь день он проводит в работе,
За это у нас он в почете.

Тутовника листья приносят сюда:
Все время нужна шелкопряду еда.
Чтоб крепче он был и крупнее,
Кормить его нужно сытнее.

Когда он продвинуться хочет вперед,
Слегка он сожмется, потом поползет.
То станет коротким, то длинным,
Работая телом пружинным.

Устроив работнику мирный приют,
От зноя и ветра его берегут.

Себя волокном обволок он.
Качаясь, он вьет себе кокон.

Может он тонкую длинную нить,
А мы этот кокон должны распустить.
На фабрику, в цех понадет он
И будет искусно размотан.

Из прочных шелков смастерят парашют,
И шелковой ниточкой рану зашьют.
И в платье из яркого шелка
На праздник пойдет комсомолка.

ПЕСНЯ О ХЛОПКЕ

Эта пушистая белая вата
В поле росла, дорогие ребята.

Мы обработали землю сначала,
Чтобы комков совершенно не стало.

Быстрая сеялка вышла потом,
Хлопок посеяла на́ поле том.

Вот показались из теплой земли
Первые всходы — мы их берегли.

Чтобы побеги зелеными были,
Землю рыхлили, водою поили —

Мы не жалели для хлопка воды...
И увенчались успехом труды.

Выйдя из теплого тихого плена,
Вырос хлопчатник почти по колено.

Светом и влагой земли напоен,
Начал выбрасывать веточки он.

И разлилось и раскинулось вскоре
Нежных цветов золотистое море.

Каждый на солнышке жарком блистал,
Каждый коробочкой беленькой стал.

Солнце коробочки обогревает,
Ядра в коробочках этих вспухают.

Время приходит — не медлит оно.
Смотришь — в коробочках ваты полно.

Значит, пора наступила для сбора!
Это мы сделаем дружно и скоро.

Где хоть одно волокно упадет,
Там его юный помощник найдет.

С хлопком отборным машины идут,
Красные флаги над ними плывут.

Собранный хлопок сдадим мы заводу,
Труд хлопкороба послужит народу.

АСКАД МУХТАР

Аскад Мухтар родился в 1920 г. в Фергане, в семье рабочего-железнодорожника. Он воспитывался в детском доме, после средней школы закончил филологический факультет Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Затем будущий писатель работает заведующим кафедрой узбекской литературы в Андижанском педагогическом институте, позже в редакциях газет «Еш ленинчи» и «Кизил Узбекистан». В последние годы он редактирует журнал «Шарк юлдузи», является одним из руководителей Союза писателей Узбекистана.

Стихотворные сборники «Мои сограждане», «От всего сердца», поэмы «Наши предки», «Сталевар», «На большом пути», повести и романы «Там, где сливаются реки», «Каракалпакская повесть», «Сестры», «Рождение», «Время в моей судьбе» и другие, художественные переводы, литературно-критические и публицистические статьи заняли свое достойное место в литературе.

КРЕМЛЕВСКИЕ ЕЛИ

 оей долины ветер быстроногий,
Помчись на север, где Москвы огни,
Где строй кремлевских елей—тихий, строгий,
И жаркими губами к ним прильни.

Их юность вечна. То любовь народа
Бессмертной зеленою одела их;
На них роса сверкает в час восхода
Лучами миллионав глаз людских.

Вдохни, счастливец, свежее дыханье—
Таежный дух, морозный и хмельной,
И ты представишь въявь громады зданий,
Победно вставших в стороне лесной.

Прислушайся к ветвям, и в смутном гуле
Привет услышишь молодым лесам—

ДЕНЬ

Все было так обычно: день как день.
Мы просыпались на рассвете раннем,
росла и укорачивалась тень,
и солнце шло к земле,
листву тараня.
И начинались с самого утра
обычные, привычные заботы:
завод работал, пущенный вчера,
и новых строек
высились заборы.
Смеялись дети:
приземлялись ТУ,
из облаков выныривая книзу —
и снова набирали высоту,
как новую,
нечитанную книгу...
Был день как день.
Такой же, как тогда,

когда, презрев пустые предреканья,
взлетела в небо

первая звезда,
людскими сотворенная руками;
или когда ушла ракета вверх —
и, звездное пронзая мельтешенье,
вернулся с неба

первый человек,
земное одолевший притяженье...

Был этот день

обычным нашим днем —
минуты шли и так казались мелки!
Но все события умещались в нем,
как в лучшем платье,

сшитом без примерки.
День нашей жизни... Сколько их прошло?

И знаю я: их главная примета —
не то четырехзначное число,
которому в строке не хватит места;
нет,

труд
на каждом оставлял рубец!
И в завтрашнем своем души не чая,
был каждый день — невиданный рубеж!
Был каждый день

итогом — и началом...
И каждый, утро начиная здесь,
готов был к полдню

в прошлом очутиться;
и в каждом

наших яростных сердец
мы оставляли малую частицу!..

День был как день.

Такой же как всегда.

Его
из повседневности, из яви,
из самого обычного труда,
как монумент эпохе,
изваяли.

Начинается дружба
с пожатья руки,
На прощание другу
мы машем рукою.
Заплываем, течению реки вопреки —
и, рукой загребая,
мы спорим с рекою!
Угрожая врагу, мы сжимаем кулак.
И, по сути,
сильнее оружия нету!
Да и мир представлять научились мы так:
пять скрестившихся рук —
это пять континентов.
За иль против
решает умолкнувший зал —
он поднятием рук
приговор обозначит.
Настоящий убийца не прячет глаза —
он лишь руки,
лишь руки нелгушие прячет!
Ты рукой закрываешь лицо от беды,
чтобы страшное чуть отдалить приближенье.
Только если б и вправду мне верила ты —
ты мне руку
и счастье дала б и в лишенье...
Это миф,
что стояла земля на быках,
на китах,
на слонах
или сваях предвечных;
это миф,
что держался наш мир на богах!

Он держался всегда
на руках человеческих.
Так останется, сколько веков ни пройдет.
Только руки
лениво не прячьте вы в брюки.
И поймите, что мир упадет,
упадет,
если хоть на мгновение
опустим мы руки!

Слава ее над миром плывет,
Как песня —
 вблизи и вдали;
У слова «Москва» — простой перевод
На все
 языки земли!
«Москва» — значит
 тьму побеждает свет,
Торжествует мир над войной;
«Москва» — значит счастье...

И я, поэт,

Помню ее такой!
С детства вошла она в нашу жизнь —
Светла, сильна, верна;
Отец шептал мне:

 «Сынок, держись...

Москва поможет нам!» 4
И позже, когда метал металл
Войны величайшей шквал,
В тот год, когда я солдатом стал,
Товарищ мне шептал:
«Позади Москва...

 ни шагу назад...

Насмерть, товарищ, стой!
Москва — это все...»

И я, солдат,

Помню ее такой!

Рассвет идет со мной по Москве.
Я вижу строек леса,
Слово «Правда»,
 врезанное навек
в московские небеса;

Я вижу снова земли красоту —
Прекраснейшую Москву —
Как будто чистейшую мира мечту,
Сбывшуюся наяву.

И думаю:

«Где бы ни был я —
С тобой я не буду врозь...
Как много в тебе,

Москва моя,
Для каждого сердца
слилось!»

Это Партия здесь за работой моей
Смотрит раннего солнца внимательным оком...
О, спасибо за силу и ясность лучей —
За солнце, что в сердце — как в небе высоком!

УПАЛО ЯБЛОКО

Упало яблоко,
сорвавшись с ветки.
Все соки жизни
за лето вобрав,
пронизанное свежестью и светом,
упало с ветки.
С высоты — во прах.
И в тот же миг,
спустя секунду ровно,
ему, еще прекрасному пока,
уже вонзала тощая ворона
нечистый клюв
в нежнейшие бока...
Расковыряла кожу сначала,
полезла вглубь,
кромсая и черня...
Красы его она не замечала:
она искала в яблоке
червя.

* * *

Не все в стихах должно быть просто,
чтоб на ходу

 прочел — и вник,
и пересказывалось прозой
поэтом вложенное в них.

И древен способ их,
 и молод.

Откинув некое звено,
поэзия,

 из недомолвок
ты давишь терпкое вино.

И скромн облик их,
 и дерзок.

Опровергая здравый суд,
поэзия,

 из передержек
свою ты извлекаешь суть.

И не занозишься спесиво:

чудная — пусть,
хмельная — пусть,
где трезвой мысли не под силу,
ты к нам прокладываешь путь.
Страницы белые помяты,
но к ним спешим прижать уста,
когда становится понятна
твоя простая правота.

МИРМУХСИН

Поэт и прозаик Мирмухсин (Мирсаидов) родился в 1921 г. в Ташкенте, в семье гончара. После окончания средней школы в 1941 году он поступил в Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами. Будучи еще студентом, Мирмухсин опубликовал ряд поэтических произведений. По окончании института Мирмухсин работает преподавателем узбекского языка и литературы в средней школе, в редакции многотиражной газеты «Мотор», в отделе пропаганды и агитации Центрального Комитета ЛКСМ Узбекистана, на радио, в газете «Кизил Узбекистан». В течение ряда лет он редактор журнала «Шарк юлдузи» и ответственный секретарь Союза писателей Узбекистана, затем редактирует сатирический журнал «Муштум».

Мирмухсин начал писать стихи в 1937 г.

Вышли сборники его стихов «Преданность», «Фергана», «Гости», «Стихи и поэмы», «Ферганская весна».

Изданы отдельными книжками поэмы «Уста Гняс», «Зеленый кишлак», «Дочь родины», «Родные», «Набиев», «Дунан» и др.

В 1957 году Мирмухсин завершил работу над романом в сти-

хах «Зияд и Адиба». Им также написано много рассказов и повести «Джамиля», «Александрийский залив», «Белый мрамор», «Раббия».

Пишет Мирмухсин и для детей. Изданы его книжки «Лола», «Звездочка», «Живое письмо», «Маленькие рассказы», «Слива и урюк» и другие.

Поэт плодотворно работает и в области художественного перевода. Им переведены стихи В. Маяковского, Н. Тихонова, С. Щипачева, А. Твардовского и других поэтов.

КОММУНИСТ

Кто такой коммунист? Это — ленинец!
Кто умеет бороться, искать,
Вековые людские стремления
В плоть обыденных дел облекать.

Не из тех, кто пролезет, пристроится,
С солнцепека торопится в тень...
Коммунист — там, где дыбится, строится
Ослепительный завтрашний день,

Где пределов дерзанью не ставится,
Где с народом развеешь беду...
Тут обманом не думай прославиться,
Сам ты весь — у людей на виду.

Коммунист! Это — честь и достоинство.
Коммунист! Это — творческий труд.
...Не шуми ты, заморское воинство, —
Коммунисты страну берегут!

РАБОЧИЕ

Встает заря, поют гудки рассветные.
Я вижу их в горячий утра час:
Идут творцы, в поэмах не воспетые,
Идет, идет, идет рабочий класс.

Они обычные. Не ждите лоска стильного.
Спецовки в масле, сапоги в пыли.
Но крепче стали эти руки сильные,
А ноги их подмира обошли.

И кто ж из них за славою погонится?
Сработает один, а скажет — мы!
А все взялись — и ось земная стронется,
Пред солнцем их сердец отступят силы тьмы!

Им нет числа. Гляди — как звезды на небе!
Они идут прямым путем своим

Под нашим алым, под советским знаменем!
Им все под силу, все сподручно им,—

И воздвигать дворцы, и править МАЗами,
Ребенка смех сберечь в рассветный час...
И слово гордое про них недаром сказано:
Его Величество рабочий класс!

СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ

Знает каждый дехканин
ее в кишлаке,
И любому готова помочь
Эта девушка
с кожаной сумкой в руке
И с глазами,
как темная ночь.
Настоящее имя ее — Мукамбар,
Но для всех она —
доктор-апа.
Каждый любит ее,
будь он молод иль стар,
Чистоту ее смуглого лба,
Две блестящих косы,
заплетенных венком,
Белоснежный рабочий халат...
Как светло в кабинете с широким окном.

РУКОТВОРНАЯ ЛУНА

Кто силой знания светильник
разожжет,—
Прославится в веках и вечно
не умрет.

Б е д и л ь

Мысль человека! Как небо, она безгранична!
В мире широком достойного мысли венца нет.
К звездам далеким для мысли дорога привычна,
Сердца биенью и мысли кипенью — конца нет!
В небе над нами летит небывалое чудо,—
Это создание мысли и рук человека!
Звезды с улыбкою шепчут: «Откуда? Откуда?
Звездочки этой средь нас не видали от века...»
В этой победе — отечества нашего гордость!
Наших ученых расчеты, мечты и дерзання,
Атома сила и стали алмазная твердость,
Разум свободный, постигший закон мирозданья!
Тысячи раз рукотворное чудо всходило,
Тысячи раз оно путь свой, сверкая, прочертит...
...Силою знаний и мысли возжегший светило —
Будет прославлен в веках и навеки бессмертен!

ЛЕНИН В КОЛХОЗЕ

(Отрывок из поэмы «Уста Гияс»)

За работу крепко взялись,—
Сев закончил досрочно колхоз.
Наступил выходной, и раис
Самолично новость разнес —
Ожидали ее давно:
— Будет вечером нынче кино!

— Будет вечером нынче кино!—
Эту весть повторяют с волнением,
И на площади перед правленьем
Уж народу полным-полно.
— Поскорее бы стало темно!—
Говорит Аппан с нетерпеньем.
Весть летит по бригадам и звеньям:
— Будет вечером нынче кино!

Как жужжанье пчелиного улья —
Говор, гомон, девичий смех.

Из правленья вынесли стулья —
Не хватило, конечно, на всех.
— Говорят, будут танцы вначале!—
Пронеслось, как ветер в толпе.
Разноцветный палас разостлали
На большой квадратной супе.
Стариков раис приглашает
На почетнейшие места,
Рядом с Наром Аппана сажает,
А с Гиясом — Тугана-ата.

Так красив в предвечернем свете
Острый блеск одинокой звезды.
На деревьях пестреют дети —
Как цветущего сада плоды.
В модных блузках, в сапожках скрипящих,
Здесь красавиц найдешь настоящих.
Сколько юношей в них влюблено!
Сколько шелковых платьев шуршащих,
Сколько в косы цветов вплетено,
Сколько ярких платков, тюбетеек!
Сколько тесно стоящих скамеек!
Прикрепили к стене полотно:
Начинается скоро кино!

Подтолкнули тихонько в спину
Длиннокосую Аимхан:
— Привезли какую картину?
Чем порадует нас экран?
До чего разукрашена пышно
Тюбетейка на секретаре.—

Аймхан прошептала чуть слышно:
— Фильм про Ленина в Октябре.

— Хорошо!— одобрил Гияс.
Свет вечерней зари погас.
Тишиною площадь объята,
Разом смолкли все голоса.
Протянулась из аппарата
Серебристая полоса,
И увидели вдруг дехкане
Ильича, Ильича на экране!
Верно: вот он, в Узбекистане!
Верно: вот он, у нас в кишлаке!
В серой кепке, в простом пиджаке.
Вот проходит он с нами рядом,
И, детей своих крепко любя,
Ленин смотрит отцовским взглядом
На него, на меня, на тебя...

Старый мастер забыл давно,
Что он смотрит на полотно:
Правды так велико обаянье!
Показалось ему, что сейчас
Он, седой хлопкороб Гияс,
На колхозном сидит собранье,
А в президиуме, за столом,—
Ленин с ясным своим челом.

Ильича улыбка светла,
Ею каждый колхозник обласкан!
Вот поднялся из-за стола
И, держась рукою за лацкан,

Он к собравшимся подошел.
Все встают.— Между нами Ленин!
Каждый час его драгоценен,
А для нас он время нашел!

И годов прожитых громада
В этот миг пред каждым прошла.
Мастер вспомнил свои дела:
— Так ли я работал, как надо?
Я сумел ли цели достичь?

Старый Мастер, скрывая смущенье,
Прошептал:— Владимир Ильич!
Очень просим принять приглашенье —
Посмотрите на наше селенье!

Все пошли: Гияс, и Аппан,
И раис, и Аваз, и Туган.
Окруженный толпою дехкан,
Шел Владимир Ильич посредине...

Что чудесней весенней поры
В необъятной Ферганской долине!
Вот колхозные наши двory,
Наши улы, полные меда,
Вот богатство и гордость народа —
Наши хлопковые поля,
Разделенные на массивы.
Вот арыки бегут, бурля,
А над ними цветут, красны.
Шелковицы и тополя.

Озирая придирчивым взглядом
Все, что жило, цвело кругом,
Думал мастер, шагая рядом
С дорогим, родным Ильичом:

«То-то был бы позор для артели,
То-то мы от стыда бы сгорели,
Если б Ленин у всех на виду
Посетил нас в прошлом году!
Хорошо, что потрудились,
Постарались, не осрамылись —
Знамя крепко держим в руке!»

Так весною — велик, неизменен,
В серой кепке, в простом пиджаке —
Побывал у колхозников Ленин,
В незаметном, степном кишлаке.

1947

РУБАИ О МОЕМ НОВОМ ЧИТАТЕЛЕ

Родильный дом, зеленая родня
Стоит у входа, ветки наклона.
Я плач услышал: это значит, новый
Читатель появился у меня.

РУБАИ О ВРЕМЕНИ ГОДА

Ты влюблен! Значит, лучшая девушка в мире — она!
Ты влюблен! Значит, в сердце звенит золотая струна.
Если осенью милая свой поцелуй подарила —
Значит лжет календарь! То не осень пришла, а весна...

ЧЕЛОВЕК

Только лучшие века —
те,
кем он славен и жив —
возводятся в ранг Человека,
высшую честь заслужив,

те, что лести чужды,
изведали труд и боль
и знают:
краса жемчужины
в оправе видна любой.

Те,
чья минута каждая
была устремленьем вверх!
Те, о которых скажут:
— Вот это —
Человек...

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ

Когда б я ни приехал в город —
В вечерний час иль поутру,—
Спешу с душевным разговором
К тебе, учитель мой и друг.

Гостеприимен и радушен,
Ты всех своих учеников
В любое время рад послушать:
А ну, мол, кто из вас каков...

Наставник мудрый наш и строгий,
Мы вспоминаем о тебе,
Шагая по крутым дорогам,
В труде мужая и в борьбе.

Ты сам для нас — пример дерзання.
Мы свято помним твой наказ:

Нелегко путь к высотам знания,
Тернист бывает он подчас.

Твое напутственное слово
Несем по жизни, словно флаг,
Оно для нас первооснова
Во всех поступках и делах.

И если в чем-то незадача
Порой случится у кого,—
Не в наших правилах, судача,
В беде оставить одного.

Тобой воспитанные с мала,
Мы не забыли и сейчас,
С какой любовью ты бывало
Глядел на каждого из нас.

И те черты самозабвения
В работе, дружбе ли — во всем,
Мы, молодое поколение,
До внуков наших донесем.

...Твой волос бел. Но ты душою
До старости остался юн.
Судьбой счастливой и большою
Мы называем жизнь твою.

РАМЗ БАБАДЖАН

Поэт и драматург Рамз Бабаджан родился в 1921 г. в Ташкенте, в семье служащего. Он учился в педагогическом училище имени В. И. Ленина, затем закончил факультет языка и литературы Ташкентского вечернего педагогического института.

Трудовая и творческая деятельность Рамза Бабаджана началась с 1938 г. Поэт работал редактором в Узбекском государственном издательстве, на радио, литературным консультантом в Союзе писателей Узбекистана, ответственным редактором газеты «Ленин учкуни», заведующим отделом литературы и искусства газеты «Кизил Узбекистан». В 1960—1963 гг. Рамз Бабаджан был избран секретарем Правления Союза писателей Узбекистана. За более чем двадцать пять лет Рамз Бабаджан опубликовал стихотворные сборники «Стихи», «Подарок», «Золотая радуга», «Вдоль долины», «Письмо в Китай», «Тайны любви», «Дорогие друзья», «Спасибо, родной», «Поэмы и баллады», «Сердце не спит», написал поэмы «Дорогие друзья», «Красный галстук», «Назми и Тургун», пьесы «Дядя и племянники», «Цыгана не обманешь».

Пьесы Рамза Бабаджана идут в театрах Москвы, Ташкента и других городов.

Поэт много работал над переводами произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Т. Шевченко, М. Алигер, А. Твардовского, Н. Тихонова, М. Бажана и других.

НОЧНЫЕ СТРОКИ

К радется сон давно
к моим глазам,
слипаются усталые ресницы,
но эхо дня звучит во мне,
и сам
в мозгу он сотней образов теснится.
Вся лента дел проносится,
рябит.
Стоит луна, в окно мое уставясь.
И мысли, мысли, точно воробьи,
спешат по крохам
всю склевать усталость.
И сон бежит.
Включаю свет.
Встаю.
Настойчиво
одна всплывает дума.

И я иду к рабочему столу,
как бы ища
 лекарство от недуга.
Пора, перо!
 Лечи меня, лечи
в бессоннице моей непоправимой,
лети вперед, перо мое,
 лети,
как дождь косой
 над жаждущей равниной.
А ты, о белый лист,
 мой лучший врач,
ты все узнаешь, что со мной творится!
Тебе вовек я не смогу соврать,
перед тобой
 не смею притвориться.
Да будет белизна твоя строга,
чтоб помнил я,
 ко лжи не приспособясь:
убийственна фальшивая строка —
как то пятно,
 что разъедает совесть!..
Перо летит..
А рядом бродит сон,
плывет сквозь тучи лунная пирога,
но образ дня,
 беззвучен, невесом,
стоит всю ночь у моего порога.
И что-то словно шепчет мне:
«Не ты,
не ты один
 ночных свершений автор.

ГЕОЛОГ

Жара в Кызылкумах!..

Палящего ветра дыханье...

Как море — пустыня,

попробуй пешком пересечь!

Бредешь, задыхаясь...

В глазах — лишь огня полыханье,

Равнина и небо — одна раскаленная печь.

Пылают барханы.

Кругом — ни куста, ни травинки.

Во рту пересохло, и кажется чудом вода...

Откуда же здесь эта девушка в пестрой косынке?

Красива, стройна...

Как такая попала сюда?

Скажи, не из тех ли она городских белоручек,

Что с первых же дней начинают проситься домой,

В песках очутившись, боятся фаланг и колючек,

Боятся, что кожу испортит им ветер и зной?

Но нет!

Не назвать ни капризной ее, ни трусливой,
Все время в пути—на коне, на верблюде, пешком...
Как горный тюльпан,

и красива, и неприхотлива,
Она и в пустыне осталась чудесным цветком.
Я знаю ее,

да и вы ее знаете тоже,
Не зря наши парни по ней походили с ума:
Короною — косы,

как золото — смуглая кожа,
А черным бровям не нужна никакая усма.
Я знаю ее,

да и вы ее знаете тоже:
Совсем молодая, на вид двадцати ей не дашь,
Но это она

с добровольцами
по бездорожью

На поиски нефти отправилась на Палванташ.
И это она

на разведку природного газа
Одною из первых приехала в знойный Газли.
Пустыня упряма, ее разгадаешь не сразу,
Но пласт за пластом раскрывается книга земли.
Трудна эта книга.

Геолог — ее переводчик.
Лишь он понимает земли первобытный язык.
Он видит в пустыне

сокровищ бездонный источник,
Он дерзкой рукою в ее кладовые проник.
Так будь же настойчива, девушка в пестрой

косынке,
По жгучим пескам за собою веди молодежь.

Пустыня упряма,
но ты победишь в поединке,
Дерзай — и добьешься,
Ищи — непременно найдешь!

БАЛЛАДА О СЕРДЦЕ ЛУМУМБЫ

Я видел его.

На трибуне ООН.
И на немислимом расстоянье
Слушал его, затаив дыханье,
Грозным видением потрясен.
Да, это он —

глашатай свободы,
Распятого Конго бесстрашный сын,
Сердце отдавший за счастье народа,
Как сказочный исполин.
Да, это он —

орел величавый,
С вороньей стаей вступивший в бой,
Да, это — он,

чья внезапная слава
Спутником шар облетела земной.

Крича,
 грохоча,
 толкая друг друга,
К упавшему сердцу хлынул народ.
Хлынули люди с чистою совестью,
Скопище вражье
 втоптали в грязь...
И поднято бережными руками,
Над потрясенными материками
Вспыхнуло снова
 сердце Лумумбы,
В солнце слепящее превратясь!

ВЫСОТА

Лишь снизу близкой кажется вершина,
Но легкости обманчивой не верь:
Уж если рвешься к высоте орлиной,
Разведай путь и силы соразмерь.

Средь острых скал твоя тропа змеится,
Обвалы, вихри, пропасти грозят...
Не раз примерься, прежде чем решиться,
Когда ж решился — не гляди назад.

БОКАЛ

Земля пылает углем раскаленным.
Не веет ветер, не журчит арык.
Над морем хлопка, пышным и зеленым,
От зноя солнце свесило язык.

Ну и печет! Кто ищет, где прохладней,
Кто загорает в самую жару,
А для дехканина всего отрадней
В родное поле выйти поутру.

Где он трудился, рук не покладая,
Теперь хлопчатник спелый засверкал,
И каждая коробочка, сияя,
К нему протянута, как пенистый бокал!

* * *

Когда надо мной замерла ты, склонясь,
Лежал я в жестоких объятьях недуга.
Спасибо, что вовремя ты собралась,
А то и в живых не застала бы друга.

И мудрая ласка твоя, Сурайя,
Любого лекарства мне стала полезней,
Шаги твои слушал доверчиво я,
Ища в них спасенья от хищной болезни.

Едва мое тело охватывал зной,
Ты ветром струилась, ласкающим ветром,
Едва меня пот прошибал ледяной,
Ты солнцем всходила, горячим и щедрым.

Груди не хватало дыхания вдруг —
Ты в легкие воздухом чистым вривалась,

Палящею жаждой томился мой дух —
Ты в сердце струей родниковой вливалась...

Вот так и спасла ты меня, Сурайя,
И черные крылья провеяли мимо...
Но честно признаюсь, что нежность моя
С тех пор окончательно неизлечима.

НА ГРАНИЦЕ

Никогда я чужбины не видел,
Но всему наступает свой срок,
Никогда я границы не видел,
А сегодня ее пересек.

Но скажи: разве это граница?
Так она только прежде звалась.
Разве вправе назвать мы границей
Двух друзей нерушимую связь?

Предо мною раскинулась Тисса,
Как широкий солдатский ремень,
Отражает прозрачная Тисса
Нашей встречи сверкающий день.

И вхожу со словами привета
В этот край, где повсюду друзья,

Пусть весенней улыбкой привета
Будет песня согрета моя.

Две державы, два брата свободных
Отражаются в зеркале вод,
Две страны, молодых и свободных,
А над ними — один небосвод.

Вон венгерский стоит пограничник
На широком и гулком мосту.
Улыбается нам пограничник:
Здесь доверье стоит на посту!

СЛЕПОЙ СКРИПАЧ

Стоял он сгорбленный, с застывшею улыбкой
В Стокгольме ясным днем в аллее городской.
О грустный соловей! Наедине со скрипкой
О чем, отверженный, он пел с такой тоской?

Быть может, он любил... А что потом случилось?..
И молча я стоял, взволнованно следя,
Как в яркий, летний день мелодия сочилась
Дрожащей струйкою осеннего дождя. -

А сытой публики течет поток ленивый,
И некому вздохнуть над бедным стариком...
Но разве песнь его была б такой тоскливой,
Когда бы плакал он лишь о себе одном?

Наверно, в тайный мир — мир скорби и печали
Его незрячие глаза устремлены...
Но и за сотни лет он выплачет едва ли
Всю боль, все горести своей родной страны.

ЗАГАДКА

(Из цикла «Индийские напевы»)

В Калькутте я брюки стал шить на заказ,
Но не потому, что без брюк я остался:
Как всякий поэт, у застенчивых глаз
И черной косы я в плену оказался.

Хотелось на дочку портного взглянуть,
А брюки... а брюки служили предлогом.
— Отец в мастерской?—
Растерявшись чуть-чуть,
Спросил и замялся я перед порогом.

— Ушел,— отвечала...
Лишь несколько слов —
И тут же смутилась и скрылась поспешно,
Как будто рассыпала рой лепестков,
А я подобрать не успел их, конечно...

Быть может, она позабыла давно,
А я до сих пор вспоминаю украдкой,
Быть может, ждала и глядела в окно...
Кто знает? Пускай остается загадкой.

СЕРДЦЕ

Засыпаю, а сердце стучит и стучит под рукою,
Нет, не спит мое сердце, не знает ни ночи, ни дня,
Не завидует мне даже в час тишины и покоя,
Бескорыстно и радостно трудится ради меня.

Прочь гони, мое сердце, обиды, сомненья,
И бодрящую свежесть быстрее по жилам струи.
О, не спи, мое сердце! Трудись еще долгие годы,
Не останусь в долгу за бессонные ночи твои!

Самой темной ночью тебя
лучших дней моих выются к тебе следы.
найду я —

* * *

Глубины мысли для тебя чужды,
Колодец страшен проблеском воды.
Его прикрыть стараешься
ты сверху,
А он внизу — и зря твои труды.

* * *

О самоучка-критик! Боже мой,
Как горд он ролью критика самой,
Он, отмель увидав, кричит о глуби,
А белое чернит и свет-мешает
с тьмой.

* * *

Я в море не плыву и в небо
Я по земле идти среди друзей хочу.
Для одоления волн и для боренья
Лишь от родной земли я силу
получу.
не лечу,
с бурей

* * *

Есть множество у нас в тебя
влюбленных глаз,
Хвалебных слов и фраз неисчисли́м
запас,
А я в любви немой стою перед
тобою,
Хоть песнь моей души всех лучше
во сто раз.

* * *

От хмурой мне горька и с чаем
пиала,
Уж лучше бы воды с улыбкой
подала.
По милости лгуна в меня броса́я
камень,
Не сбей свечу любви, что ты сама зажгла.

* * *

Жизнь радости длинна, а горя —
коротка,
Как без деревьев сад, жизнь
без людей — тоска.
Правдивая строка — как памятник
в металле,
Со лживого пера — как ржавчина
строка.

МАМАРАСУЛ БАБАЕВ

Мамарасул Бабаев родился в 1911 г. в Каттакургане, в семье кустика. Закончив в 1931 г. сельскохозяйственный техникум в Бухаре, учится в Узбекской педагогической академии. Затем поступает на заочное отделение Ташкентского педагогического института и в 1938 г. заканчивает факультет узбекского языка и литературы.

М. Бабаев преподавал литературу в школе и в педучилище. В годы Великой Отечественной войны служил в рядах Советской Армии. В 1946—1960 гг. работал в редакциях журнала «Шарк юлдузи», газеты «Кизил Узбекистан» и в Государственном издательстве художественной литературы Узбекской ССР.

М. Бабаев начал писать стихи в 1933 г. Его первые стихи были опубликованы в сборниках «Белое золото», «В честь Родины».

Впоследствии выходят книги поэта «Гимн радости», «Путь солнца», «На южной точке», «Мои любимые песни», «Избранные произведения», «Звени, рубаб!» и другие.

М. Бабаев перевел на узбекский язык поэму «Демон» М. Ю. Лермонтова, стихи Н. Некрасова, сборники «Друзья и враги» К. Симонова, «Маобитскую тетрадь» М. Джалиля, стихи А. Суркова, С. Вургуна, А. Кулешова, С. Щипачева и многих других поэтов.

В ЧЕМ ТВОЯ КРАСОТА...

Как чудесны весною сады и цветы...
Может быть, в этом сила твоей красоты?
Но я знаю, я видел другие места,
Там такая же точно в садах красота.
Над тобою безоблачный, светлый простор,
Украшают тебя цепи сказочных гор.
И вода в родниках так прозрачна, чиста...
Может, Родина, в этом твоя красота?
Если думаю я про родные края,
То рождается новая песня моя.
Независим живет здесь любой человек,
Труд свободен и счастлив в наш солнечный век.
Здесь народ полновластным хозяином стал...
— Несравненная в этом твоя красота!
Над тобою сегодня знамена побед
Расплескались, как алый весенний рассвет.
Ленин!
Вождь с пьедестала сегодня опять
Славит прекрасную Родину-мать.

БАЛЛАДА О МОРЕ

Где это я? Да это ж чудный сад!
А в том саду дворец стоит воздушный...
Не сон ли это? Тонкий аромат
Цветущих яблонь наплывает в душу.
И вдруг в глаза плеснула синевой
Вода!
Она передо мной лежала
Огромная под маленькой луной.
Река ли это? Озеро, пожалуй.
Нет, это — море, море! Горизонт
До облаков был отодвинут морем.
Приволье волнам!
Лунный мост и тот
На полпути расплескан был простором.
Я изумлен — гляжу по сторонам.
Весь берег в блесках золотого света.
Цветут деревья, нежится волна...

Где я?

Да не Аркадия ли это?!

Нет.

Это город-сад Каттакурган,

Знакомый мне и незнакомый город.

Он лунностью высокой осяян,

Обласкан морем. Он красив и молод,

С его широких, звонких площадей,

Из белостенных, яснооких зданий

Стекается большой поток людей

Навстречу морю,

на берег свиданий...

И вот я слышу легкие шаги

На лунной тропке, тишиной укрытой,—

Ко мне подходит с девушкой джигит,

Я вижу орден на груди джигита.

Джигит обвел движением руки

Морской простор и с гордостью во взоре

Заговорил:

— Здесь я сдвигал пески,

Клал бетон и вот, смотрите,— море!

А в прошлом здесь к саманным кишлакам

Сползались равнодушные барханы

И в желтых ливнях жгучего песка

Не пел, а плакал землероб-дехканин.

Когда хлопчатник подрастал, когда

Арбузы наливались медом алым,

Полнели дыни на бахчах,

Тогда

Вода вдруг испарялась, иссякала.

Кричало все: воды! воды! воды!

Листва ржавела, задыхались корни.

От злой, испепеляющей беды

Долина жизни становилась черной.
Темнели люди. Их мольба, как стон:
«О, смилуйся! О, ниспошли, всевышний,
Воды, воды!»— Но, зноем прокален,
Молчал зенит. Скрипел песок чуть слышно.
И матери детей своих грудных
Аллаху в жертву приносили, плача.
Но дождь не шел. И даже слезы их
Не долетали до земли горячей.
Скелеты яблонь сохли без плодов,
Мор захлестнул убогие жилища,
Понуро разбредались толпы нищих,
Ушли, и не осталось их следов.
Пришли пески. Долина умерла,
И ни соленой не было, ни пресной
Воды.
Но вот земля вдруг обрела
Живительную влагу — и воскресла.
Мы волны моря бросили сюда,
И желтая пустыня отступила.
И вот они — сияют города,
Земля моя о жажде позабыла...
Джигит умолк.
И все исчезло вдруг.
Передо мной — еще пески пустыни.
И ни садов, ни городов вокруг.
Но подо мной — уже бетон плотины.
А собеседник мой, лихой джигит,
О встрече нашей и не знает даже.
Он там, внизу, мечту свою творит,
А срок придет — он быть свою расскажет.
К его спине рубаха пристаёт.
Он землю твердокаменную роет,

Но срок придет — и на груди блеснет
Не только орден — звездочка героя.
А девушка? Быть может, не знаком
Он с ней сейчас. Она суглинок рубит.
Но срок придет — на берегу морском
Ее он встретит, и она полюбит...
Все это скоро будет,
А пока
Рычат, гремят, вгрызаются машины
В солончаковый грунт, в холмы песка.
У юных и седых — порыв единый.
За ними вслед идет, идет вода!
Вода! Да, это — жизнь, садов кипенье.
Я слышу волн раскатистое пенье.
Здесь будет море!
Будут города!

ПЕРСИДСКИЙ КОВЕР

Нас хозяин к себе в мастерскую привел...
Полумрак.

Духота.

Отсыревший цементный пол,
Я стою, изумленный, у самых дверей:
В подземелье

полно истощенных детей.

Лишь хозяин вошел —

замолчали все вдруг,

И проворней забегали пальцы их рук.
К нам, ворсистую пыль отирая с ресниц,
Старый мастер спешит, чуть не падая ниц.
Мерный стук,

мерный скрип —

И на что ни взгляни —
ткнут детишки ковер...

поражается взор!

От чахотки горит
 коль не тот, так другой,
И в подвале весь день слышен кашель сухой.
Мне сказали потом,
 что детишек крадут,
Что родители их от нужды продают.
И короткая жизнь протекает впотьмах,
Лишь тяжелые гребни мелькают в руках.
Мерный стук,
 мерный скрип...
 Ткут — и роздыха нет!..
А для этих ли мук
 их родили на свет?!
Полыхает ковер,
 словно кровью облит.
Это детство само,
 это детство горит!
Бахрома по краям —
 это челки ребят,
И узор —
 это детский сверкающий взгляд.
Полыхает ковер — тянет кровь из ребят...
Но я верю:
 они ничего не простят
И, восставших отцов провожая на бой,
Алым знаменем
 вскинут ковер над собой.

СЛАВА

В оркестре были мастера чудесные.
Трудились, не крича про свой талант.
Но бомбою замедленного действия
Упал к нам с неба новый музыкант.

Считая ожидания бесплодными,
Он к славе побежал, не чуя ног.
На голову, пустую и холодную,
Спеша надеть хоть краденый венок.

Он ловко путал музыку с клеветами,
На каждого сажая по пятну.
Он всплыть хотел, считая, что для этого
Полезно всех других пустить ко дну.

Мы поначалу даже не условили
Всех перемен фальшивого лица.

А тех, кто заподозрил, успокоили:
«Ну что ж, одна паршивая овца...»

Нам надо было заниматься нотами,
А он был так напорист, так речист,
Что оказалось вдруг, его заботами —
Все в пятнах. Только он, как голубь, чист!

Он, не создавший ни одной мелодии,
Гремел, свергал, то против был, то — за!
И смешанное с подлостью бесплодие
В конце концов нам бросилось в глаза.

Чтоб он сошел с трибуны, настояли мы,
Нет, мы не стали рук ему вязать!
Напротив — подвели его к роялю мы;
Но он, увы, не мог ни ноты взять!

* * *

Есть польза в этой перемене мест,
И всем нам право на нее даровано.
Мораль сей басни шире, чем оркестр,
И может быть иначе оркестрована!

НАЧАЛО

Вначале было небо голубое.
И я решил —
 вокруг всегда весна.
А беззаботная голубизна
Сиять вовеки будет надо мною.

Хотел откушать сладкую еду,
Но мне гора дорогу преградила.
«Через меня перевали-ка, милый.
Я — труд и пот.
 Готов ли ты к труду?»

Я понял все.
 Я устыдился лени.
Плывя против течения по реке,
Отбросил прочь наивность представлений
О жизни как о легком пустяке.

ПОРТРЕТ

*Турсуной Ахуновой —
Герою Социалистического Труда*

С нее, одетою в атлас
Воздушный,
Солнечно-лучистый,
Художник не спускает глаз,
Боясь холста коснуться кистью.

Еще вчера он представлял
Ее совсем, совсем другою,
Такой, что ставь на пьедестал —
Широкоплечей,
Боевою.

Нет,
У нее обычный вид,
Статьям газетным он неведом.
Она застенчиво глядит,
Напоминая дочь соседа.
А величавость, в чем она?..

Горят на красках солнца пятна.
И вот уж сердца глубина
Ему становится понятной.

Проворен кисти точный взмах...
И, слыша речь об отчем крае,
Он видит:
Девушка в полях
Машиной хлопок убирает.
Гордясь щедротами земли,
Она восторга скрыть не может...

И краски душу обрели,
И на холсте рисунок ожил.
И вот уже готов портрет.
Другой такой едва ль найдется,—
В нем ум отвагою согрет,
И в нем большое сердце бьется.

Со славой труд,
Как брат с сестрой,—
Они сроднились не напрасно.
Гордитесь нашей Турсуной,
Глядите,
Как она прекрасна!

РАЗГОВОР С МОЛОДОСТЬЮ

Ты стоишь предо мной, словно ранний рассвет,
Как любимая с трепетным словом «прощай».
Мне с тобой расставаться желания нет,
Все, что в сердце кипит, ты мне высказать дай.

Октябрем освященная, Молодость, ты
Начинала в грядущее славный поход.
Мы с тобою — дороги бывали круты —
Знали скорбь, знали радости звонкий полет.

Ты стремилась туда, где был бой горячей,
Комсомольский билет в гимнастерке храня.
Пот ее просолил, и лежал на плече,
Крепко втертый винтовкою, след от ремня.

Серп и молот в одной ты держала руке,
Вместе с книгой перо ты держала в другой

И шагала вперед, видя цель вдалеке,
И народ трудовой восхищался тобой.

Помню я: на кишлачный напали Совет
Басмачи и расправу творили свою.
Мой товарищ в петле встретил новый рассвет...
Мы за гибель его отомстили в бою.

Был отважен в походах твой глаз и остер.
Расцвела ты, в сраженьях врагов покоря.
Свои руки сплела ты с руками сестер
И направилась дальше путем Октября.

Навсегда ты из ткацких кустарных ушла
И гигантов над степью раскинула дым.
Ты надеждой отцов и в работе была,
И отцы воздавали хвалу молодым.

Я не мог тебя в модный костюм облачить,
Угостить первосортным душистым вином,
И любовь свою первую, в лунной ночи,
Я не мог самым ярким украсить цветком.

Но хотелось тебя мне увидеть в цветах,
Только я не цветы — наше счастье растил.
А теперь у меня белизна в волосах.
Это знак, что я честно боролся и жил.

Твой поэт я. Мой песенный путь с каждым днем
Все заметней в долину спускается с гор.
У каналов широких гуляем вдвоем
И душевный с тобою ведем разговор.

Каждый шаг твой отмечен свершением был,
Ты, как смерть, ненавидела праздность всегда,
Я б на сотню годов свою жизнь не сменил,
Если б не было в ней ни борьбы, ни труда.

Меня в бурях Октябрь нес на крыльях своих,
Славой он осенил моей жизни зарю.
Счастлив я, не завидуя счастьем других,
Что себя до конца отдал я Октябрю.

Ты стоишь предо мной, словно ранний рассвет,
Как любимая с трепетным словом «прощай».
Мне с тобой расставаться желания нет,
Все, что в сердце кипит, ты мне высказать дай.

В КРЕМЛЕ

Вот в Кремле я опять. Здесь идет совещанье большое.
В сердце новая сила встречается с новой мечтой.
Как хозяин, хожу по Кремлю с просветленной душой,
Ильичевы шаги словно слышу в соседстве с собой...

ШУКРУЛЛО

Шукрулло (Юсупов) родился в 1921 г. в Ташкенте. Окончив среднюю школу и Ташкентское педагогическое училище им. В. И. Ленина, он поступает на факультет языка и литературы Ташкентского вечернего педагогического института.

Шукрулло является автором лирических стихов. Ему принадлежат сборники «Первая тетрадь», «Песни сердца», «Вдохновение», «Избранные произведения», «Всю жизнь», «Дары весны», «Человек и добро», а также поэмы «На пороге коммунизма», «Россия», «Две скалы» и другие произведения.

Работает Шукрулло и в области художественного перевода

БЕССМЕРТИЕ

Словно по ладам прошелся мастер —
Волны собираются в меха,
А поет гармонь реки о счастье,
Песнь ее задумчиво тиха.

Вдруг она иначе зазвучала,
Вот уже шумит водоворот,
Но чиста река, она начало
На вершинах снежных гор берет.

На реку гляжу — душа встречает
В ней свой отзвук — словно дальний гром,
И от каждой капли жизнь играет,
Жизнь садами пенится кругом.

Как река весной все полноводней,
Так и наше счастье все полней,
И надежды Ильича сегодня
Расцветают в душах у людей...

МОЕ ЖЕЛАНЬЕ

Я молод. Все мне в жизни будет внове.
Все впереди, мечта моя жива!
И юность в жизни будет предисловьем,
Как будто в книге вводная глава!

Я так хочу, чтобы в грядущих строках
Не встретилось изъянов и пустот.
Я так хочу, чтобы невзгод жестоких
Нигде ничей не испытал народ!

Я так хочу, чтоб свежестью весенней
Был полон мир рассветною порой,
Чтоб много было счастья и свершений,
Чтоб враг не надругался над зарей!

Чтобы цветов, что выращены мною,
Не затоптал он грубым сапогом,

Чтоб хищный коршун над моей землею
Не смел взлетать бы с вражеских погон!

Я так хочу, хочу, как все, кто юны,
Наследие — свободу уберечь,
Чтоб все-таки достигли мы коммуны,
Пусть даже мне придется в битве лечь.

1941, 22 июня

РОССИЯ

(Отрывок из поэмы)

1

Вот степи пробежали мимо...
Незыблемый лесной массив
Встает, зеленый, нелюдимый,
Ветвями небо обхватив.
Дорога, словно в глубь тоннеля,
В дремучий этот лес вошла,
И по краям ее летели
Два темнохвойные крыла.
Синеют две полосы рельсов,
Стучат колеса: там-там-там!
А лес раздался, расшумелся,
Раздвинулся по сторонам.
Могучи сосны-исполины,
Их ветви в небеса вросли,
Зазубренные их вершины —
Как море хвойное вдали.
Они шумят... А поезд мчится,
За ним вдогонку — облака.

То луг ромашкового ситца,
То в травах светлая река,
То, словно зеркало в оправе
Зеленой, озеро блеснет...

Навеки быть счастливым вправе,
Кто это озеро найдет,
Кто здесь под дубом в три объята
Присядет на краю холма.
Макушка пламенем объята,
А у подножья дуба — тьма.
Все это было! Это было
Виденьями лесных чудес...
В то время солнце заходило,
Лучами был пронизан лес,
И птичья стая с песней звонкой
Кружилась в голубой дали,
И над извилистой речонкой
Березы белые росли...
И золотые, как монеты,
Листочки их при ветерке
Рубинового стали цвета,
И воды вспыхнули в реке.

А я как будто околдован,
Глаз от окна не отрывал:
Из золота заката скован,
Мир сказок предо мной вставал.

2

И песня о моей России
Росла в сердечной глубине...

Вдруг поезд стал. Места глухие.
Разъезд. Сходить тут надо мне,
И я сошел... Стою среди леса
Совсем один... Куда свернуть?..
Лес как зеленая завеса,
Ее раздвинул поезд чуть,
И, ниткой золотой сквозь ели
Мелькнув, из глаз моих исчез...
Сгущались сумерки, темнели,
Вокруг меня смыкался лес.
Я на гору взошел. Оттуда
Заря была еще видна.
На взгорье, как лесное чудо,
Стояла девушка одна.

И девушка, и лес, и солнце
Вечернее — передо мной!
...Казалось, все сейчас качнется,
Зеленой поднято волной,
Качнется и исчезнет песней...
Протер глаза — нет, не во сне!—
В красе дремучей, неизвестной
Сама Сибирь открылась мне.

Нет солнца. А над лесом небо
Желтеет в отсветах лучей.
Тому, кто никогда здесь не был,
Земная красота видней.
И я, как богатырь былинный,
Безмолвно на распутье встал,
За темною лесной низиной
И за селеньем наблюдал.

Заря сгорела в сером мраке,
 Померкнул в небе желтый свет,
 И серо-серебристый цвет
 Приобрели ручьи, овраги.
 Пристраиваясь на ночь, птицы
 Взлетали в сумраке с кустов...
 О, сколько красок и тонов
 Кругом меняется, таится!
 Повеял свежий ветерок,
 Погладил травы на полянах,
 Над тесом серых деревянных
 Домов сиреневый дымок.
 И гулкое мычанье стада
 Ко мне с низины донесло...
 О друге тут спросить бы надо,
 Не это ли его село...
 Быть может, тот старик могучий
 Со светлорусой бородой —
 Его сосед, приятель лучший...
 А может быть — отец родной?

А девушка, что повстречалась
 На ближней станции со мной
 И вновь на тропке показалась
 С корзиной ягоды лесной, —
 Быть может, родственница или
 Сестренка друга моего?..
 Спрошу?.. Но губы не спросили,
 Я не сказал ей ничего.
 Она взглянула тихо, строго,

С заботой, спрятанной в глазах,
Сказала: «Далека дорога...
Смотри, не заблудись в лесах!»

4

И мне в простом ее привете
Почуялся глубокий смысл:
Мол, заночуй в селенье этом,
В дорогу, путник, не стремись!

Дверь дома русского открыта
Для всех, кто к ним идет с добром.
Россия наша знаменита
Своим радушьем и теплом.
И я подумал: неужели
На новом для меня пути
Мне заблудиться в самом деле,
Себе приюта не найти?
Нет! В дом любой я мог войти бы,
В любой семье найти друзей...
Сказал я девушке: «Спасибо!
Не заблужусь в стране своей!»

Она с улыбкой молодою
Опять взглянула. И ушла.
Глядел я вслед, как шла тропею
Она до самого села...
...Не сердце ли мое с собою
Она в корзинке унесла?

1958

ДВЕ СКАЛЫ

(Отрывок из поэмы)

Уж над чарующей долиной
Спадает постепенно зной,
Шумит поток, то ярко-синий,
То вдруг прозрачно-золотой.
Пусть глух и нем ты от рожденья,
Тут песню сердце запоем,
Потока быстрое течение
Ее подхватит, понесет,
По хлопковым полям раздольным,
Садам фруктовым, цветникам,
По сырдарьинским беспокойным
И переливчатым волнам.

Сверкают Сыр-Дарьи разливы,
Как маргиланские шелка,
Как хан-атласа переливы
При дуновенье ветерка.

А может быть, не волны это,
А девушки из кишлаков
В атласе солнечного цвета
Танцуют в зелени садов?..

* * *

А в стороне, на возвышеньях,—
Старинной крепости стена.
На ней цветные украшения,
Арабской вязи письмена.
И в плавном повторенье линий,
Неувядающих цветов
Живет народа труд старинный,
Талант неизвестных мастеров.

Не охра с золотом в узоре —
Невольниц спекшаяся кровь,
Что тут в печали и в позоре
Свою оплакали любовь,
Что в каменных объятьях хана,
Как в склепе, умирали тут.
Ночами в синеве тумана
Их тени над рекой встают.
Круглы полов дворцовых камни,
Как головы казненных тут.
И травы, схожи с языками,
Из трещин каменных растут.
Они шевелятся, преданья
Рассказывая в тишине
О гнете тяжкого страданья,
О темной, страшной старине.

* * *

Опять я в думы погружен,
Как камень в глубину колодца.
Как бы страхнув тяжелый сон,
Открыл глаза, гляжу на солнце,
И мысли о делах тех дней
Взметнулись, в небо улетаая,
Как будто диких голубей
Пугливая взметнулась стая,
Что прошумела на лету
Над новой улицей колхозной,
Где Ленин смотрит в высоту,
В лучах отсвечивая бронзой.

ТУРАБ ТУЛА

ураб Тулародился в 1918 г. в селе Турбат, рядом с Ташкентом, в семье дехканина. Воспитывался в детском доме. В 1934—1937 гг. он занимается в театральном училище им. Лахути, в 1937—1941 гг. в Ташкентском вечернем пединституте им. В. Белинского. Затем работает литературным сотрудником в журнале «Еш куч», в газетах «Еш ленинчи», «Кизил Узбекистан», на радио и киностудии «Узбекфильм», в Союзе кинематографистов Узбекистана.

Первое стихотворение Тураб Тулы было напечатано в 1934 г. За прошедшие годы поэтом созданы сборники «Стихи», «Моя радость», «Улыбка», «Рассвет счастья», «Летите, песни мои», «Блаженство» и «Избранные произведения».

Тураб Тула работает и в области киноискусства, художественного перевода, публицистики.

У БАРЕЛЬЕФА
БАКИНСКИМ КОМИССАРАМ

Когда раскаленные осы
вырвались из наганов,
скопив в револьверных сотах
смертельную дозу зла,
и мертвая желтая осыпь
тронулась под ногами
и, алым питаюсь соком,¹
куда-то вниз поползла;
когда разжались губы
последним смертным стоном
и шел на смену бессонницам
неумолимый сон,
а шепот казался гулом,
и смерть вы встречали стоя,
глядя,
как черное солнце
падает за горизонт —

тогда,
на незримых крыльях
пересекая Каспий,
что в желтую пену рядился,
и грохотал, и выл,
слились с моим первым криком
ваши слова недосказанные:

я

в тот час родился,
когда умирали вы!
Двадцать шесть вас было
над этим страшным оврагом,
под этим свинцом раскаленным —
никто не остался жить!

Двадцать шесть вас

убили...

Но в жизнь вы пришли обратно —
в тысячах, в миллионах!—
дело свое довершить.

Да, я в тот день родился,
когда вы умирали.

Но сердце мое, как рана,
как свежая рана, саднит.

Как будто в этом сраженье
между двумя мирами
падал я с вами рядом
незримым

двадцать седьмым!

ДЕВУШКАМ ИЗ ГОРОДА ГАЗЛИ

*Посвящается девушкам
из Города Голубого огня*

Над пустыней сумерки спускаются,
И гурьбой, в спецовках и в пыли,
Весело со смены возвращаются
Стройные красавицы Газли.

Как всегда, среди подруг блистаешь ты,
Как всегда, друзья стучат в окно.
Что ж так долго косы заплетаешь ты?
Выходи,— мы ждем тебя давно.

Ты не только сварщицей отменною —
Первою из девушек сльвешь,
Горячей, чем сварка автогенная,
Парня ты глазами обожжешь.

И тогда напрасно отговаривать —
Он на край земли пойдет с тобой!
А ведь сталь со сталью легче сваривать,
Чем судьбу соединять с судьбой.

ДУМЫ У МОЕГО ОКНА

Где ты, души моей услада?
Я жду...
Явись ко мне скорей,
Разлейся вешним ароматом
В саду поэзии моей.
Приди ко мне!
Что хочешь делай —
Резвись и смейся от души,
Врывайся ветром шаловливым,
Мои бумаги вороши!
Но только молви:
Кто ты? Кто ты?
Откуда ты? И почему
Ты лишь дразнящей невидимкой
К окну подходишь моему?
Зачем душистым, гибким ветром
Ты плечи обнимаешь мне?

Зачем весеннею тревогой
Ты душу наполняешь мне?
Порой, как будто забавляясь,
Украдкой стукнешь мне в окно,
Хочу поймать тебя — но тщетно:
Ты ускользаешь все равно.
Порой по веткам пробегаешь,
Рождая радостную дрожь,
И про счастливый край влюбленных
Чуть слышной арфою поешь...
Кто ты такая?
Я не знаю...
Когда поешь издалека,
В сердцах у юношей — томленье,
В глазах у девушек — тоска.
Когда же ветром вдохновенья
Пронизываешь грудь мою,
Заворожен и околдован,
Лишь о тебе одной пою!..
Зачем волшебницей лукавой
Вокруг меня блуждаешь ты?
Зачем пугливые вопросы
В душе моей рождаешь ты?
Как звать тебя?
Кто ты такая?..
То золотым весенним днем
Цветами — платьем белоснежным —
Оденешь вишню за окном,
То, звонкой птичкой сев на ветку,
Ее качнешь —
И упорхнешь,
То ароматом влажной мяты
В лицо дохнешь —

И ускользнешь,
То голубым каналом льешься
И отражаешь деревца,
И сказками Шахразады
Журчишь, струишься без конца...
То солнце тучами закроешь
И загремишь в горах грозой,
То, словно радужные серьги,
Повиснешь на цветах росой,
То ласточкою острокрылой
В гнездо уносишься стремглав,
То песней жаворонка реешь
Над солнечным разливом трав!
То запахом джиды повеешь,
То над задумчивой водой
Серебряные косы свесишь
Плакучей ивы молодой,
То тысячами ярких маков
Глядишь из луговой травы,
То волосы себе повяжешь
Платком небесной синевы...
— Довольно!
Брось играть со мною!
Довольно! Хватит колдовать!
Зачем меня ты заставляешь
Так долго ждать и тосковать?
Уж и стихи мои томятся —
Желанной встречи заждались!
Прошу тебя:
Не прячься больше
И наяву ко мне явись!—
Так повторял, как одержимый,
Так умолял я много дней...

И сжалиться она решила,
И снизошла к мольбе моей.
Исполнилось желание сердца!
И вот однажды поутру,
Ступая по степным тюльпанам.
Как по узорному ковру,
Она пришла:
Не гордой пери —
Простою девушкою гор,
Приветливой, красивой, стройной,
С весенним именем — Бахор.
Вот ты какая!
Молодая,
Полна лукавства и огня!..
Так ты и есть та чаровница,
Что столько мучила меня?
Так это ты и днем и ночью
Играла мною, как могла,
И душу сладким наважденьем
Томила, изводила, жгла?..
Вот ты какая!
Огневая,
Вся полная весенних сил!
Такой — еще в глаза не видел —
Тебя я знал, тебя любил.
Дай руку,
Будь моей подругой.
Постой, не рвись, не уходи,
В свои сады —
В свой край цветущий —
Меня отсюда уведи!
Пускай, увидев наше счастье,
Изумлены, посрамлены,

От зависти язык прикусят
Все сплетники и болтуны.
Дай обниму тебя,
И вместе
Отправимся в сады твои!
Люби меня...
А я представлю
Все доказательства любви!
Захочешь,—
И тебе под ноги
Ковром тюльпанов расстелюсь,
В твои змеящиеся косы
Багряной лентою вплетусь.
Захочешь —
Превращусь у дома
В прохладный чистый ручеек
Иль ветром мимолетным стану
Твой милый подметать порог.
Петь под окном твоим я буду,
Бросая вызов соловью,
Под милой кровлею твоею
Гнездо, как ласточка, совью.
Душистой яблоневою веткой
Я расцвету в твоём саду,
Когда ж плодом румяным стану —
К ногам любимой упаду.
Преображен твоей любовью,
Как сад — нахлынувшей весной,
Цвести и зреть еще щедрее
Я буду на земле родной.
Весь, без остатка, бурным ливнем
Впитаюсь в родину свою,
А день придет —

Ключом кристальным
Я из ее груди забью!
Хочу,
Чтоб жизнь моя пылала,
Как жизнь твоя — одним огнем!
Пускай не молодость уходит —
Уходят только день за днем.
Но лишь бы ты не уходила —
Всегда, всегда была вблизи!
Играй, колдуй, о чаровница,
Всю жизнь мою преобрази,
Весенней бурей стань —
И настезь
Все окна сердца распахни,
В моей судьбе,
В душе и в доме
Все кверху дном переверни,
Весь мир вокруг весенним сделай,
Перемешай мечты и явь
И песней,
Утреннюю песней
Со мною вместе жизнь прослави!

БЛАГОДАРЮ

Я видел птиц, каких у нас и нет,
деревья, что и не рассмотришь снизу.
Я пересек далекий континент,
который дедам,

может, и не снился.

Я видел Нил — и вспоминал Дарью.
Ливийский ветер
пот со лба мне вытер...
И я свою судьбу благодарю
за все,

что в той, чужой земле увидел
У пирамид, что в солнечном огне
горят века, пустую тень бросая,
судьба феллаха приоткрылась мне —
униженная,

нищая,

босая...

Я видел там,
как, дочерна сгорев,
лучам и страху гибельно открытый,
рискует жизнью человек-скелет
для развлечения толстяка-туриста;
на тощей ниве трудится джигит,
иссохшими колосьями исколот;
и крутится,
и крутится чигирь,
как круг судьбы,
не знающий исхода..

Был мой маршрут велик
и напряжен.
Но я увидел, долгий путь проделав,
каким

народ мой к Октябрю пришел,
какой была судьба
отцов и дедов.

Я видел Нил —
и вспоминал Дарью..
От всей души, ликующей и чистой,
тысячекратно вас благодарю,
мой славный век,
великая Отчизна!
Я мир прошел,
переплывал моря —
красу земли

я видел без прикрасы.
И знаю я,
республика моя,
что нет страны
моложе и прекрасней!

♀

САИД НАЗАР

(1909—1959)

Поэт, прозаик, драматург и журналист Саид Назар родился в Хиве. Его отец, писавший стихи под псевдонимом Шинаси, умер, когда Саид Назару было пять лет. Будущий поэт учится в старометодной, а затем в советской школах. В 1935—1937 гг. он занимается в Самаркандском государственном учительском институте, а в 1937—1940 гг.—на факультете языка и литературы вечернего педагогического института.

Саид Назар работал в органах народного просвещения (1925—1935), на рабфаке, в редакциях самаркандских газет (1940—1959) и председателем Самаркандского областного отделения Союза писателей Узбекистана.

Писательская биография Саида Назара началась с 1940 г.

Вышли в свет его поэмы и сборники стихов «Саодат», «Эрнафас», «Любовь и ненависть», «Свидание и разлука», «Обещание и дела», книги рассказов и очерков «Эпизоды», «Весна», «Сильные люди», «Мои друзья», пьесы «Возвращение героя», «Цитадель девушки» и другие.

Еще не жарит и еще не жалит.
Но можно ль
 просто ждать
До первых ласточек,
До бурного разлива вешних рек,
До тишины ночей весенних ласковых?
Нельзя, мой мальчик!
Ты же человек.
А раз ты человек,
 то день и ночь
Трудись,
 беспечность мотылькам оставив.
Иди в поля,
Спеши весне помочь,
Встречай весну в своем бригадном стане!
Я славлю тех,
 кто раньше всех встает
На всех полях моей родной державы.
Чтоб день грядущий,
 быстрый,
 как полет,
Почувствовать в руке своей шершавой.
Спеши, мой мальчик,
Дни опережай,
Лети,
 как на коне лихой наездник,
И будет так богат твой урожай,
Как будто больше высеял раз в двести!
Я это все постиг на склоне лет
И поделиться рад с тобой, как хлебом,
Чтоб на родной земле, под мирным небом
И ты, сынок, сумел оставить след.

ТАНЦОВЩИЦА

На лепестки цветов упал спокойный свет луны.
 Был вечер тих и чист.
Переливаясь, как опал, как пенный край волны,
 Светился каждый лист.
И тихо музыка плыла, как будто пел цветник,—
 Вот так душа поет!
И танец, словно взмах крыла, из музыки возник,
 Прекрасный, как полет.
У танцовщицы — ярче роз губ нежных лепестки,
 Глубок, как небо, взгляд,
А струи кос в мерцанье звезд — бесшумны и легки,
 Как бабочки, летят.
Ее платок, как лепесток, что сорван ветерком,
 Кольшется в руке.
Танцует девушка-цветок, задорным огоньком
 Мелькает в цветнике.
Танцует девушка, и ночь робеет перед ней
 И отступает прочь.

Цветок отчизны, мира дочь, дитя счастливых
дней,—

Ты прогоняешь ночь!
Ты даришь радость, ты несешь бессмертную
любовь

Земле своих отцов.
А если вдруг труба борьбы нам проиграет
«В бой!»—
Зажжешь сердца бойцов!

ЛОЛА

(Тюльпан)

Лола,
 Лола!
В чем секрет твой,
Лола?
Что таит твой каждый лепесток?
Отчего,
 то грустный,
 то веселый,
Человеку дорог твой цветок?
Отчего я дорог людям?
Знаю.
Никаких секретов не таю.
Погляди:
 я красен, словно знамя,
Словно кровь,
 что пролита в бою.

Цвет зари
И цвет вина в стакане,
Драгоценный цвет любимых губ...
Вот что в сердце никогда не вянет,
Вот за что я человеку люб!

БУРЕВЕСТНИК

Сердцем Данко
 было это сердце,
Яркое и жаркое, как факел.
Свет его вовеки не рассеется,
Поведег в победные атаки.
«Горький...»—
 наши рощи горько шепчут.
«Горький!»—
 распевают волны звонко.
Гордых слов его чистейший жемчуг —
Мудрость старца,
Доброта ребенка.
Человек не вечен, он уходит...
Буревестник,
Ты остался с нами!
Гулом строек,
 песней,
 половодьем.

Ниткою, вплетенной в наше знамя,
Горький,

твои книги каждым словом,
Каждой строчкой

Вызов злу бросают.

Бьются неподкупно и сурово,

Зло кромсают,

Насмерть зло пронзают,—

Зло

с его змеиным хитрым жалом,—

Высшей справедливости кинжалом.

ШУКУР САГДУЛЛА

Шукур Сагдулла родился в 1912 г. в Джизаке, в семье служащего.

Окончив среднюю школу в Джизаке, Шукур Сагдулла продолжает образование в Самарканде — в педагогическом училище, а затем в государственном университете им. Алишера Навои.

С 1931 года он работает в редакциях газет и издательства республики.

Творческая биография Шукура Сагдуллы начинается с 1930 г.

Выходят сборники его стихов «Возглас», «Хитрый воробей», «Что ты сделал?», «Шахиста», «Приятный день», «Наш праздник», «Стихи», «Великий город», «Стихи и сказки», «Услужливая дочь», «Твой альбом», «Костер», «Праздник в поле», «Два браслета», пьеса «Наш боец» и многие другие книги.

Все основные произведения написаны поэтом для детей.

ЛИВЕНЬ

Дождик беспрестанный,
Дождик проливной
Стенкою стеклянной
Встал передо мной.
Льется все сильнее,
В листьях шелестит,
Травы зеленее
На его пути.
У дождя обычай,
Знаете, какой?
Сделал он арычек
Бурною рекой.
Нынче рад умыться
Каждый стебелек.
Между грядок мчится
Пенистый поток.
Звонкий и проворный

Дождик золотой!
Напоит он зерна
Чистой водой.
Пусть журчит, струится,
Льется через край!
Хлопка и пшеницы
Будет урожай.

ВРЕМЕНА ГОДА

ВЕСНА

Смеется алая заря,
Ковер зеленый на холме.
Умчались тучи за моря,
Друзья, настал конец зиме!

Ладочки листьев развернул
Наш сад — он весь стоит в цвету.
И, прорезая тишину,
Рокочет трактор на ходу.

Повсюду жизнь, повсюду труд,
Кипит работа на полях,—
Здесь песни звонкие поют
И щедрых зерен ждет земля.

ЛЕТО

Кто у нас не любит лето —
Праздник солнца, праздник света!
Теплый ветер в поле веет,
На холмах пшеница зреет.

Птичье пенье всюду слышно,
С каждым днем алее вишни.
Вот урюк румянобокий,
Налитой душистым соком,—

Это солнце жаркой силой
Так его позолотило!
Огурцы горой на грядках,
Ранней дыни запах сладкий...

Груши, яблоки, орехи!..
Рвите, дети, без помехи.
Сыплет ветер вам в подолы
Град душистый и тяжелый,—
Ветер с ветками играет...
Фруктов вволю в нашем крае!

ОСЕНЬ

Прохладой веет по утрам,
Прозрачно небо синее.
В траве крупинки серебра —
Сверкающего инея.

Все меньше света и тепла,—
Мы знаем: осень к нам пришла!

Ребята в школу по утрам
Торопятся с портфелями.
В полях — горячая пора:
Ведь хлопка — горы целые!

Все реже на деревьях лист,
Холодный воздух свеж и чист.
Вот наша осень золотая —
Пора большого урожая!

ЗИМА

Не слышен гул больших работ —
Осенних радостных забот.
Одел всю нашу землю
Большой ковер зимы.
Поля под снегом дремлют,
Спят рощи и холмы.

И днем и ночью сыплет снег,
Река остановила бег,—
Мороз построил мостик
Из голубого льда.
Пришла к нам елка в гости,
На маковке — звезда!

1956

ШУХРАТ

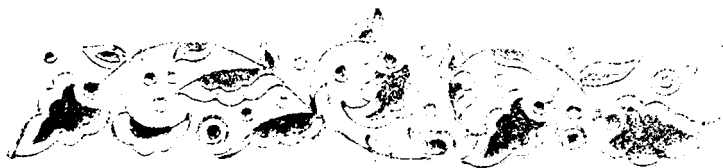
Шухрат (Гулям Алимов) родился в 1918 г. в Ташкенте, в семье ремесленника. Окончив в 1936 г. среднюю школу, учится на факультете узбекского языка и литературы Ташкентского государственного педагогического института.

Первые стихи Шухрата начали появляться в печати рано, в 1935 г. В 1940 г. была издана поэма «Мехрал». В том же году увидела свет и поэма «Желание и месть».

В 1941—1944 гг. Шухрат находился на фронтах Великой Отечественной войны.

После войны он выпускает сборники стихов «Дыхание жизни», «Братья», «Твоя любовь», «В честь вас» и другие.

Шухрат работает и в области прозы. Он создал сборник рассказов «Балогат», романы «Годы в шинелях», «Золото не ржавеет» и другие произведения.

ПЛАКУЧАЯ ИВА

Что же ветви, одетые легкой листвою,
Ты склонила к земле, изогнула шатром?
Что не вскинешь ты гордо зеленой главой,
К небесам устремляясь в полете прямом?

Иль боишься, что солнце тебя обожжет?
Иль стыдишься бескрайних зеркал синевы?
Иль влюбленных от взглядов чужих бережет
Полог этой склонившейся долу листвы?

Или горе согнуло тебя на века
Так, что выплакать слез до сих пор не смогла?
Видно, ноша печали твоей нелегка,
Видно, ноша обиды твоей тяжела...

— Не печаль и не горе согнули меня,
Не лихой богатырь притянул до земли.

Нет титанов таких, чтобы, долу клоня,
Мои ветки веками держать бы могли.

Я из этой чудесной земли возросла,
Здесь купалась в туманах седых поутру,
Здесь я грелась дыханьем земного тепла,
Здесь листву заплетала косой на ветру.

Я из этой земли возросла, и, поверь,
Нет на свете другой — ни теплой, ни родней,
Я из этой земли возросла — и теперь
Благодарно склонилась в поклоне пред ней.

В МИРЗАЧУЛЕ

Паровоз прогудел...
И мельчайший песок
С саксаульных ветвей, словно
струйки, потек,
И пустыня оглохла:
Ей тысячи лет,
И противиться людям в ней силы
уж нет.

Машинист напевает:
Вот сын подрастет,
И помощником сына к себе он
возьмет.
И невестка, что вырастит сад
на песках,
В знойный полдень их встретит
С арбузом в руках.

СТАТУЯ*

В одной руке ты держишь пиалу,
в другой руке твой меч сверкает острый.
Мечом противоборствуешь ты злу,
вином даришь друзей, как наши сестры.

Ты мне такую видишься вдали,
как будто бы к себе ты приглашаешь
меня, посланца дружеской земли,
к которой ты доверие питаешь.

Я подошел доверчиво к тебе —
глаза живут, скорбь изогнула брови.
Как много горького в твоей судьбе,
я на мече увидел капли крови.

* В Тбилиси на горе находится статуя девушки — символ Грузии.

Но ты улыбкой встретила меня,
вином, как солнце, ярким угостила.
Я друг твой навсегда. И нет огня,
чтоб дружбу сжег, что нас с тобой сплотила.

И наша дружба, верь мне, о сестра,
безбрежней океана, скал прочнее,
Что ей вода, что вечные ветра!
Ее сломить и время не сумеет!

Ты — Грузия сама. Живи в столетьях! ·
Стой гордо. Будь счастливей всех на свете!

БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ

Еще не смолкают
 раскаты «Авроры»,
Еще от сражений
 дымятся просторы,
В горячих боях,
 как суровый солдат,
Железным заслоном
 встает Петроград.
А мы дни и ночи
 проводим в цехах,
И часто бывает —
 с винтовкой в руках
С врагами короткий
 ведем разговор,
К станку прижимаясь,
 стреляем в упор.
Когда же усталость
 берет, побеждая.

Мы падаем камнем,
в цеху засыпая.
Но стойко, сурово —
ни шагу назад —
Стоит у завода рабочий отряд.
В те дни над землей
занималась заря,
И счастье рождалось
в боях Октября.
Тогда я был молод,
задорен, здоров,
И знал, что навеки
прогоним врагов.
И вот из таких,
друг на друга похожих,
Был создан отдельный
отряд молодежи.
Такой, что мы смерти
сказали в те дни:
«Нет времени нам,
прочь с дороги уйди!»
Однажды с рассветом
в Смольный, в наряд,
Назначен был наш
молодежный отряд.
И я в коридоре
стоял часовым.
Спеша и волнуясь,
один за другим
Шли люди простые по важному делу,
Тут жизнь, как в котле,
бушевала, кипела.

Тут сердце победы,
штаб революции,
Опора народа;
за счастье тут бьются.
Я видел решительных, смелых людей,
Уверенных в силе
и правде своей.
С утра и до вечера
я простоял,
Людей не хватало —
никто не сменял.
Такое нередко в отряде случалось...
Меня, как болезнь,
изнуряла усталость.
Уже на ногах
я держался едва,
Клонилась все ниже
моя голова.
Я долго крепился,
но сам не заметил,
Как вышло, что я
задремал на рассвете.
Сквозь сон вдруг услышал
шаги в коридоре,
И кто-то к плечу
прикасается вскоре,
Легко, по-отцовски,
давая понять:
Ты хочешь — не хочешь,
а надо вставать.
Я вздрогнул;
с трудом открываю глаза.

Стоять на ногах
уже не было сил.
«Пройдемте ко мне...»
За Лениным вслед
Я молча вошел
в простой кабинет
И роскоши здесь
никакой не нашел:
Лишь книги повсюду
да письменный стол.
«Ну, как вы живете?
Где ваша семья?»
И Ленин внимательно
слушал меня.
Я рассказал,
что отец мой скончался,—
Всю жизнь он с работой
тяжелою знался,
Что братья без вести
на фронте пропали,
Что мать и сестренки
ютятся в подвале,
Что мать заболела,
и что с ней — не знаю,
С полмесяца дома
уже не бываю.
Владимир Ильич
покачал головой:
«Разве так можно?
Сейчас же домой...
Мать столько дней нездорова,
в постели,

А вы до сих пор
навестить не сумели.
Мать берегите...
Именем «мать»
Мы Родину стали
свою называть.
Сердцем растила вас,
жизнью и кровью,
И вы дорожите
ее здоровьем».
...Домой в этот день
я добраться не смог,
На сутки на трети
ступил на порог.
Вошел — и не верю глазам...
Вот так дело:
Мать моя будто
совсем не болела!
Сестры веселые...
все незнакомо...
Праздник сегодня,
не иначе, дома.
«Вчера, — рассказали, —
негаданно, днем
Два человека
явились в наш дом.
Один из них врач,
военный другой,
Кулек он придерживал
крепкой рѳкой.
«Мы к вам...
прислали из Смольного нас».

Нам не забыть
 этот радостный час,
Нам не забыть
 этот день вовек.
Кто же прислал?
 Какой человек?
Видно, заботливей
 нет на свете,
Если увидел он,
 сразу заметил...»
Я понял. Конечно,
 без всяких сомнений,
Соратников к нам
 присылает Ленин!
Матери трудно
 в жизни пришлось,
Много работницей
 пролито слез.
Но та, что скатилась
 сейчас слеза,
Радостью светлой
 блеснула в глазах.
«Ленин... Ленин... —
 шептала мать,—
Казалось, мне счастья
 вовек не видать.
Ты и свободу,
 и жизнь мне принес...»
Мать не скрывала сверкающих слез.

1957

САИДА ЗУННУНОВА

Саида Зуннунова родилась в 1926 г. в Андижане, в семье служащего. Закончив среднюю школу, она в 1941 г. поступает в Андижанский учительский институт, затем продолжает свое образование на филологическом факультете Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина.

В 1948 г. поэтесса выпускает сборник «Ваша дочь написала», за ним выходят «Новые стихи», «Долина цветов», «Милые девушки» и другие.

Работая в области художественной прозы, Саида Зуннунова создала сборники рассказов «Гульбахор», «Каноат», «Дружба», повести «Новый директор», «Костер», «Олов», «Среди людей».

А БЫЛО ТАК?..

Когда-то я старалась угадать,
Кто он, с кем век мой будет вместе прожит?
А вдруг заставит он меня страдать?
Вдруг увидеть души моей не сможет?

Еще не зная, где он — милый мой,—
Я нашу близость сердцем ощущала,
В мечтах встречала взгляд его прямой,
И взглядом, полным счастья, отвечала.

И ты ведь так? Скажи, ты тосковал?
Упрямо веря, дожидался встречи?
Искал в садах и у прибрежных скал,
Не зная, близко я или далече?

Ты обо мне рассказывал в ночи
Цветам и звездам, нежностью томимый?
А если все не так — молчи, молчи
И называть не смей меня любимой!

СВИДАНИЕ

Минуты волочились, как арба,
я так к тебе бежала, так стремилась!
И — опоздала! Женская судьба.
А ты... Да что с тобой, скажи на милость?

За пять минут ты словно жизнь прожил;
навстречу мне чужие сжались губы,
на лбу сердито вздулся узел жил,
глаза взглянули с недоверьем грубым.

Еще минута — ты б меня клеймил,
и ревновал бы, и ломал мне руки!
Нет, ты таким не люб мне и не мил,
боюсь за наши встречи и разлуки!

Жаль, раньше я, мой милый человек,
к тебе такому вот не прикасалась.

Мне жизнь свою вручить тебе навек
вдруг, на минуту, страшным показалось...

* * *

Ни разу ревности я воли не дала,
ни разу быть скупой с тобою не смогла,
моя любовь к тебе была, как снег, бела
и ранней сединой на волосы легла.

.....

Когда пишу стихи —
огонь в груди бушует
и отблески сверкают
на лице моем. И
и вновь я познаю,
что нашу жизнь большую
ни с чем нельзя сравнить...
Что краше мы найдем!
Когда пишу стихи —
все радости Вселенной
являются ко мне
идут одной толпой.
И мысль моя, как луч,
рождаясь постепенно,
вдруг ляжет, в один миг
загорится первой строфой.
Когда пишу стихи —
мне кажется, что камни

трепещут, дышат,
оживая, как сердца.
Деревья в зимний день
совсем иными станут,
оденутся листвою.
И нет весне конца.
Когда пишу стихи —
я вижу, юность снова
перешагнула твердо в дом
через порог.
Тогда о дружбе и любви
родится слово,
которое ты с юных лет
в груди берег.
Когда пишу стихи —
так хочется мне песней
весь мир обнять.
Он очень близок в этот час.
И чувствовать,
как сердцу в строчках стало тесно,
как на перо мое
глядят десятки тысяч глаз.
То вы, читатели, глядите.
Я вас вижу,
вы столько дали мне для песен
сил, огня!
Для вас мои стихи,
роднее нет людей и ближе,
и ваши имена
ведь в сердце у меня.

СУЛТАН АКБАРИ

Султан Акбари родился в 1923 г. в Ташкенте. Окончив в 1934 г. среднюю школу, занимается журналистикой. В 1942—1946 гг. служил в рядах Советской Армии. Позже работал в Узбекском государственном издательстве художественной литературы, заместителем редактора газеты «Сырдарья хакикати», в редакции журнала «Шарк юлдузи».

Первый сборник поэта «Я приветствую мир» вышел в 1951 г., за ним следуют сборники «Творцы», «Песни души», «Вихри», «Пламя» и другие.

Султан Акбари является автором поэм «Мирзачульская тетрадь», «Сын», «Раскаятие», «Моя махалля»,

РОДИНЕ

Хочу я ветром по полям летать
Я песню всем цветам твоим спою
Хотел бы я потоком бурным летать,
Чтоб вечной жажду утолять твою,
Хочу я стать дождем, жару назло,
Рукой прохладной я б тебя ласкаю
Я б, солнцем став, тебе отдал тепло
Чтоб мед в твоих садах не иссякал,
Я б, став луной, тебе всю ночь светил
Глаз от тебя не мог бы отвести
Я стал бы ураганом, полным сил,
Чтоб всех твоих врагов с земли смести!

ИЗ НОВОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Стихи писать, — иди же заветные явь
Димф-пожалуй, и довяннею жет
яово ни до по сложенной, тядли эн II
Чем атомнофрасщеплять ядро, ололо II
Тут не раскатишься, как на лыжне,
Чтобы проникнуть в ядро, атоуп II
в сердце, ято эн, мтеор II
ныи — им ж ея в кровь,
ымат индзавео ать в до в интродви дедь
! атема в аи йштл * ойни д эвоке в Я

Ты чувств чужих не разбивай с искусством:
Их, как стекло, не склеишь ты опять.
А чтоб из чувств могло "напитаться" чувство,
Необходимо людям доверять.
лшшт йонш * * * я къявлн эн

Человек,
что насадил платаны,
Не переживет их,
сгинет молнией.

Лишь в делах своих
бессмертным станет,
Коль душа его
— любовью наполнилась.

* * *

Лети же, мое сердце, словно луч,
Лети многоступенчатой ракетой!
Ты — не кусочек мяса,—
жизни ключ,
Которым отворяю я рассветы.

* * *

Как зачиналась жизнь с простых основ,
Так возникают и стихи из рифмы.
И не щадят слова ни чувств, ни слов,—
Неколебимые, как логарифмы.

И пусть законов тяготенья мы,
Поэты, не открыли,—
все ж мы — маги:
Ведь нам дано собрать созвездий тьмы
В строке единой, легшей на бумаге!

* * *

И этот стих мой, о двадцатый век,
Ты сам сегодня подпиши,
Чтобы рожденный нынче человек
Не плакал в завтрашней тиши.

Я НЕ ВЫПРАШИВАЮ ЖИЗНИ...

Нет, я не выпрашиваю жизни,
Нищенство — мне мачехи горшей.
 Попрошайке — жизнь как горсть грошей.

Долгой жизни сам я добиваюсь —
Лишь руками, тяжкими, как труд.
 Не судьба дает — я сам беру!

Нет, я не выклянчиваю счастья,
Случая не стерегу с утра,
 И слепой удаче — я не раб!

Счастье мое — щедро и красиво,
Самолично я его создал,
Чтобы свет меня же ослеплял.

Нет, я не выклянчиваю мира:
Робких не щадит рука войны,
С трусами лишь бедствия дружны.

Если враг дорогу мне преступит,
Отниму его покой навек:
Ось вселенной держит Человек!

СЧАСТЬЕ

Счастье

Счастье мое!

На дорожных камнях

Спотыкаясь со мною,

рождались ты в муках.

Я тебя,

как росу на рассветных цветах,

Подставляю

под солнца надежные руки.

Я с народом

учился любить и терпеть.

Как чигирь,

упивался я родостью пьяной.

Ты в крови моих песен хотело кипеть,

Так гори ж в моем сердце,

как в чаше тюльпана!

И ликуй!
И ликуй!
Не далось мне легко
Сотворить
из любви тебя и сострадания,
Чтобы, в сердце моем угнездясь глубоко,
Ты
все жилы могло
сотрясать клочкотаньем!
Ты — мое!
Ты — мое!
Повторяю опять!
Ты — мое!
Нераздельно-тревожное счастье!
И не дам никому
я тебя растерзать,
Не смогу поделить,
как базарное мясо.

Если б кто-то задумал тобой овладеть —
И любовью,
и жизни улыбкою древней,—
Ты ответь за меня, мое счастье,
ответь:
— Насади-ка ты сам,
как садовник
деревья!

ПУЛАТ МУМИН

Пулат Мумин родился в 1922 г. в Ташкенте, в семье дехканина. Он окончил педагогическое училище, факультет языка и литературы Ташкентского государственного педагогического института им. Низами (1944).

Пулат Мумин преподавал литературу в школе киноактеров, работал в редакции газеты «Ленин учкуни», в Государственном издательстве Узбекской ССР, в аппарате Союза писателей Узбекистана и в Управлении искусств министерства Культуры Узбекской ССР.

Стихи Пулата Мумина начали появляться в печати с 1944 г. С 1949 г. выходят сборники его стихов, написанные для детей, «Пойте, птицы!», «Золотые колосья», «Утренние напевы», «Будь готов», «Сказка о зубной щетке, порошке и мыле», «Солнце взошло», «Уметь и иметь», «В правде красота», «Газ палван», «Эх, до чего сладка», «Где находится ум», «Мои друзья», поэма «Смена» и другие.

СОЛНЦЕ

ЗЕМЛЮ ПРИГРЕЛО

Солнце землю пригрело
Много весною (дела им были)
Вижу, отец в саду, жму
Я, помогать иду, а никак
Стал я просить отца
— Дай посажу деревца!
Сину отец разогнул
Саженьцы о мне протянул
Прежде водой арыка
Землю, сынок, напою-ка
Ямки поглубже рою,
Корни земель прикрою.

Я деревца охранял,
Коз и овец отгонял,

Взял я в сарае топор,
Сделал высокий забор.
Сидел на нем я долго,
Сидел, землю пригрело.
Ожило все и запело.
Сад встрепенулся,

и вдруг
Весело стало вокруг.

Листик, очерченный тонко,
Точно ушко жеребенка,
Вылез из почки тугой.
Вылез,
а рядом другой!

Солнце землю согрело;
Сад разрастается смело;
Сажены все принялись,
Соком стволы налились,
Ветки листвою одеты.
— Папа! Пойди сюда! Где ты?—
— Вижу,— сказал мне отец,—
Ты у меня молодец!

Солнце в небе горело,
Ветки лучом задело.
В зелени их густой
Персик созрел золотой.
Взял я персик руками—
Это в подарок маме.
Папе отдам второй.
Эти брату с сестрой.

Бабушке — самый спелый,
Розовый, загорелый.
А самый маленький — мне!
Он тоже созрел вполне!

ВО ДВОРЕ ПОСПЕЛ ТУТ

Тутовник плодоносит
У нас в тот год.
Кто ягод ни попросит —
Он всем их раздает.

Красивый и могучий,
Закрыв он тенью сад.
Плоды в зеленой туче,
Как жемчуга, висят.

Своей рукой когда-то
Сажал его мой дед.
Тутовнику, ребята,
Шестой десяток лет!

Склонился он над сонной
Арычною водой.

Тутовник — весь зеленый,
А дедушка — седой.

Сегодня спелых ягод
Наесться мы должны,
Наесться сразу на год,
До будущей весны!

И старший брат мой прав,
Не думал о плохом,
Когда он ствол корявый
Ударил обухом.

Мы растянули простыню
Под деревом и ждем.
Вдруг ягоды — как просто!—
Посыпались дождем...

Тут дедушка случайно
Заходит к нам во двор,
На дерево печально
Взглянув, он взял топор.

И строго нам заметил,
Качая головой:
— Ствол не железный, дети,
Он, как и вы, живой!

Тутовник наш отныне
Мы бережно трясем,
А ягоды в корзине
Торжественно несем!

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

— Скорей! — грозитя осень, —
Несу я в тучах дождь.
— Постой, — мы очень просим, —
Ты хлопок наш не трожь!

Новые комбайны
Работают ловко.
Все меньше, меньше на поле
Неубранного хлопка.

Скорей! Уже двенадцать,
Над полем жаркий зной.
Попробуй-ка угнаться
За тетей Турсуной!

Мы собираем быстро —
В отряде сорок рук.

Горою серебристой
Навален белый пух.

Раскрытая коробочка
Похожа на звезду —
В ней солнечное, белое
Я золото найду.

КУДРАТ ХИКМАТ

Кудрат Хикмат родился в 1925 г. в Ташкенте, в семье дехканина. После окончания средней школы (1944) он учился на курсах киномехаников и в техникуме. В 1957 г. он окончил Ташкентский вечерний педагогический институт.

Кудрат Хикмат работал в газете «Еш ленинчи», был редактором Государственного издательства художественной литературы Узбекской ССР, редактором издательства «Еш гвардия».

Писать Кудрат Хикмат начал в 1945 г. За прошедшие годы он выпустил для маленьких читателей сборники «Моя родина», «Благоустройство», «Дружба», «Путешествие в Москву», «Подарок трех друзей», «Любовь внука», «Анаджаним», «Алишер и книга» и другие.

ГВОЗДЬ

В

от гвоздь.

Мал рост,

Но не так-то он прост.

Ни стола, ни стула в доме

Не найдете без гвоздей,

В раме — гвоздь, в дверном проеме,

Гвоздь повсюду и везде.

На гвозде висит картина,

На гвоздях скрипит ботинок,

А на стройке кто он — гвоздь?

Он — хозяин, а не гость!

Гвоздь, ребята, берегите!

Он столяр, и он строитель,

Он сапожник, он и плотник,

Замечательный работник!

Гвоздь забить не так уж просто.

Молотком пристукнешь вкось ты —

Скажет гвоздь: «Я не согласен!

Только путь прямой прекрасен!»
От обиды он скривится,
В дело больше не годится!
Гвоздь упрямо
Ходит прямо!
...Вот тебе, дружок, программа:
Надо жить
Не вкривь да вкось,
Надо быть
Таким, как гвоздь!

НОВАЯ КНИГА

Недавно Хакиму дядя Мурад новую книгу купил.
От радости мальчик три дня подряд под мышкой ее
носил.

Садился за стол, ложился под куст и книгу вновь
открывал.
Он выучил книгу всю наизусть, картинки все
срисовал.

Соседских ребят позвал он скорей — понравилась
книга им.
И стало у книги столько друзей, сколько имел Хаким.

ТАЛИБДЖАН

Талибджан, боясь труда,
Хитро и умело
Отбивается всегда
От любого дела.
Как-то он среди двора
Мучился от скуки.
Мать хотела два ведра
Дать Талибу в руки.
«Не могу,— сказал сынок
Огорченной маме,—
Тяжело я занемог:
Грудь болит и ноет бок,
Тьма перед глазами.
Мне не вытянуть руки,
Лучше на рассвете
Я наполню у реки
Два ведерка эти!»
Солнце жжет, вставать пора,

Встал лентяй не рано.
Два ведра среди двора
Ждали Талибджана.
Вдруг простая мысль пришла
В голову лентяя.
Увидал Талиб осла
Около сарая.
«Занимать ли сметку нам?»
Весело и бодро
На осла взобрался сам
И привесил ведра.
«Знайте, я отныне ввел
Этакую моду,
Ибо сам я не осел,
Чтоб таскать вам воду!»
Талибджану вслед глядят
Малые, большие.
«Где берутся,—говорят,—
Лодыри такие?»

ДЖУМАНИЯЗ ДЖАББАРОВ

Джуманияз Джаббаров родился в 1930 г. в кишлаке Пулаты, Кашкадарьинской области. Окончив в 1952 году филологический факультет Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина, он работает в редакциях журналов «Хотинкизлар Узбекистан» и «Шарк юлдузи», в газете «Совет Узбекистан».

Начало творческой биографии Джуманияза Джаббарова относится к 1950 г. С 1953 г. выходят сборники поэта «Я славлю Родину», «Дыхание весны», «На пути к цели», поэмы «Гульшан», «Звуки гор», «Песня родной земли» и другие.

Джуманияз Джаббаров перевел на узбекский язык произведения М. Ю. Лермонтова, Т. Шевченко, В. Маяковского, М. Бажана, А. Суркова, Янки Купалы и Веры Инбер.

ВЕСНА И ЧЕЛОВЕК

А небосклон. Он — как линейный луг.
Встречь солнцу вышел — не вернусь назад...
Прекрасно утро! Оглядишься вокруг —
В рубиновых лучах весенний сад.

Густая зелень молодой листвы,
И в росной капле отблеск голубой,
И мятный запах скошенной травы
Вмиг исцелят от немощи любой.

Мне в грудь, пьяня, потоком хлынул свежим
Друг-ветер; улыбнулся я не раз —
Природы вздох был чист, глубок и нежен,
Как сон невесты в предассветный час.

Земля, вода, медовый аромат
Вошли частицей жизни в кровь мою,

Частицей солнца... Я безмерно рад,
Что в этом вольном родился краю!

Во мне стократно сила возросла,
Горжусь, что «человек» мое названье,—
Не красота ль души твоей внесла,
О человек, в природу ликованье?

И солнца луч,
И снег на лбищах круч,
И пышность сада, и струя потока,
И далей даль, земли живые строки,
И широта, и глубь, и высота —

Всего лишь искра, отраженный свет,
Всего лишь сердца твоего крупца..
Я счастлив — выше счастья в мире нет!—
Я рад безмерно, что на белый свет
Мне
Человеком довелось родиться.

ТАНЦОВЩИЦА ИЗ БУХАРЫ

«Дам турчанке из Ширази
Самарканд, а если надо,—
Бухару! А в благодарность
жажду родинки и взгляда».

Х а ф и з

Звуки бубна лукаво задорны...
И в напеве игрива, легка
То застенчивость, то непокорность
Мимолетного ветерка.

Вслед за смехом, за девичьей речью
Скакуна будто слышу разлет,
Будто слышу журчание речки,
Шелестение листьев... И вот

Выплывающая танцовщица
Вмиг заставила гибкостью рук
Соловьев Бухары изумиться,
Розы в сладкий повергла испуг.

То не рыбка ль, плывущая в море?
Ну, а может быть, взлет мотылька?

Кто с тем чудом бухарским поспорит,
что мелькает в костре цветника!

Я гляжу замороженно, робко,
Как понятным движением рук,
Белизною раскрытого хлопка
Забелила все дали вокруг.

В танце свежесть волны Зарафшана,
В нем и сад Гиждувана цветет.
Труд искусством своим возвышая,
Восходи же до новых высот!

Сердце сказкою ты обнимала.
За тебя дам созвездья цветов:
Самарканд, Бухару...

Если мало,—
Даже мир я отдать весь готов!

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Утро праздника манит игрою цветов.
Их оттенкам порой наши чувства подвластны.
Но любому из них предпочесть я готов
Цвет ликующий и побеждающий — красный.

Пламенеют знамена и маки горят
Нестареющим цветом и щедро веселым.
Переливы знамен города озарят,
Как к лицу они утренним праздничным селам.

Щеки девушек первый смутит поцелуй.
И заря, и тюльпан — все сольется в едином
Колебание воздушных, мелькающих струй
И придаст красный отсвет полям и долинам.

Сколько в цвете том радости затаено!
Как задорит, бодрит он сердца повсеместно!

Как играет на гранях бокала вино!
Как волнует атласное платье невесты!

Цвет, который, как символ, встречает земля,
Цвет, насильникам вызов бросающий дерзко,
Цвет звезды и надежды, светящий с Кремля,
Красных галстуков цвет, боевых, пионерских.

Без него ни мечты, ни грядущего нет,
Нет живого дыханья, тепла для восхода.
Вижу я: революции пламенный цвет
Убежденно сама утвердила природа.

КОСТЕР ДРУЖБЫ

Не знаю полнее уюта,
чем ночью,
 в горах,
 у костра.
Киргизская белая юрта —
оснеженных пиков сестра.
Сердечного дружества ради
с пятнадцати разных сторон
несхожие обликом братья
собрались за общим костром.
Тут слово искристо
 и веско,
взвывается пламенем
 мысль...
Киргизская наша невестка
нам всем наливает кумыс.
И песни поются на славу —
мотив так и просится сам!

И ласково вторит джайлау
веселым людским голосам.
И эхо с невидимых склонов
протяжно и долго звучит:
слова «Вечеров подмосковных»
в тьяншаньской

громадной ночи...
Задор точно в воздухе взвешен:
побольше вдохни —

и взлетишь!
То Балтики терпкую свежесть
эстонец привез

и латыш.
А ветер заденет неожиданно
листвы обвисяющий стяг —
и киевских улиц каштаны
за нашей спиной шелестят.
А речка все спорит надрывно:
«Ты наш ли?»

Ты наш ли?»

«Я ваш!»

И в яростной песне Нарына
нам чудится пенистый Вахш.

А утром

по-царски заря нам
окрасит бездонную даль —
то буйные краски Сарьяна
пришлет нам Армения

в дар!

Да,
каждый привез в этот лагерь
родимого края дары.
Сплетается смех балалайки

с гортанным рассказом домбры.
И слово,

и ответ,

и запах

в душе пробуждают восторг,

и в этом сливаются

запад,

и север,

и юг,

и восток.

Обрушатся, может быть, горы,

река повернется вспять,

но дружбе,

спокойной и гордой,

вовсеки

над миром сиять!

АЗИЗ АБДУРАЗАКОВ

Азиз Абдуразаков родился в 1928 г. в Ташкенте. После средней школы окончил техникум культурно-просветительной работы (1952) и в 1962 г.—литературный институт им. А. М. Горького. Работал корректором в газете «Еш ленинчи», литературным сотрудником в журнале «Шарк юлдузи», в аппарате Союза писателей Узбекистана.

Стихи Азиза Абдуразакова начали печататься с 1948 г. Вышли сборники «Друзьям», «Пути», «Снова в пути» и другие.

Моя улица

Ты въезжал ли в город мой старинный,
Разделенный на две половины?
Слева — древность, молодость — направо.
Слева — стены медресе, мечети,
Пыль Востока, пыль тысячелетий,
Справа — горы встали величаво.

Проходил ли ты, навстречу зною,
Пыльной улицей моей весною?
В старом Городе найти нетрудно
Улицу, подобную тропинке,
Где встают с рассветом по старинке,—
Горяча она и многолюдна.

Здесь я становился крепче, выше,
Здесь я маки собирал на крыше,
Здесь я понял прелесть мироздания.

Эти глинобитные дувалы
Про добро и подвиг небывалый
Поверяли мне свои сказанья.

Знаю: улица моя немало
Мудрецов и витязей рождала,
Бившихся с насильником, с невеждой.
Щедро одаряла уроженцев:
Жизнью, светом и теплом — младенцев,
Стариков — терпеньем и надеждой.

Я с оружием в руках отсюда
Вышел в жизнь, и жизнь была как чудо.
Но забуду ль старых стен соседство?
Но забуду ль в красных маках крышу?
Улицу мою всегда я слышу —
Запах кизяка, дыханье детства.

ОДА РУССКОМУ ЛЕСУ

Я весь день провел в лесной деревне,
Там, где княжит властная зима,
Где дворец серебряный и древний,
Красоты студеной терема.

Красота, которой нет предела,—
Полюбив, понять ее хочу!
Лес молчит, а вся земля надела
Белую, блестящую парчу.

Пленницы зимы, застыли ели.
Серьги — серебро у них в ушах,
Цепи — серебро — у них на теле,
На ногах, на девичьих плечах.

Не сгибаются под снегом сосны —
Заколдованные сначи,

Потому что верят: будут весны,
Дружно хлынут жаркие лучи!

Не подобны ли они народу,
Что в былом познал тяжелый гнет?
Русский лес, тебе сложил я оду,
О тебе душа моя поет.

СЛЕЗЫ СОЛНЦА

Щедро, как добрых матерей сердца.
О, сколько песен о тебе пропето.
Смеешься ты — я счастлив без конца.
Ты в трауре — я в горе беспросветном.

Когда-то я голодный и нагой
Брел по земле. Меня пугали грозы.
Ты плакало. И нивой золотой
В степи вздымались солнечные слезы.

Не кто иной, а только ты одно
Убило горе, разбудило душу.
Из слез твоих — пшеничное зерно.
Оно — мой добрый хлеб.
Мой хлеб насыщенный.

О солнце!
Я взглянул в твои глаза,

Пред щедростью твоей благоговею!
Вот крошка хлеба —
То твоя слеза.
Я на пол уронить ее не смею.

ХУСНИДДИН ШАРИПОВ

Усниддин Шарипов родился в 1933 г. в Намангане, в семье служащего.

Окончив неполно-среднюю школу, он учился в Наманганском сельскохозяйственном техникуме, затем на факультете мелиорации Ташкентского сельскохозяйственного института.

В 1954—1958 гг. работал инженером в Управлении лесного хозяйства Наманганской области, в 1956—1960 гг.— литературным сотрудником, специальным корреспондентом и ответственным секретарем областной газеты «Наманган хакикати».

В 1960 г. переезжает в Ташкент, работает в редакции газеты «Узбекистан маданияти», в журнале «Шарк юлдузи».

Вышли с 1956 г. сборники стихов «Росток», «Веление души», «Братишкам», «Влюблен в солнце», в театрах ставилась его лирическая драма «Люблю тебя».

ТОЧКА ОПОРЫ

ы казалась абсурдом,
химерой —
И влекла к себе издалека,
Голубая мечта Архимеда,
Разбудившая эхом
века!
Сколько было их,
сильных, упорных,
Что в писаниях,
войнах,
речах
Тщетно видели точку опоры,
Чтоб построить
вселенский рычаг.
И на тронах они восседали,
И в лачугах их прятала мгла,
И история стала седою,
А ответа найти не могла.

Но,
- поднявшись однажды
над этой
Пестротой событий и лиц,
Тем
единственно верным ответом
Обессмертил эпоху
Ильич!..
Не наездник, взнуздавший планету,
По которой гуляла камча;
Он опору увидел
не в небе,
Не на кончике остром меча.
Опершись на ладони рабочие,
Он толкнул эту землю плечом
И,
бессмертный,
не требуя почестей,
Повернул ее
к солнцу лицом!

ГЛЯДЯ НА КАРТИНУ

Сидит на мосту, над водою канала.
Сидит у мольберта он, с кистью в руке...
Художник рисует.
Прохожих здесь мало.
И глухнет ничтожнейший звук вдалеке.
Такая пора наступила в природе,
Что слова не сыщешь ее описать.
В рисунке свое отраженье находят
Деревья, и травы, и водная гладь...
И краешком глаза на воду гляжу я —
Другая картина предстала очам:
Проносится ветер пустынный, кочуя,
Земля здесь пуста и, как печь, горяча...
Геройские души в труде — нараспашку.
Назвать не смогу вдохновенней труда!
Кто снял тубетейку,
А кто и рубашку.
Пылища столбом — ничего, ерунда.

В сторонке большие котлы, их немало.
Шурпы ароматом звал каждый очаг.
Как братья, трудились на трассе канала
Таджик — острослов, и казах — весельчак.
Уж скоро исчезнет извечная жажда.
Недаром пролился строителей пот.
Канал протянулся до самого Ашта.
А вслед за водою
И хлопок идет!..
Надежда добра — отступает усталость.
Коль добрый товарищ — полегче идти.
И вот позади километры канала.
И ночи, и дни — сорок суток в пути!
Узбеки, таджики не зря потрудились —
Сверкает на солнце волною канал.
Сады и поля среди песков появились,
Ушел солончак со степей под Чаткал!..
...Гляжу на картину: ветвями прикрыта,
Чуть зыблясь, течет голубая вода...
А передо мною — гигантская битва
За эту вот воду на трассе, тогда...

ЭРКИН ВАХИДОВ

Эркин Вахидов родился в 1936 г. в Алтыарыкском районе, Ферганской области. После средней школы, в 1960 г., окончил Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина. Его трудовая деятельность началась с 1960 г. Работал редактором в издательстве «Еш гвардия», в издательстве художественной литературы «Ташкент».

Вышли сборники «Рассвет», «Восход», «Мои песни вам», «Сердце и разум» и другие.

У

БАШНЯ

древней башни
купол набекрень —
как старый шлем, во вмятинах и шрамах.
И вход забит.

А сбоку, на бедре,
дыра зияет, как сквозная рана.
Как дерево, истлели кирпичи,
в изломах трещин обнажая торец,
слиняли краски в солнечной печи,
и письма затейливые стерлись.
А мимо — мчит асфальт,

и новый клуб
напротив
окна в удивленье пялит.
Еще он просто по-мальчишьи глуп,
в него пока

не заложили память...
Он думает о башне: «Ну и ну!»

Впервые вижу древность такую.
Чего она торчит здесь, не пойму?
Давно бы ей пора на боковую!
А ведь приходят люди,
и опять
колдуют над орнаментами теми,
и ветхие, готовые упасть,
упрямо восстанавливают стены...»
Нет, он понять не в силах!
Для него
тут только разорительная смета,
ему противно башни торжество,
в нем сантиментов нет
ни сантиметра.
И как постигнешь, жизнь едва начав,
что жить нельзя без прошлого,
что тени
на этих вот истлевших кирпичах
укрыли память прошлых поколений,
их чаянья,
их боль и мастерство —
то,
без чего и не было б, пожалуй,
сегодняшней разумности его,
его красоты
и стройности поджарой;
что времени нервущаяся нить
вручается в безвестное идущим, —
и так порою важно им
сравнить,
поставить рядом
прошлое с грядущим...

СТАЛЬ

Она калилась в горнах добела,
чтобы, остыв,
приказывать столетьям.
Она была мечом.

Потом была
стволом ружейным или пистолетным.
И чем еще ей предстояло быть?
Броней танка?
Минометной рамой?
Она могла заставить и убить.
Но праздновать победу было рано.
А если так,
какой в усилье прок?
И ей, могучей, было в мире сире...
Но раз из стали сделали перо.
И тут ей стало ясно:
с нею — сила.

О СКРОМНОСТИ

Чайник горд своею сутью — чаем.
Он
кипит от гордости порой!
Но дойдет до дела —
и, ручаюсь,
он склонится перед пиалой.
Важности своей
ему не жалко,
в нем тогда
берет другое верх:
к пиале
дрожащие от жажды
наклоняет губы
Человек...

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- А п а — сестра; уважительное обращение к женщине.
Б а т ы р — богатырь.
Б и й — старшина племени.
Б е р д а х — каракалпакский поэт, классик XIX века.
Г у р д ж и с т а н — традиционное восточное название Грузии.
Д а р и — Дарваз — ущелье в горах Таджикистана.
Д о м б р а — музыкальный инструмент.
Д у т а р — музыкальный инструмент.
И с к а н д е р — Александр Македонский.
К а р н а й — музыкальный инструмент, большая медная труба.
К а с а — большая чашка, имеющая форму пиалы.
К а л я н д а р — странствующий дервиш.
К е т м е н ь — род мотыги.
М и с р а — полустепище.
Н а с (насвай) — особо приготовленный табак, закладываемый под язык.
П а д а р и к а л о н — великий отец.

Р а и с — председатель.

Р а й х о н — цветок базилики.

С а н д а л — приспособление в комнате, служащее для согревания рук и ног.

С у р ь м а — краска для бровей и ресниц.

С у п а — глинобитное возвышение во дворе или в саду.

С у м б у л и — гиацинты.

Т у л п а р — сказочный конь, обычно крылатый.

Т у г а н — прибрежные заросли.

«Х у д ж у м» — так называлась кампания против ношения паранджи.

Х у р д ж у м — переметная сума из ковровой материи.

Х о д ж и к у л — муж узбекской артистки Турсуной, фанатик, зверски убивший ее.

Ч а п а н — халат.

Ш а р и ф б о б о — известный узбекский опытник-хлопкороб 40-х годов.

Ш а к а р х о н — известная сборщица хлопка 40-х годов.

Я ш у л л и — старейший, почтеннейший.

СОДЕРЖАНИЕ

ХАМЗА

Мы рабочие. Песня. Перевел Н. Асеев	8
Проснись. Песня. Перевел В. Липко	10
Да здравствуют Советы. Песня. Перевел Н. Гребнев	12
Эй, эй, стреляем! Песня. Перевел Н. Асеев	14
Проснись, рабочий! Песня. Перевел С. Лиходзиевский	16
Не отдавай свободы. Песня. Перевел В. Луговской	18
Живите — здравствуйте, рабочий и дехканин! Песня. Перевел В. Луговской	20
Сетования ишана. Перевел В. Липко	22
Узбекской женщине. Перевел М. Зинкевич	24
Песня свободных женщин. Перевел Л. Хаустов	25
Поздравляю. Перевел С. Лиходзиевский	27
Предателям «Худжума». Перевел Д. Голубков	30
На смерть Турсуной. Перевела В. Инбер	31

ХАМИД АЛИМДЖАН

Узбекистан. Перевел Л. Пеньковский	35
Ферганская долина. Перевел С. Липкин	38
Когда цветет урюк. Перевел Л. Пеньковский	44
На берегах Чирчика. Перевел В. Державин	46
Любовь. Перевел Л. Пеньковский	49
День твоего рождения. Перевела С. Сомова	52
Россия. Перевел В. Державин	55
Самарканд 21 января 1924 года. Перевел В. Державин	57
Зейнаб и Аман. (Отрывок из поэмы). Перевела С. Сомова	60

АЙБЕК

В Мавзолее Ленина. Перевела О. Ивинская	69
Председательница. Перевел К. Симонов.	72
Наматак. Перевел Н. Тихонов	75
Прощание. Перевел Н. Тихонов	77
«Милой глаза...» Перевел Н. Тихонов	81
Твоя радость. Перевел Н. Тихонов	82
«Стих ветер...» Перевел А. Наумов	85
«Сколько раз повторить твое имя...» Перевел А. Наумов	86
«Свети, свети, вечерняя звезда...» Перевел А. Наумов	87
«Снова в знойном саду...» Перевел А. Наумов	88
«Когда с души спадает тяжкий гнет...» Перевел А. Наумов	89
Осень. Перевел Н. Борискин	90
Девушки. (Отрывок из поэмы). Перевела С. Сомова	92

ГАФУР ГУЛЯМ

На путях Турксиба. Перевел В. Державин	101
Женщина. Перевел Л. Пеньковский	107
Ты не сирота. Перевела С. Сомова	112

Жду тебя, сын мой. Перевела С. Сомова	117
Время. Перевела С. Сомова	121
Осень пришла. Перевела С. Сомова	123
Гончар и ювелир. Перевел В. Державин	126
Великий праздник казахского народа. Перевела Т. Стрешнева	130
Великому русскому народу. Перевел В. Липко	133

УИГУН

Гнев Назыра-ата. Перевел Н. Ушаков	140
Осенние песни. Перевел Н. Ушаков	142
Ленин. Перевел Н. Ушаков	146
Колыбель свободы. Перевел Н. Ушаков	148
Портрет. Перевел Л. Пеньковский	151
Салют Москвы. Перевел В. Липко	153
Привет тебе, грядущее! Перевел И. Сельвинский	154
Такыр. Перевел Б. Пармузин	157
Любовь к жизни. Перевел С. Северцев	159
Море на закате. Перевел С. Северцев	160
Кипарис. Перевел С. Северцев	161
Караван поколений. Перевел С. Северцев	162
Узбекскому государственному университету. Перевел В. Бижаев	164
День рождения счастья. Перевел В. Бижаев	167

ГАЙРАТИ

Народ. Перевел А. Наумов	170
На запад! Перевел Б. Штейн	172
Так я чувствую. Перевел А. Наумов	174
На берегах Днепра. Перевел А. Наумов	176
Ленин на субботнике. Перевел А. Наумов	179
Слово отца. Перевел Б. Штейн	181

ШЕЙХЗАДЕ

Карта. Перевел А. Янов	186
«Интернационал». Перевел А. Янов	190
Чай. Перевел А. Янов	193
Голуби. Перевел А. Янов	195
Ода России. Перевел А. Янов	197
Прислушайся к миру, сердце поэта. Перевел А. Янов	201
«В коробке воздух...» Перевел А. Наумов	205
«Остановка. Глухой полустанок...» Перевел А. Наумов	206

МИРТЕМИР

Величаю тебя, прославляю тебя! Перевела З. Тумачова	209
Владимир Ильич Ленин. Перевел В. Державин	211
Яли-яли. Перевел С. Липкин	216
Нет, не челобитье. Перевел Р. Моран	218
Город. Перевел Р. Моран	222
Облака. Перевел Р. Моран	225
Ночью. Перевел Р. Моран	226
Краше зари. Перевел Р. Моран	227
Свеча. Перевел А. Наумов	228
Думы. Перевел А. Ойслендер	230
Сыр-Дарья. Перевел Н. Борискин	232

САБИР АБДУЛЛА

Учите русский. Перевел А. Наумов	237
Пиши, поэт, не для себя. Перевел Н. Ушаков	239
О сердце. Перевел Б. Штейн	240
В семье. Перевел Л. Вышеславский	243
«Перо мое скользит...» Перевел Б. Штейн	246
Праздничная песня. Перевел Б. Штейн	249
Слава тебе, Партия. Перевел Н. Ушаков	251

ХАБИБИ

Здравствуй, мир! Перевел Б. Пармузин	254
Человек найдет. Перевел Б. Пармузин	256
Язъяванцам. Перевел Б. Пармузин	258
Ленин. Перевел Б. Пармузин	260
Родина. Перевел Н. Борискин	262

АМИН УМАРИ

Ленин. Перевел В. Левик	265
Победа сама не приходит. Перевел Б. Штейн	267
«Аврора». Перевел Б. Штейн	270
Осень. Перевел Б. Штейн	273
На пороге весны. Перевел Б. Штейн	275
Узбекистан. Перевел Б. Штейн	278

ХАСАН ПУЛАТ

Весна. Перевел В. Державин	281
Я узбекский джигит. Перевел Б. Пармузин	286
Москва. Перевел Б. Пармузин	289
Майская песня. Перевел Н. Борискин	291

СУЛТАН ДЖУРА

Пушкину. Перевел А. Янов	294
Наша весна. Перевел А. Янов	296
Вода идет! Перевел А. Янов	298

УСМАН НАСЫР

Сердце. <i>Перевел Э. Орловский</i>	302
«Ветер треплет...» <i>Перевел Э. Орловский</i>	303
Тебе, сестренка. <i>Перевел Э. Орловский</i>	304
«В предвечерний час...» <i>Перевел Э. Орловский</i>	305
На смерть Кирова. <i>Перевел Э. Орловский</i>	306
Поэзии. <i>Перевел Э. Орловский</i>	308
Мой сад. <i>Перевел Э. Орловский</i>	309
Рыбачка. <i>Перевел Э. Орловский</i>	311
Белому морю. <i>Перевел Э. Орловский</i>	313

ЗУЛЬФИЯ

Здесь родилась я. <i>Перевел В. Державин</i>	316
Иду я городом родным. <i>Перевел С. Липкин</i>	319
Сюзане. <i>Перевела С. Сомова</i>	321
Пришла весна, спрашивает о тебе. <i>Перевела М. Алигер</i>	324
Не пройти войне. <i>Перевел С. Липкин</i>	327
Частица солнца. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	330
Зависть. <i>Перевел С. Липкин</i>	332
Мушоира. <i>Перевел С. Липкин</i>	334
Кокчетау. <i>Перевел С. Липкин</i>	339
Сердце всегда в пути. <i>Перевел С. Липкин</i>	342

ТИМУР ФАТТАХ

Привет тебе, Волга. <i>Перевела С. Сомова</i>	344
В пути. <i>Перевел В. Державин</i>	346
Солнце с косами. <i>Перевела С. Сомова</i>	348
Она ушла. <i>Перевела С. Сомова</i>	350
Когда я думаю о тебе. <i>Перевел Л. Хаустов</i>	351
На родине Ленина. <i>Перевели С. Сомова и Л. Кондырев</i>	352
Над Волгой. <i>Перевел Л. Хаустов</i>	356

ЗАФАР ДИЯР

Бутоны. <i>Перевел А. Наумов</i>	360
Песня о елке. <i>Перевел А. Наумов</i>	363
К нам весна пришла, друзья. <i>Перевел А. Наумов</i>	365
Песня матери. <i>Перевел А. Наумов</i>	367

ХАМИД ГУЛЯМ

Последний мост. <i>Перевел К. Симонов</i>	372
Гвоздика. <i>Перевел К. Симонов</i>	375
Дым над хижинкой. <i>Перевел К. Симонов</i>	380

КУДДУС МУХАММАДИ

Салим и книжка. <i>Перевел С. Маршак</i>	389
Хвост. <i>Перевел С. Маршак</i>	391
Письмо непроходимых колючих зарослей. <i>Перевел В. Берестов</i>	394
Шелковичный червь. <i>Перевел С. Маршак</i>	397
Песня о хлопке. <i>Перевела Е. Благинина</i>	399

АСКАД МУХТАР

Кремлевские ели. <i>Перевел Р. Моран</i>	402
День. <i>Перевел А. Наумов</i>	404
След руки. <i>Перевел А. Наумов</i>	407
Иду по Москве. <i>Перевел А. Наумов</i>	410
На рассвете. <i>Перевел Р. Моран</i>	413
Чудесны родники Хамзаабада. <i>Перевел Р. Моран</i>	415
«Как закон тяготенья всемирного...» <i>Перевел А. Наумов</i>	416
Упало яблоко. <i>Перевел А. Наумов</i>	417
«Я хотел бы такой тишины». <i>Перевел А. Наумов</i>	418

«С зарею встанешь». <i>Перевел А. Наумов</i>	419
«Не все в стихах должно быть просто...» <i>Перевел А. Наумов</i>	421
«Все на свете имеет меру...» <i>Перевел А. Наумов</i>	423

МИРМУХСИН

Коммунист. <i>Перевела З. Туманова</i>	427
Рабочие. <i>Перевела З. Туманова</i>	428
Сельский врач. <i>Перевела В. Тушнова</i>	430
Рукотворная луна. <i>Перевела З. Туманова</i>	433
Ленин в колхозе (отрывок из поэмы «Уста Гияс»). <i>Перевел С. Липкин</i>	434
Рубаи о моем новом читателе. <i>Перевел Я. Козловский</i>	439
Рубаи о времени года. <i>Перевел Э. Асадов</i>	440
Человек. <i>Перевел А. Наумов</i>	441
Моему учителю. <i>Перевел Н. Борискин</i>	442

РАМЗ БАБАДЖАН

Ночные строки. <i>Перевел А. Наумов</i>	446
Геолог. <i>Перевел С. Северцев</i>	449
Баллада о сердце Лумумбы. <i>Перевел С. Северцев</i>	452
Высота. <i>Перевел С. Северцев</i>	455
Бокал. <i>Перевел С. Северцев</i>	456
«Когда надо мной замерла ты...» <i>Перевел С. Северцев</i>	457
На границе. <i>Перевел С. Северцев</i>	459
Слепой скрипач. <i>Перевел С. Северцев</i>	461
Загадка. <i>Перевел С. Северцев</i>	462
Сердце. <i>Перевел С. Северцев</i>	464
Сыну. <i>Перевел А. Наумов</i>	465
Новые рубаи. <i>Перевел Н. Грибачев</i>	467

МАМАРАСУЛ БАБАЕВ

В чем твоя красота. <i>Перевел Б. Пармузин</i>	473
Баллада о море. <i>Перевел Е. Исаев</i>	474
Персидский ковер. <i>Перевел Р. Галимов</i>	478
Слава. <i>Перевел К. Симонов</i>	481
Начало. <i>Перевел В. Приходько</i>	483
Портрет. <i>Перевел Г. Некрасов</i>	485
Разговор с молодостью. <i>Перевел Г. Некрасов</i>	487
В Кремле. <i>Перевел Г. Некрасов</i>	490

ШУКРУЛЛО

Бессмертие. <i>Перевел Г. Левин</i>	492
Мое желание. <i>Перевел Г. Левин</i>	493
Россия (Отрывок из поэмы). <i>Перевела С. Сомова</i>	495
Две скалы (Отрывок из поэмы). <i>Перевела С. Сомова</i>	500

ТУРАБ ТУЛА

У барельефа бакинским комиссарам. <i>Перевел А. Наумов</i>	504
Девушкам из города Газли. <i>Перевел С. Северцев</i>	506
Думы у моего окна. <i>Перевел С. Северцев</i>	507
Благодарю. <i>Перевел А. Наумов</i>	513

САИД НАЗАР

«Снега везде...» <i>Перевела Р. Казакова</i>	516
Танцовщица. <i>Перевела Р. Казакова</i>	518
Лола. <i>Перевела Р. Казакова</i>	520
Буревестник. <i>Перевела Р. Казакова</i>	522

ШУҚУР САГДУЛЛА

Ливень. Перевела З. Туманова	525
Времена года. Перевела З. Туманова	527

ШУХРАТ

Плакучая ива. Перевел Р. Галимов	531
В Мирзачуле. Перевел Р. Галимов	533
Статуя. Перевел В. Сикорский	534
Баллада о Ленине. Перевел Б. Пармузин	536

САИДА ЗУННУНОВА

А было так? Перевела В. Тушнова	544
Свидание. Перевел К. Симонов	545
«Когда пишу стихи». Перевел Б. Пармузин	547

СУЛТАН АКБАРИ

Родине. Перевел В. Сикорский	550
Из новой тетради. Перевел Р. Галимов	551
Я не выпрашиваю жизни. Перевел Р. Галимов	553
Счастье. Перевел Р. Галимов	555

ПУЛАТ МУМИН

Солнце землю пригрело. Перевела О. Высотская	558
Во дворе поспел тут. Перевел Ю. Коринец	561
Белое золото. Перевел Я. Аким	563

КУДРАТ ХИКМАТ

Гвоздь. Перевела З. Туманова	566
Новая книга. Перевел Ю. Яковлев	568
Талибджан. Перевел Н. Гребнев	569

ДЖУМАНИЯЗ ДЖАББАРОВ

Весна и человек. <i>Перевел Я. Ильясов</i>	572
Танцовщица из Бухары. <i>Перевел Ю. Окунев</i>	574
Красный цвет. <i>Перевел Ю. Окунев</i>	576
Костер дружбы. <i>Перевел А. Наумов</i>	578

АЗИЗ АБДУРАЗАКОВ

Моя улица. <i>Перевел С. Липкин</i>	582
Ода русскому лесу. <i>Перевел С. Липкин</i>	584
Слезы солнца. <i>Перевел В. Ляпунов</i>	586

ХУСНИДДИН ШАРИПОВ

Точка опоры. <i>Перевел А. Наумов</i>	589
Глядя на картину... <i>Перевел В. Костыря</i>	591

ЭРКИН ВАХИДОВ

Башня. <i>Перевел А. Наумов</i>	594
Сталь. <i>Перевел А. Наумов</i>	596
О скромности. <i>Перевел А. Наумов</i>	597
Пояснительный словарь	598

ПЕСНИ СТОЛЕТИИ

Антология узбекской поэзии

в трех томах

ТОМ III

Редактор *Б. Пармузин*
Художник *М. Широковский*
Худ. редактор *Г. Бедарев*
Тех. редактор *Л. Ильина*
Корректор *Г. Шевчук*

Слано в набор 5/1—1966 г. Подписано к печати 5/111—1966 г. Формат 70×108^{1/32} Печ. л. 19,125 Усл. л. 26,77+1,65 (36 вклеек). Уч.-изд. л. 18,5+1,5. Тираж 800). P02147.

Издательство художественной литературы
им. Гафура Гуляма Ташкент, Навои 30.
Договор № 149—65.

Отпечатано в типографии № 3 Государственного комитета Совета Министров Узбекской ССР по печати на бумаге № 1. Ташкент, Навои 30, 1967 г. Заказ № 459.
Цена 2 р. 43 к.

Уз
А72

Песни столетий. Антология узбекской поэзии В 3-х томах
Т. 3. Стр. 612.
Издательство художественной литературы им. Гафура Гуляма 196.
Тираж 8 000,

Индекс: 7-4-3

Уз: